

НЕИЗВЕСТНЫЙ ДОСТОЕВСКИЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2021 Том 8 № 2

Биография автора: Каким было классическое образование Достоевского? Чему учили в пансионе Чермака? Вопреки предубеждениям исследователей Достоевский хорошо знал латинский язык! **Апология Исаева:** Как молва ославила пьяницей смертельно больного человека? **Уроки истории всерьез и в шутку:** Гарибальди побеждает даже тогда, когда терпит поражение. **Вопросы текстологии:** Что советуют математики при обсуждении авторства анонимных статей в журналах «Время» и «Эпоха»? **Из жизни «Эпохи»:** С кем общался Достоевский? **Интриги журналистов:** Как сегодня понять в «Пушкинской речи» то, что не поняли современники? **Искушение Мережковского:** Достоевский или революция?

The Unknown DOSTOEVSKY

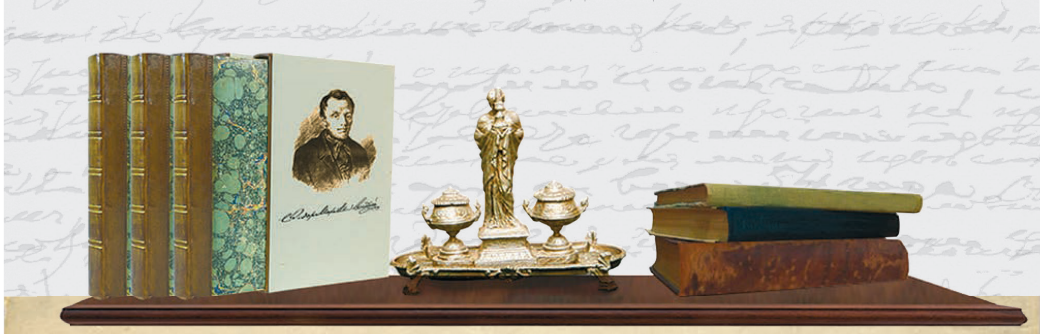
INTERNATIONAL ONLINE RESEARCH JOURNAL

2021 Vol. 8 No. 2

Author's biography: What do we know about Dostoevsky's classical education? What was taught at the Cermak boarding school? **Contrary to the researchers' conviction, Dostoevsky knew Latin well!** **Isaev's apology:** How did rumors denigrate a terminally ill person as a drunkard? **History lessons in earnest and in jest:** Garibaldi wins even when defeated. **Textual criticism issues:** What do mathematicians advise in discussions of attribution of anonymous articles in the "Vremya" and "Epokha" journals? **From the life of the "Epokha":** With whom did Dostoevsky interact? **Journalists' collusion:** The Pushkin Speech: How can we understand today what its contemporaries did not? **The Temptation of Merezhkovsky:** Dostoevsky or the Revolution?

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

НЕИЗВЕСТНЫЙ ДОСТОЕВСКИЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
2021 Том 8 № 2

Журнал имеет целью открытие новых перспектив в изучении биографии и творчества Ф. М. Достоевского, публикует оригинальные биографические и текстологические исследования, неизвестные архивные материалы, посвященные гениальному русскому писателю и его окружению

Основан в июле 2013 г.

Выходит ежеквартально

Входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов ВАК РФ

Индексируется в Web of Science, Scopus, Erih Plus, EBSCOhost и др.

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора

Главный редактор

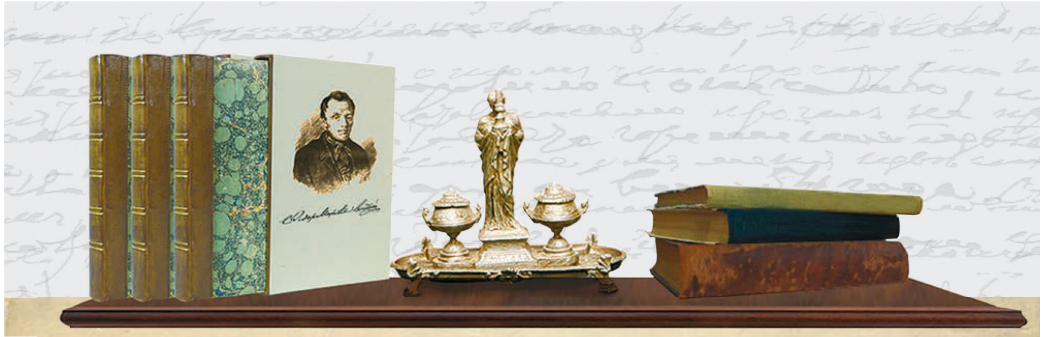
Владимир Николаевич Захаров —

доктор филологических наук, профессор

Петрозаводского государственного университета

E-mail: vnz01@yandex.ru

ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
2021

The Unknown DOSTOEVSKY

INTERNATIONAL ONLINE RESEARCH JOURNAL
2021 Vol. 8 No. 2

The journal aims at opening new perspectives in the study of the biography and work of F. M. Dostoevsky, publishes original biographical and textual researches and the unknown archival materials dedicated to the brilliant Russian writer and his entourage.

Established in May 2013

The journal is published quarterly

Indexed in Web of Science, Scopus, Erih Plus, EBSCOhost and others

All the submitted articles are reviewed

Chief Editor

Vladimir N. Zakharov

Doctor of Philology, Professor of Petrozavodsk State University

E-mail: vnz01@yandex.ru

PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

2021

Главный редактор

Владимир Николаевич Захаров (Москва, Петрозаводск, Российская Федерация) — доктор филологических наук, профессор

Chief Editor

Vladimir N. Zakharov (Petrozavodsk, Moscow, Russian Federation) — Doctor of Philology, Professor

Редакционный совет

Игорь Леонидович Волгин (Москва, Российская Федерация) — доктор филологических наук, профессор

Геригк Хорст-Юрген (Гейдельберг, Германия) — PhD, профессор

Ирэн Зохраб (Веллингтон, Новая Зеландия) — PhD, профессор

Вильям Милс Тодд III (Кембридж, США) — PhD, профессор

Дебора Мартинсен (Нью-Йорк, США) — PhD, профессор

Борис Николаевич Тихомиров (Санкт-Петербург, Российская Федерация) — доктор филологических наук

Виктор Федорович Молчанов (Москва, Россия) — доктор исторических наук

Editorial staff

Igor L. Volgin (Moscow, Russian Federation) — Doctor of Philology, Professor

Horst-Jürgen Gerigk (Heidelberg, Germany) — PhD, Professor

Irene Zohrab (Wellington, New Zealand) — PhD, Professor

William Mills Todd III (Cambridge, USA) — PhD, Professor

Deborah Martinsen (New York, USA) — PhD

Boris N. Tikhomirov (St. Petersburg, Russian Federation) — Doctor of Philology,

Victor F. Molchanov (Moscow, Russian Federation) — Doctor of Historical Sciences

Редакционная коллегия

Стефано Алоэ (Верона, Италия) — PhD, доцент

Кэрол Аполлоньо (Дарем, США) — PhD, профессор

Владимир Александрович Викторovich (Коломна, Российская Федерация) — доктор филологических наук, профессор

Каталин Кроо (Будапешт, Венгрия) — PhD, профессор

Луи Аллен (Лилль, Франция) — PhD, профессор

Павел Евгеньевич Фокин (Москва, Российская Федерация) — кандидат филологических наук

Editorial board

Stefano Aloe (Verona, Italy) — PhD, Associate Professor

Carol Apollonio (Durham, USA) — PhD, Professor

Vladimir A. Viktorovich (Kolomna, Russian Federation) — Doctor of Philology, Professor

Katalin Kroó (Budapest, Hungary) — PhD, Professor

Louis Allain (Lille, France) — PhD, Professor

Pavel E. Fokin (Moscow, Russian Federation) — PhD

СОДЕРЖАНИЕ

Е. Л. Смирнова Достоевский и античность: классическое образование в пансионе Л. И. Чермака	5
А. А. Скоропадская Латинский язык Достоевского	34
Е. Д. Трухан В защиту Александра Ивановича Исаева (по документам Государственного архива Томской области)	48
Н. В. Швари «Гарибальди» у Достоевского: дополнения к комментарию	68
О. В. Захарова Атрибуция в зеркале статистики: анонимные статьи в журналах братьев Достоевских «Время» и «Эпоха»	81
М. В. Заваркина Неустановленные имена в «первой» записной тетради Ф. М. Достоевского (1864–1865 гг.)	107
В. А. Викторovich Эффект «Пушкинской речи» в русской журналистике	122
Е. А. Андрущенко Уловка Д. С. Мережковского: какую статью критик писал для А. Г. Достоевской	157

CONTENTS

<i>E. L. Smirnova</i>	
Dostoevsky and Antiquity: Classical Education at the L. I. Chermak Boarding School	5
<i>A. A. Skoropadskaya</i>	
Dostoevsky's Latin language	34
<i>E. D. Trukhan</i>	
In Defense of Alexander Ivanovich Isaev (Using Materials of the State Archive of the Tomsk Region)	48
<i>N. V. Shwarts</i>	
Dostoevsky's Garibaldi: additions to the commentary.....	68
<i>O. V. Zakharova</i>	
Attribution in the Statistics Mirror Anonymous Articles in the "Vremya" and "Epokha" Journals Published by the Dostoevsky Brothers'	81
<i>M. V. Zavarkina</i>	
Unidentified Names in the "First" Notebook of F. M. Dostoevsky (1864–1865)	107
<i>V. A. Viktorovich</i>	
The Effect of the Pushkin Speech in Russian Journalism	122
<i>E. A. Andruschenko</i>	
D. S. Merezhkovsky's Ploy: The Article Written by the Critic for A. G. Dostoevskaya	157

Научная статья

УДК 821.161.1.09“18”+929+ 37.017.924+070

DOI: 10.15393/j10.art.2021.5441

Достоевский и античность: классическое образование в пансионе Л. И. Чермака

Е. Л. Смирнова

*Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)*

e-mail: esmirnova@petrsu.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка выявить античный лингвокультурный контекст обучения Ф. М. Достоевского в пансионе Л. И. Чермака. Показано, по каким программам и учебникам Достоевский постигал в 1834–1837 гг. премудрости классических языков и древней истории и какие учителя могли повлиять на восприятие им античной истории и культуры. На примере выпусков журнала «Библиотека для чтения» проанализировано, какие тексты, связанные с классической древностью, были доступны Достоевскому за пределами учебной программы. Годы учебы Достоевского в пансионе Чермака можно охарактеризовать как время, удивительно благоприятное для усвоения и осмысления античного наследия: заданный правительственными решениями акцент на классических языках в образовании удачно дополнился блистательным преподавательским составом пансиона, и во многом благодаря таким учителям, как К. М. Романовский, Н. И. Билевич, А. М. Кубарев, греко-римская древность стала для Достоевского не скучной и надоевшей коллекцией мертвых форм, а источником фантазий, размышлений, сравнений и возвышенных идей. Публикации «Библиотеки для чтения», связанные с историей и археологией, литературой и искусством Древней Греции и Рима, многогранно раскрывали античность, уводя склонного к серьезному чтению подростка далеко за рамки школьной программы в мир ошеломляющих открытий, острой научной полемики, смелых сравнений с современностью и ярких художественных образов.

Ключевые слова: Л. И. Чермак, пансион, Достоевский, античное наследие, классическое образование, Н. И. Билевич, А. М. Кубарев, журнал «Библиотека для чтения»

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90037.

Для цитирования: Смирнова Е. Л. Достоевский и античность: классическое образование в пансионе Л. И. Чермака // *Неизвестный Достоевский*. 2021. Т. 8. № 2. С. 5–33. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5441

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2021.5441

Dostoevsky and Antiquity: Classical Education at the L. I. Chermak Boarding School

Ekaterina L. Smirnova

*Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)*

e-mail: esmirnova@petsu.ru

Abstract. The article attempts to identify the classical linguistic and cultural context of F. M. Dostoevsky's education at the L. I. Chermak boarding school. It lists the programs and textbooks that Dostoevsky studied in 1834–1837 to learn about the intricacies of classical languages and ancient history, and the teachers who may have influenced his perception of ancient history and culture. Using the issues of the “Biblioteka dlya chteniya” (*Library for Reading*) journal, the authors investigate which texts related to classical antiquity were available to Dostoevsky outside of the curriculum. The period of Dostoevsky's studies at the Chermak boarding school can be characterized as extremely favorable for the assimilation and comprehension of ancient heritage. The reason for this is the emphasis on classical languages in education set by government decisions, successfully augmented by the brilliant teaching staff at the boarding school, i. e., K. M. Romanovsky, N. I. Bilevich and A. M. Kubarev, Dostoevsky saw Greco-Roman antiquity not as a boring and tiresome collection of dead forms, but as a source of fantasies, reflections, comparisons, and sublime ideas. The publications in *Library for Reading* on history and archeology, literature and art of Ancient Greece and Rome revealed antiquity in a multi-faceted manner, taking the teenager inclined to serious reading far beyond the school curriculum into the world of stunning discoveries, sharp scientific controversy, bold comparisons with modern times and vivid artistic images.

Keywords: Fyodor Dostoevsky, L. I. Chermak, boarding school, antique heritage, classical education, N. I. Bilevich, A. M. Kubarev, “Biblioteka dlya chteniya”, “Library for Reading” journal

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR, project number 18-012-90037.

For citation: Smirnova E. L. Dostoevsky and Antiquity: Classical Education at the L. I. Chermak Boarding School. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2021, vol. 8, no. 2, pp. 5–33. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5441 (In Russ.)

В начале сентября 1834 г. братья Федор и Михаил Достоевские поступили в пансион Леонтия Ивановича Чермака [Летопись: 28]. Этот пансион относился к частным учебным заведениям первого разряда, программа которых соответствовала программе гимназий, и считался одним из лучших в Москве¹. Период пребывания братьев Достоевских в пансионе Чермака изучен достаточно подробно (см.: [Федоров: 241–254]), однако некоторые детали, связанные с подготовкой в области классических языков и античной истории, не становились до сих пор предметом специального исследовательского интереса.

Между тем очень важно подчеркнуть, что учеба братьев Достоевских в пансионе Чермака пришлось на период создания в Российской империи того типа гимназий, который позже получил прозвание «николаевских» или «уваровских»² и существенно отличался от учебных заведений времени правления и Александра I, и Александра II. Основой изменений стал «Устав гимназий и училищ уездных и приходских, состоящих в ведомстве университетов Санкт-Петербургского, Московского, Казанского и Харьковского», утвержденный 8 декабря 1828 г.³ Этот устав из 8 глав и 325 параграфов получил еще в дореволюционных исследованиях нелестные отзывы за введение принципа сословности в образование (§ 134, 137), разрешение телесных наказаний для первых трех классов (§ 205) и учреждение должности классных надзирателей, которые призваны были следить за поведением гимназистов в урочное и внеурочное время (см. об этом: [Алешинцев: 110]). Вместе с тем высоко оценивалось упрощение учебного курса за счет сокращения количества предметов в учебном плане гимназий при увеличении срока обучения до семи лет: «...этот строго выдержанный план, не переобремененный лишними предметами, привел к расцвету образованности (так никогда и не повторившемуся в русской истории, где эпоха Николая I осталась непревзойденной в культурном отношении)» [Любжин: 3]. Несомненно, положительным изменением стало увеличение числа учителей с 8 до 10 (§ 137) и повышение их жалования [Алешинцев: 116].

Важнейшим новшеством устава 1828 г. было введение преподавания латинского языка с первого класса по седьмой во всех гимназиях и обязательное обучение древнегреческому языку в IV–VII классах «в гимназиях, состоявших при университетах» (§ 145)⁴. И хотя допускались гимназии без преподавания древнегреческого языка (§ 145), в тексте устава отмечалось, что «те из удостоенных при выпуске похвальными аттестатами, кои сверх прочих наук обучались и греческому языку, определяются в гражданскую службу прямо 14 классом» (§ 235). Из воспоминаний учившегося в одно время с Достоевским А. Д. Шумахера видно, что пансион Чермака относился к заведениям, в которых древнегреческий изучался⁵. Классические языки занимали в гимназиях при университетах и частных пансионах первого разряда почти треть учебного времени (Илл. 1).

— 164 —

В.

ТАБЛИЦА ПЕРВАЯ.
Для Гимназій, въ коихъ преподается
Греческій языкъ.

Учебные пред- меты.	Число уроковъ по классамъ въ недѣлю.							Всѣхъ уроковъ въ недѣ- лю	всѣхъ часовъ въ недѣ- лю.
	I	II	III.	IV.	V.	VI.	VII		
1. Законъ Бо- жій.	2.	2.	2.	2	1.	1.	1	11.	16½.
2. Россійскія Словесности и Логика.	4.	4.	4.	5.	5.	5.	2	25.	54½.
3. Языкъ Ла- тинскій	4.	4.	4.	4.	4.	3.	3	28.	59.
4. — Греческій	—	—	—	5.	5.	5.	5	20.	50.
5. — Нѣмецкій.	2.	2.	2.	3.	3.	3.	3	18.	27.
6. — Француз- скій.	—	—	—						
7. Матема- тика.	4.	4.	4.	1.	1.	1.	—	15	22½.
8. Географія. и Статис- тика.	2.	2.	2.	1.	1.	—	2.	10.	15.
9. Исторія.	—	—	2.	2.	3.	3.	3.	15.	19½.
10. Физика	—	—	—	—	—	2.	2.	4.	6.
11. Числони- саніе.	4.	4.	2.	—	—	—	—	10.	15.
12. Черченіе и рисованіе.	2.	2.	2.	1.	1.	1.	1.	10.	15.
Итого } урок	24.	24.	24.	22.	23.	22	22.	160.	—
	час.	56.	56.	56.	53.	53.	53.	—	240.

Примѣчаніе. Введеніе въ Сибирскія Гимназіи преподаванія Россійскаго Правовѣдѣнія и обученія Татарскому языку, въ одно изъ новѣйшихъ, гдѣ сіе нужнымъ окажется, предосна-
влено усмотрѣнію мѣстнаго Училищнаго Начальства съ ут-
верженія Министра Народнаго Просвѣщенія.

Подлинную подписалъ Предсѣдатель Гсу-
дарственнаго Совѣта Графъ В. Косубей.

Илл. 1. Распределение часов на предметы в гимназиях с преподаванием древнегреческого языка (Устав: 164)

Fig. 1. The distribution of hours per subject in gymnasiums with the teaching of Ancient Greek

Это новшество 1828 г. следует отметить особо: оно стало победой сторонников идей о том, что «древние языки есть <...> надежнейшие основания учености и <...> лучший способ к возвышению и укреплению душевных сил юношей» (Шмид: 245). Классическое образование объявлялось способствующим гармоническому интеллектуальному и нравственному развитию личности, потому что «оно оттачивает ум, дает знания об античности как высочайшем достижении цивилизации и готовит учащихся к занятиям в университете, а заодно являет им примеры чести, долга, служения государству» [Виттекер: 168]. И хотя у «латинствующих» было немало критиков, считавших бесполезным и даже вредным увеличение числа часов на латынь⁶, нововведение было очень важным в том числе и потому, что «изучение классических дисциплин оставалось общеевропейской традицией в среднем образовании» и, по сути дела, «классическое образование создавало общую основу, объединявшую элиты всех европейских стран» [Виттекер: 168], (см. об этом также: [Фролов, 1999а: 274]).

Ф. М. Достоевский, скорее всего, был принят в четвертый класс пансиона, поскольку устав 1828 г. предписывал принимать в III и IV классы детей «не моложе 12 лет» (§ 150). Тот же устав предписывал, чтобы учебные предметы в гимназиях распределены были единообразно согласно приложенным к уставу таблицам (§ 153). Более того, особый циркуляр министра просвещения от 29 июня 1832 г. не только указывал кратко объем всех предметов в каждом классе гимназии⁷, но и во многих случаях называл рекомендуемые для преподавания руководства и пособия⁸ (Илл. 2). Если учесть, что указ 1828 г. ставил частные учебные заведения под надзор губернских директоров (§ 312) и предписывал, что «в числе и распорядке учебных предметов частные заведения должны по возможности сближаться с соответствующими степени оных <...> казенными» (§ 316), а «Инструкция инспекторам частных учебных заведений в столицах 1834 г.» требовала надзора за тем, чтобы «преподавание совершалось по руководствам, одобренным Министерством Народного Просвещения»⁹, то мы можем составить представление о программе, по которой учились Достоевские и понять, по каким учебникам, скорее всего, велось преподавание¹⁰.

ШТАТЫ И ПРИЛОЖЕНИЯ.		
Предметы.	Классы.	Распределение преподавания по классамъ.
	V.	Подробнѣйшее повтореніе 2-й части грамматики. Практическія упражненія, по руководству къ переводамъ на Греческій языкъ Роста, перевед. г. Соколовымъ. Окончаніе 1-й части христоматіи и начало 2-й. Изъ 4-й части той же христоматіи самыя легкія поэтическія статьи, съ изъясненіемъ правилъ просодіи, метрики и стихотворнаго языка.
	VI.	Подробное повтореніе синтаксиса. Продолженіе чтенія прозаическихъ и поэтическихъ отрывковъ. Письменные переводы на Греческій изъ сочиненія Роста и другія практическія упражненія. Въ семь же классѣ можно читать 6 книгъ Одиссеи, изд. Ежовскимъ, и отищныя мѣста затверживать наизусть.
	VII.	Продолженіе чтенія христоматіи и поэтической языкъ предлагается въ Греческую прозу. Письменные переводы на Россійскій и Латинскій языки; изъясненіе на Латинскомъ языкѣ; выучиваніе избранныхъ мѣстъ и декламация.
Языкъ Латинскій.	I.	Чтеніе, письмо, существенныя формы грамматики языка, по Кошанскому. Легкія статьи изъ христоматіи, приспособленныя къ грамматикѣ Кошанскаго.
	II.	Синтаксисъ грамматики Кошанскаго. Чтеніе христоматіи.
	III.	Дополнительное повтореніе грамматики, съ примѣрами и упражненіями. Чтеніе прозаической христоматіи, пространствѣ христоматіи Кошанскаго, или же <i>Selectae e profanis scriptoribus historiae</i> . Переводъ одного изъ слѣдующихъ авторовъ: <i>Aurelius Victor, Eutropius</i> или <i>Cornelius Nepos</i> . Переводы съ Россійскаго на Латинскій по руководству Бѣлюстина.
	IV.	Продолженіе чтенія Латинской прозы (<i>Selectae historiae</i>). Христоматія Виллигероде; <i>Cornelius Nepos</i> или <i>Julius Caesar</i> . Поэтическая христоматія или по крайней мѣрѣ <i>Phaedrus</i> , съ краткимъ изложеніемъ главныхъ правилъ просодіи и метрики вообще. Практическія упражненія. Переводы по книгѣ Бѣлюстина.
	V.	Продолженіе чтенія Латинскихъ авторовъ (<i>Sallustius, Virgili Aeneis</i>).
	VI.	Продолженіе чтенія авторовъ (<i>Livius, Virgili Aeneis</i>) съ затверживаніемъ наизусть лучшихъ мѣстъ. Такъ называемое <i>Specimen extemporaneum</i> . Практическія упражненія.
	VII.	Продолженіе чтенія авторовъ (<i>Ciceronis orationes selectae</i>); оды Горация съ изъясненіемъ лирическаго языка и метрическихъ законовъ; заучиваніе и декламация лучшихъ одъ и письменный переводъ оныхъ. Разныя практическія занятія, и, пощадѣ, <i>Specimina extemporanea</i> .
Языкъ Французскій.	IV.	Чтеніе и при ономъ переводы легкихъ предложеній, съ замѣчаніемъ производства словъ отъ Латинскаго корня; способъ выраженія Русскихъ падежей на Французскомъ языкѣ; спряженія.
	V.	Переводы съ Французскаго языка на Русскій; анализъ; письмо по диктовкѣ.
	VI.	Переводы съ Русскаго языка на Французскій, при изученіи синтаксиса; ученіе наизусть стиховъ.
	VII.	Сочиненіе на Французскомъ языкѣ; ученіе наизусть лучшихъ отрывковъ. <i>Примѣчаніе.</i> Во всѣхъ четырехъ классахъ учитель объясняется по Французски, пріучая къ тому, по возможности, и учениковъ.

Илл. 2. Распределение преподавания по классам. Фрагмент¹¹

Fig. 2. The distribution of teaching by class. A fragment

Программа и учебные пособия по классическим языкам и древней истории

Согласно циркулярному предложению 1832 г., обучение латинскому языку в четвертом классе предполагало: продолжение чтенія латинской прозы (*Selectae historiae*¹²), работу с христоматіей Виллигероде и чтеніе Корнелия Непота или Юлія Цезаря; занятія по поэтической христоматіи или чтеніе Федра «с кратким изложеніемъ просодіи или метрики»¹³, а также «переводы

по Белюстину» (см.: Белюстин). В пятом классе предписывалось читать Гая Саллюстия Криспа и «Энеиду» Вергилия, а в шестом — Тита Ливия и Вергилия «с затверживанием наизусть лучших мест»¹⁴, а также «так называемое *sresipien ex temporeneum*» и «практические упражнения».

Указание на «переводы по Белюстину» заслуживает особого внимания. В записной книжке Достоевского за 1860–1862 гг. (ОР РГБ. Ф. 93.1.2.6. С. 46) и записной тетради 1876–1878 гг. (РГАЛИ. Ф. 212.1.16. С. 154) встречается запись *Strepitu belli propelluntur artes*, источником которой, скорее всего, является именно пособие Н. Белюстина: «...на странице 56 издания 1830 г. в упражнении 9 первая фраза для перевода — “Шумом войны прогоняются искусства”. Предлагаемый к упражнению лексический минимум содержит слова *strepitus* (шум), *ars* (искусство) и *propelluntur* (разгоняются)» [Скоропадская, 2020b: 213]. Анализируя методические приемы в пособии Н. Ф. Белюстина, А. А. Скоропадская отмечает, что «предложения, включенные в практическую часть, часто имеют афористичный характер, что, с одной стороны, способствует их запоминанию, а с другой — вырабатывает навык использования латинских грамматических форм и синтаксических конструкций в речи. Подобный подход, несомненно, влиял на формирование риторической культуры, сочетающей правильность грамматики с умением точно и ясно выражать мысль» [Скоропадская, 2020b: 213].

Обучение древнегреческому языку в IV классе гимназий только начиналось. Программа предписывала следующее: «Существенные части грамматики по руководству Бутмана, переведенному Поповым (см.: Попов). Чтение 1-й части хрестоматии Якобса. Существенные части синтаксиса»¹⁵.

В V классе проходили вторую часть грамматики Бутмана и выполняли упражнения по руководству к переводам на греческий И. Соколова (см.: Соколов). Кроме того, в программе были «легкие поэтические статьи с изъяснением правил просодии, метрики и стихотворного языка»¹⁶. В VI классе, помимо повторения синтаксиса, предписывалось «продолжение чтения прозаических и поэтических отрывков. Письменные переводы на греческий из сочинений Роста (см.: Рост) и другие практические упражнения. Указывалось, что «в сем же классе можно читать 6 книг “Одиссеи”, изданных Ежовским, и отличные места затверживать наизусть»¹⁷.

Учителями латинского языка у братьев Достоевских были К. Месс и Я. Визард, а греческого — священник, магистр Пономарев [Федоров: 248], однако о них, к сожалению, мало что известно. Тем не менее, по всей видимости, ко времени ухода из пансиона Чермака уровень владения латинским языком Ф. М. Достоевского был достаточно высок, чтобы читать записки Юлия Цезаря в оригинале, понимать «решительно всё» и отзываться о латыни так: «Что за прелестный язык» (ДЗ0; 28; 60). Исследователи

творчества Достоевского отмечают, что латинские термины, выражения и афоризмы вошли в арсенал художественных средств писателя, в его тексты личного и рабочего характера (дневники, записные книжки, черновые наброски и планы произведений) (см.: [Васильева: 20–26], [Нилова: 36–38], [Куйкина: 1–4], [Скоропадская, 2020а: 109]). До последних лет жизни Достоевский сохранил убежденность в том, что в латинском и древнегреческом языках есть «нравственно-развивающая сила», называл их двумя наиболее законченными формами человеческой мысли, поднявшими «весь бывший варварский Запад до высочайшей степени развития и цивилизации» (*Д30*; 23: 82).

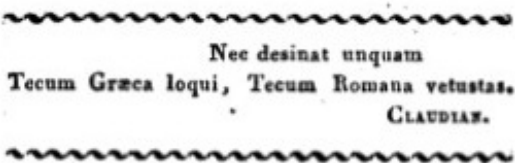
Согласно уставу гимназий 1828 г., в IV классе одновременно с началом изучения древнегреческого языка преподавалась древняя история: она была второй частью дисциплины «всеобщая история» и следовала за преподаваемым в III классе «обозрением всеобщей истории»¹⁸. Составителем учебного плана дисциплины был И. К. Кайданов¹⁹. Основным учебным пособием было «Руководство к познанию всеобщей политической истории» И. К. Кайданова — первая его часть, посвященная древности (см.: *Кайданов*). Особенностью руководства была чрезвычайная насыщенность фактами и подробностями, установка на запоминание многочисленных дат и имен [Федорова: 79–80]. Следует отметить, что ко времени поступления братьев Достоевских в пансион Л. Чермака в 1834 г. учебник И. К. Кайданова, с одной стороны, неоднократно оказывался предметом рецензий, а порой и критических замечаний²⁰, а с другой — выдержал пять переизданий и в издании 1834 г. профессор Кайданов в ответ на критику постарался усовершенствовать пособие [Замыслова: 10].

На первых же страницах руководства автор указывал — в том числе и со ссылкой на Цицерона, знаменитое высказывание которого «*Historia testis temporum, lux veritatis, vita memoriae, magistra vitae et nuntia vetustatis*» (Cic. *De orat.*, II, 9) приведено в учебнике на латинском языке, — что история «содействует к распространению на свете царства истины, мудрости и добродетели»²¹. И. К. Кайданов сообщал ученикам, что «просвещенный историей подобен человеку, живущему несколько тысячелетий и видевшему все перевороты, случившиеся в свете», — и добавлял: «Гений Истории, образуя умы и сердца ваши, приведет вас наконец к главной, конечной цели изучения сей науки: в возвышении и падении Царств и народов, он покажет вам чудесные действия премудрости и правосудия Творца вселенной, по манию Коего Царства рождаются, возрастают и исчезают в океане времен»²².

На титульном листе руководства по древней истории Кайданова была помещена в качестве эпиграфа цитата из Клавдиана, выделенная с двух сторон волнистыми линиями: «*Nec desinat unquam tecum Graeca locui tecum*

Romana vetustas» <Не прекращала никогда с тобой Греция говорить (и) римская древность> (Илл. 3). Иными словами, огромное внимание было уделено тому, чтобы увлечь учеников, а вместе с тем задействовать уже имеющиеся у них знания.

**ЧАСТЬ ПЕРВАЯ,
ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ.**

Илл. 3. Титульный лист «Древней истории» И. К. Кайданова. Фрагмент
Fig. 3. The title page of Ancient History by I. K. Kaidanov. A fragment

Известно, что историю в пансионе Л. Чермака преподавал надворный советник Клавдий Маркович Романовский [Федоров: 247]. Младший брат Ф. М. Достоевского, который учился в IV классе и соответственно изучал древнюю историю в 1840–1841 гг., в своих воспоминаниях называет Романовского, который «издавна преподавал в этом классе», «любимцем класса», который хотя и преподавал «по-старинному, в зубрежку: отсюда–досюда, но в его классе было всегда весело и ученики не дремали»²³.

**Персонажи античной истории в мире отроческих
впечатлений Достоевского**

О том, что по меньшей мере некоторые персонажи античной истории остались в памяти Ф. М. Достоевского еще со школьных времен, свидетельствуют строки из «Петербургских сновидений в стихах и прозе»:

«Прежде в юношеской фантазии моей я любил воображать себя иногда то Периклом, то Марием, то христианином из времен Нерона, то рыцарем на турнире, то Эдуардом Глянденингом из романа «Монастырь» Вальтера Скотта, и проч., и проч.» (курсив мой. — Е. С.) (ДЗ0; 19: 70)

Об интересе Достоевского к романам Вальтера Скотта, сформировавшемся еще в детстве, упоминается как в «Летописи жизни и творчества» писателя [Летопись: 28], так и в исследованиях, посвященных значению

творчества В. Скотта в формировании и развитии художественного сознания Достоевского (См. [Жилякова: 44], [Дрыжакова: 316–326], [Волгин, Наринский: 130]).

Упомянутые Достоевским герои древнегреческой и римской истории остались в тени вальтер-скоттовских персонажей, между тем они вряд ли случайно врезались в память писателя и, вероятно, могут внести дополнительные штрихи в представление о мире его подростковых впечатлений и размышлений.

В учебнике И. К. Кайданова *Перикл* (ок. 494–429 гг.), знаменитый афинский государственный деятель середины V века до н. э., с именем которого связан расцвет афинской демократии, украшение афинского акрополя сохранившимися до наших дней храмами и рост внешнеполитического могущества Афин, характеризуется неоднозначно: «...коего превосходные качества ума потемняются безмерным честолюбием и легкомыслием в отпращивании общественных дел»²⁴. Портрет Перикла у Кайданова построен на контрастах, но преобладает всё же похвала:

«Глубокий и просвещенный ум, тонкий изящный вкус, отличнейший дар красноречия и искусство нравиться народу, лъстя его прихотям и страстям, доставили ему владычество над афинянами и всю верховную власть в афинской республике. Сей великий муж произвел в Афинах золотой век Наук и Художеств; но, расточая общественную казну на игры, театральные зрелища и украшение Афин, он подал повод ко всеобщему развращению. Власть Перикла в Афинской республике казалась непоколебимую; но, наконец, многие граждане вооружились против него, и вся Греция потребовала от него отчета в управлении общественной казною. Перикл был близок к падению, но Пелопоннесская война поддержала его»²⁵.

Интересно, что Кайданов в пособии для IV класса вкратце упоминает о наличии дискуссии относительно роли Перикла:

«Многие Историки²⁶ утверждают, что Перикл, будучи не в состоянии дать Грекам отчет в управлении общественной казною, старался обратить их внимание на другой предмет и произвел эту войну».

Сам автор учебника эту точку зрения на начало войны между Афинами и Спартой не разделяет:

«Но и без сего обстоятельства она была неизбежна: Афиняне, гордясь своими силами, начали притеснять слабейших, поступать с своими союзниками как с подчиненными, и владычеством своим на море, ограничивать торговлю других»²⁷.

Остается только догадываться, как расставлял акценты на уроках по древней истории К. М. Романовский, но ученики безусловно имели представление и о трагическом конце жизни Перикла, который умер в начале

войны от «морового поветрия». Интерес юного Достоевского к яркой и талантливой личности, деятельность которой отмечена благородным стремлением преумножить величие своего государства и несомненными успехами на этом поприще, но сопряжена с использованием неоднозначных средств достижения своей цели, весьма знаменателен, ибо связан с выбором жизненного пути.

Гай Марий (158/157–86 гг. до н. э.) в учебнике И. К. Кайданова предстает как полководец, прославившийся в войне против Югурты — царя Нумидии, захватившего власть путем подкупа и злодеяний, и как военачальник, разбивший в кровопролитнейших битвах кимвров и тевтонов, которые «вторгнулись в Италию и распространили ужас в самом Риме»²⁸. И если бы информация о Марии на этом заканчивалась, то выбор его в качестве кумира подростком Достоевским был бы вполне понятен. Однако чуть ниже Кайданов дает такую характеристику Марию:

«...но он встретил опаснейшего для себя соперника в Силле¹⁾. Строгость, дерзость и необузданное честолюбие были отличительными чертами характера Мариа. Он происходил из сословия простых граждан; но его дарования, трудолюбие, деятельность и происки возвели его на достоинство Консула; победы же, одержанные им над Кимврами и Тевтонами, доставили ему славу неустрашимого воина и искуснейшего полководца. — Силла вел свой род от благородной фамилии Корнелии, имел обширный ум, просвещенный Науками, и с блистательными дарованиями полководца соединял тонкость и прозорливость политика. Честолюбие сих двух соперников, подкрепляемое великими дарованиями их, вскоре произвело кровопролитные междоусобные войны»²⁹.

Перипетии судьбы Мариа, который вынужден был бежать из Рима в Африку в результате неудачи в противостоянии с Суллой, Кайданов преподносит читателям как пример, показывающий «превратность счастья и суетность величия человеческого»³⁰. О последних днях жизни великого полководца Кайданов сообщает следующее: «Рим наводнился кровию своих граждан. Марий сам прекратил свою жизнь». Итак, Марий, как и Перикл, являет пример яркого и талантливого исторического деятеля, чьи деяния оказались сначала благодетельны для государства, но затем ввергли его в жесточайшие трудности, то есть вновь отчетливо видна проблема роли личности в истории и выбора жизненного пути.

Можно предположить, что представление юного Достоевского о Гае Марии сформировалось не только на основе информации в учебнике древней истории, но и под влиянием характеристики Мариа в «Югуртинской войне» Гая Саллюстия Криспа (чтение Саллюстия рекомендовано было

¹⁾ Написание «Силла» было принято в то время для обозначения Луция Корнелия Суллы.

для уроков латинского языка в V классе³¹). По Саллюстию, Мария отличали такие качества: настойчивость, честность, глубокое знание военного дела, величайшая храбрость на войне, скромность в мирное время, презрение к наслаждениям и богатствам, жадность к одной лишь славе (Sall. De bello Jug., 63.2). Саллюстий делает акцент на поворотном моменте в жизни Мария — жертвоприношении в Утике, во время которого Марию было предсказано «великое и чудесное будущее; поэтому пусть он совершает то, что задумал, полагаясь на богов, и пусть он сколь возможно чаще испытывает судьбу, и во всем ему будет сопутствовать удача» (ibid., 63.1). В уста Мария Саллюстий вкладывает речь — самую длинную в его сочинениях, подлинный образец риторики, в которой есть едва ли не все цветы элоквенции [Короленков: 103], — излагающую идеи о важнейших составляющих гражданской доблести как пути к немеркнущей славе: «Все мои надежды — только на самого себя, и я должен оправдать их своей доблестью и неподкупностью» (ibid. 85.4); «я полагаю, что все люди — одинакового происхождения, но все храбрейшие — они и самые благородные (ibid., 85.15); «трусость еще никого не сделала бессмертным, и ни один отец не желал, чтобы его сыновья жили вечно, но чтобы они прожили свой век честно и достойно (ibid., 85.49).

О христианах времени Нерона учебник И. К. Кайданова содержит следующую информацию:

«Нерон воздвигнул гонение на Христиан. Сие обстоятельство незабвенно для нас в том отношении, что с сего времени начинается ряд Мучеников, тех Христианских героев обоюго пола и всякого возраста, коих страданиями и смертью запечатлены на веки истины Евангелия»³².

Мы вновь видим пример судьбоносного выбора и бесстрашия, обеспечивающего славу в веках. В дополнение можно заметить, что тема гонений на христиан разбиралась и на уроках по Закону Божию. Учебный план дисциплины для гимназий был составлен протоиереем Кочетовым и одобрен митрополитом Серафимом, он предполагал знакомство с историей церкви в V классе, а в качестве одного из учебных пособий рекомендовал «Краткую священную историю церкви Ветхого и Нового Завета»³³. Повествование об антихристианских гонениях в «Краткой священной истории...» строилось следующим образом:

«В. Кто первым из Императоров воздвигнул гонение на Христиан?
 О. Нерон, мучивший их в продолжение четырех лет.
 В. Кто потом?
 О. Потом подобный злодействами Нерону Домициан, наследник Тита, разрушившего Иерусалим и храм его.
 <...>
 В. Наносили ли существенный вред сии гонения Христианству?

О. Напротив, они приносили ему большую пользу; мученикам они доставляли небесные венцы, а пример терпения и мужества страдальцев утверждал божественность Христианской веры и привлекал других к Христианству»³⁴.

Таким образом, в мире отроческих впечатлений Достоевского персонажи античной истории занимали по всей видимости заметное место, и на примере имен, нашедших отражение в творчестве писателя, можно сделать вывод, что Достоевского в особенности интересовали талантливые, яркие, неординарные и совершавшие значимые поступки личности, которые неоднократно сталкивались с проблемой личного выбора — выбора, влияющего на судьбу широкого круга людей.

Отношение педагогов пансиона Чермака к античности

В исследованиях, посвященных пребыванию Достоевского в пансионе Л. Чермака, большое внимание уделяется педагогам этого учебного заведения — «лучшим учителям того времени» [Федоров: 245], (см. об этом также: [Виноградов: 249–250]). Стоит отметить примечательную особенность: даже среди преподавателей, чьи предметы не были напрямую связаны с античностью, находились те, кто не просто проявлял неподдельный интерес к классической древности, считая ее основой основ европейской культуры и образованности, но избрал античность предметом своих углубленных научных изысканий.

Так, риторику в пансионе Л. Чермака преподавал *Алексей Михайлович Кубарев* (1796–1881) — адъюнкт римской словесности Московского университета, блестяще защитивший диссертацию «*De origine summo perfectionis gradu variisque fatis eloquentiae Romanae*» (см.: *De origine*), известный как автор трудов не только по древней русской литературе, но и по латинскому языку³⁵. М. П. Погодин отзывался о нем как о «латинисте, каких у нас мало», добавляя, что Кубарев рассказывал ему, как «он приготавливал к университету воспитанников в пансионе Чермака»³⁶.

Учителем российской словесности у братьев Достоевских был *Николай Иванович Билевич*. Он окончил Нежинскую гимназию высших наук князя Безбородко, еще в гимназические годы показывал успехи не только в словесности, но и в языках (ему не раз случалось помогать Н. В. Гоголю «в мудреной для него латыни»³⁷) и римском праве, «которое он преимущественно любил по сочувствию к профессору Белоусову, преподававшему его историю с особенным увлечением»³⁸. Биограф Н. И. Билевича отмечал, что в Москве Билевичу посчастливилось познакомиться со многими издателями литературных журналов: он давал уроки племянникам редактора «Московского телеграфа» Н. А. Полевого, выполнял переводы статей для издателя «Телескопа» Н. И. Надеждина, посещал вечера у начавшего издавать

журнал «Европеец» И. В. Киреевского³⁹. Билевич познакомился с автором первых в России исторических романов Михаилом Николаевичем Загоскиным, вел ученые беседы с профессорами Московского университета Петром Григорьевичем Редкиным, своим товарищем по лицу, и Дмитрием Львовичем Крюковым⁴⁰.

П. Г. Редкин окончил лицей Безбородко с золотой медалью, был направлен в 1828 г. для продолжения обучения в Профессорский институт при Дерптском университете, а затем и на стажировку в Берлинский университет, блестяще защитил в 1834 г. диссертацию на степень доктора права и занял кафедру энциклопедии, или общего обозрения системы законовещения, на юридическом факультете Московского университета. Студентам первого года обучения Редкин читал курс о развитии юридической мысли с античных времен [Петров: 612–613]⁴¹. Д. Л. Крюков также был выпускником Профессорского института в Дерпте, блестяще защитив в 1832 г. написанную на латинском языке диссертацию «Observationes ad Taciti Agricolam»⁴². С 1833 по 1835 г. он был на стажировке в Берлине, где слушал лекции Августа Бёка и Леопольда Ранке, с жадностью впитывая в себя идеи гегелевской философии (самого Гегеля они уже не застал, — он умер в 1831 г., — но лекции по философии продолжали читать его ученики — Геннинг, Михелет, Ганс) [Фролов, 1999b: 150]. По возвращении на родину Крюков был назначен преподавать древнюю словесность в Московском университете, читал и древнюю историю. Одним из студентов Крюкова в те годы был С. М. Соловьев, сохранивший такие воспоминания о молодом профессоре: «Крюков, можно сказать, бросился на нас, гимназистов, с огромною массою новых идей, с совершенно новою для нас наукою, изложил ее блестящим образом и, разумеется, ошеломил нас, взбудоражил наши головы, вспахал, взборонил нас, так сказать, и затем посеял хорошими семенами, за что и вечная ему благодарность»⁴³. Именно под руководством профессора Д. Л. Крюкова и пользуясь советами и замечаниями П. Г. Редкина, Н. И. Билевич составил к 1839 г. учебное руководство по древней истории, которое, впрочем, осталось неопубликованным из-за неудачного стечения обстоятельств⁴⁴. Братья Достоевские отзывались о своем учителе русского языка с особенным воодушевлением. «Он просто сделался их идолом, так как на каждом шагу был ими воспоминаем», — писал А. М. Достоевский⁴⁵.

Итак, классическая древность в годы учебы Достоевского в пансионе Чермака была не только элементом школьной программы, но и предметом специальных научных или педагогических трудов таких обожаемых учениками педагогов, как Н. И. Билевич, К. М. Романовский и А. М. Кубарев, чей неподдельный интерес к античности и благоговение перед нею не могли не передаться воспитанникам. И, может быть, не случайно в трудный период жизни на каторге Достоевский попросил брата прислать «европейских историков, экономистов, святых отцов, по возможности всех древних (Геродота, Фукидита (так у Достоевского. — Е. С.), Тацита, Плиния, Флавия,

Плутарха и Диодора и т. д. Они все переведены по-французски)» (Д30; 28; 179). В поздней библиотеке Достоевского зафиксированы труды Тацита в переводах на русский и французский языки [Библиотека: 44, 245], «Одиссея» Гомера, Эсхил, Аристофан, Платон и Вергилий в изложении Лукаса Коллинза [Библиотека: 59–60], сочинения Ксенофонта, Цезаря и Плиния Младшего [Библиотека: 39, 95, 99].

Античные сюжеты в журнале «Библиотека для чтения»

В литературе о детстве и юности Достоевского подчеркивается, что в период учебы в пансионе Л. Чермака будущий писатель много читал: «...во время рекреаций не оставлял почти книг», «воскресные дни проводил за чтение привезенных из пансиона книг» [Летопись: 28–29]. В круг чтения Достоевского входили среди прочего и выпуски журнала «Библиотека для чтения», издание которого началось в 1834 г. В статье М. М. Достоевского 1848 г. читаем: «Мы помним, тому уже очень давно, когда мы все были, кто еще очень молод, а кто моложе, мы помним, с каким нетерпением, бывало, ожидали выхода каждой из ее книжек»⁴⁶.

Анализ выпусков «Библиотеки для чтения» за 1834–1837 гг. показывает, что в журнале регулярно публиковались материалы, связанные так или иначе с греко-римскими древностями (см. *Табл. 1*).

год	вы- пуск	отде- ление	Название публикации
1834	1	3	Последний день Помпеи, картина К. Брюллова
1834	1	7	Мемнонов колосс
1834	3	1	Литературный вечер в Риме, А. С. Норова
1834	4	3	Гиббон, Шатобриан и Борк. Из Quarterly Review Française Magazine Revue Britannique
1834	5	1	Подражания древним, А. С. Пушкина
1834	5	2	Латинские литераторы в I веке по Р. Х. Из Etudes de M. Nisard и Revue de Paris
1834	5	2	Эпохи упадка Словесностей. Разбор критических мнений Гг. Низара и Виллмена, О. Сенковского
1834	5	7	Опять Мемнонов колосс
1835	10	2	Амброзиянские ночи, Г. Гогга. Ночь LXXI
1835	10	7	Древние Египетские картины
1835	11	3	Русские Художники в Риме, А. Тимофеева
1835	11	4	Фабрикация бумаги, О. И. Сенковского
1835	12	2	Флавиан, или из Рима в пустыню. Роман Г. Александра Гиро
1835	12	3	Новая сравнительная наука древностей
1835	12	3	Бальсмирование у древних Египтян, Доктора Спасского

1835	13	3	Судьбы Еврейского народа, Т. Грановского
1835	13	5	Лекции профессора Погодина, по Герену, о политике, связи и торговле главных народов древнего мира. Москва, 1835. Часть 1.
1836	14	2	Последний день Помпеи, сочинение Г. Болвера
1836	16	3	Гизо, как историк. — «История образованности в Европе» и «История образованности во Франции»
1836	16	7	Историческое путешествие по Северной Греции. Фермопилы, Марафон, Темпейская долина
1836	16	7	Геркуланеум
1836	18	2	Юность Алкивиада, сочинение Г. Лендора
1837	20	3	Падение язычества. Сочинения Г. Чирнера и Бёньо
1837	21	3	Помпей, Цезарь, Цицерон и их современники. Сочинение профессора Друманна
1837	23	3	О пестроте архитектурной у древних Греков
1837	24	7	Римские катакомбы (сочинение Г. Рауль-Рошетта)

Табл. 1. Публикации журнала «Библиотека для чтения», связанные с античной историей и культурой

Tab. 1. Publications of the Library for Reading journal on ancient history and culture

Публикации, предлагавшие вниманию читателей те или иные сюжеты, касающиеся античной истории или культуры размещались, как правило, в разделе III «Науки и Художества» и чаще всего представляли собой критические обзоры ученых изысканий европейских антиковедов — французских, немецких и английских⁴⁷. Но нашлось место для статьи Т. Н. Грановского о судьбах еврейского народа, в которой подробно повествовалось о положении древних иудеев под властью Рима и их отношении к христианам⁴⁸, для работы О. И. Сенковского об истории изготовления бумаги, в том числе — о папирусе как главном материале для письма античного мира⁴⁹, и для критического обзора лекций М. П. Погодина, составленных по книге немецкого историка А. Г. Герена, о политике, связи и торговле древнего мира⁵⁰. Примечательными чертами публикаций, посвященных греко-римской древности, были, во-первых, многочисленные отсылки к текстам античных авторов, во-вторых, острая полемика по целому ряду проблем, а в-третьих, частые сравнения античности и современности, что делало классическую древность таинственной, не до конца разгаданной и занимательной. Вряд ли стоит сомневаться в том, что Достоевский читал подобные статьи: по крайней мере, в воспоминаниях А. М. Достоевского о пансионном периоде жизни старших братьев подчеркивается, что «вообще брат Федя более читал сочинения исторические, серьезные, а также и попадавшиеся романы»⁵¹.

В четвертом томе «Библиотеки для чтения» за 1834 г. был опубликован пересказ статьи об Э. Гиббоне, Ф. Шатобриане и Э. Борке из “Quarterly Review”, в которой Гиббон получил уничижительную характеристику как политик, но похвалу как автор труда «История разстройства и падения Римской империи»: «...эта точность изысканий, эта глубокость исследований, соединенная с сарказмом, с Вольтерианской едкостью, с французскою светлостью рассказа, — нечто чрезвычайно дивное»⁵². «Гений христианства», «Мученики» и «Исторические опыты» Шатобриана, напротив, критиковались в статье нещадно: «...его рассудок везде рабски становится на колени перед его воображением и страстями», он «легкомысленно ведет на край пропасти истины Евангелия в опасном сравнении Гомера с Тассом, Камюэнса с Вергилием», «как можно тратить столько красноречия на такие ребячества и такую ложь»⁵³, — и конечно, в аргументации рецензента не было недостатка в примерах из античной истории⁵⁴.

Нельзя с уверенностью утверждать, что тринадцатилетний Достоевский внимательно прочитывал подобные статьи (например, в письме 1938 г. он просит брата: «Да! Напиши мне главную мысль Шатобрианова сочинения “Génie du Christianisme”» (Д30; 28; 55)). Но, возможно, подростка-мечтателя могла заинтересовать построенная на контрастах характеристика Шатобриана — «государственного человека, которым совершенно завладела поэзия; дипломата, которого туда и сюда водит воображение, историка, который заботится не о событиях, а о глаголах и прилагательных»⁵⁵. Так или иначе, письмо Достоевского 1845 г. к старшему брату свидетельствует о его интересе к творчеству французского писателя (Д30; 28; 108) и в поздней библиотеке Достоевского зафиксировано наличие воспоминаний Шатобриана [Библиотека: 215–216]. Э. Гиббон тоже не прошел незамеченным для братьев Достоевских. В письме Михаила от 18 августа 1849 г. в Петропавловскую крепость читаем: «...неприменно постараюсь достать тебе что-нибудь исторического — историка Гиббона, например» (Д30; 28; 447).

В пятом томе «Библиотеки для чтения» за 1834 г. были размещены два многостраничных обзора сочинения Ж.-М.-Н.-Д. Низара «Нравоучительные и критические опыты о Латинских поэтах времени упадка Словесности», один из которых представлял собой пересказ рецензии А.-Ф. Виллмена⁵⁶, а второй был составлен О. Сенковским⁵⁷. Виллмен критиковал Низара за недостаток внимания к условиям развития литературы при Юлиях-Клавдиях: «...надо бы яснее <...> об этом подозрительном тиранстве Кесарей, которое ускорило унижение Литературы унижением умов, и сделало падение ее у римлян более быстрым, чем у других народов»⁵⁸, — но хвалил за прекрасный портрет литературного собрания времени правления Домициана, приводя двадцатистраничную выдержку из сочинения Низара с таким пояснительным замечанием: «Мы смело обещаем сочинителям обоего пола большое удовольствие от прочтения <...>. Г. Низар вздумал так обращаться с классическою критикой, как блаженной памяти Вальтер-Скотт поступал

с Историей»⁵⁹. О. Сенковский же подверг книгу Низара критике за то, что она «есть ничто иное как памфлет в двух томах против современной Словесности его отечества»⁶⁰. Но, громя Низара, рецензент обращается к пространной характеристике творчества Федра, Сенеки, Стация, Ювенала, Персия, Лукана и Марциала, философии стоиков и взглядам раннего христианства, он сопоставляет латинскую поэзию с французской и английской литературой своего времени и полемизирует с отзывом Г. Вилльмена о сочинении Низара.

Обе статьи как минимум привлекали внимание читающей публики к римской литературе и культуре I века, поднимая вместе с тем проблемы всеобщей литературы; они делали классическую древность близкой современности и оттого более занимательной. Достоевский упоминает Низара в письме 1838 г. к брату Михаилу как критика и автора несправедливой заметки о Викторе Гюго в «Отечественных записках» (ДЗ0; 28₁: 55), путая его с Г. Планшем, но само имя этого французского автора могло запомниться Достоевскому из «Библиотеки для чтения».

В выпусках «Библиотеки для чтения» 1834–1837 гг. нашла отражение такая интереснейшая особенность в изучении истории древнего мира в 1830-е гг., как активизация археологических раскопок, затронувших и Крым⁶¹, и Италию, и Египет, и Месопотамию, и — в особенности — Грецию, где после освобождения от власти Османской империи в 1830 г. экспедиции европейских археологов перестали встречать непреодолимые преграды. Краткие заметки о результатах раскопок публиковались обычно в разделе VII «Смесь» (реже — в разделе III)⁶², и они, безусловно, способствовали оживлению интереса читателей как к сочинениям античных авторов в сопоставлении с новейшими данными археологии, так и к истории и культуре античного мира в целом. Так, например, в рассказе об археологических находках в Египте и Персеполе, Ниневии и Этрурии, указывалось: «Прошло время, когда бранили Геродота и смеялись над Ктесианом. Нынче думают, что благоразумнее и полезнее изучать Геродота и Ктесиана, сличая их тексты с наблюдениями, сделанными на месте, и смыслом памятников»⁶³. А в заметке о раскопках в Геркулануме отмечалось: «Кто бы мог подумать, что этот пышный и несчастный город первого века нашей эры, разделивший участь Помпеи, подобно Помпее выйдет опять на свет, чтобы показаться нам, девятнадцатому веку, скрывавшись тысячу семьсот пятьдесят шесть лет под землею?»⁶⁴.

Заметное место в «Библиотеке для чтения» занимали публикации художественных текстов, источником вдохновения для создания которых были античные образы и сюжеты. Например, в третьем томе «Библиотеки для чтения» за 1834 г. читателям предлагался «Литературный вечер в Риме» А. С. Норова, наполненный отсылками к культуре и литературе Древнего Рима, с пространными цитатами на латинском языке из Овидия, Вергилия и известного не самому широкому кругу Лаберия с их последующим пере-

водом⁶⁵. Любопытно, что в выпусках 1834–1837 гг. обнаруживаются не только стихи и проза⁶⁶, но даже пьеса — «Юность Алкивиада» Лендора⁶⁷ — причем с увлекательнейшим эпиграфом: «Его добродетели, его блистательные дарования, его пороки представляют смешение самых резких противоположностей, живой тип Афинского характера <...> человек, который хотел дать своему отечеству владычество над миром и который вверг его в гибель»⁶⁸. Лендор рисует портрет Алкивиада-ребенка, племянника Перикла, в котором «с одного взгляда открываешь возвышеннейшее благородство и рождающееся коварство» и с которым жаждал познакомиться великий афинский скульптор Фидий, так как другой ваятель, Левкипп, не только наговорил ему «три сорока чудес о его красоте», но и создал с него статую «совершеннейшего Амура»⁶⁹. Любопытно, что сходные качества Алкивиада обнаруживаются и в упоминаниях об этом афинском деятеле у Достоевского: с одной стороны, обольстительная красота, а с другой, — беспринципное коварство (ДЗ0; 5: 77; 22: 12; 24: 87).

Ну и конечно, нельзя не обратить внимание на заметки в журнале «Библиотека для чтения» о произведениях живописи, вдохновленных античностью: о картине К. Брюллова «Последний день Помпеи» и его зарисовках в Элладе⁷⁰, работе А. Иванова «Иоанн в пустыне, встречающий Иисуса Христа», картине А. Маркова «Фортуна и нищий», наконец, о «списывании» форума, храма Нептуна и других храмов в Риме русскими художниками и архитекторами⁷¹. Заметки эти отражают прежде всего характерное для первой трети XIX века упоение античностью и преклонение перед нею, но в некоторых случаях вместе с тем — тенденцию к трактовке современных проблем через античные сюжеты и образы. Особого внимания заслуживает пространная статья с отзывами о картине Карла Брюллова «Последний день Помпеи», создание которой было завершено в 1833 г.: рассказывалось, что художник «почерпнул вдохновение в классическом повествовании Плиния Младшего», сообщалось вкратце о результатах археологических изысканий в Помпеях, приводилось подробное описание изображенных на картине людей и среди прочего упоминалось, что «незабвенный Вальтер-Скотт, посещая в Риме мастерскую Брюллова, назвал картину “не картиною, но Эпопеею”», однако в некоторых «картина взволновала все плоские зависти и даже народные предрассудки, гнуснее и злобнее самой зависти»⁷². В литературном наследии Достоевского имя К. Брюллова и его «Последний день Помпеи» упоминаются неоднократно (ДЗ0; 1: 156; 5: 13; 19: 164), однако наиболее любопытно самое раннее, в повести «Двойник»: «...господин Голлядкин, под веселую руку, любил иногда рассказывать что-нибудь *интересное*: так и теперь, рассказал гостю о столице, об увеселениях и красотах ее, о театре, о клубах, о картинах Брюллова» (ДЗ0; 1: 156).

Итак, имеющиеся в нашем распоряжении источники позволяют сделать вывод о том, что годы учебы Достоевского в пансионе Чермака можно охарактеризовать как время, крайне благоприятное для усвоения и осмысления

античного наследия: заданный правительственными решениями акцент на классических языках в образовании удачно дополнился блистательным преподавательским составом пансиона, и во многом благодаря таким учителям, как Н. И. Билевич, А. М. Кубарев, К. М. Романовский, греко-римская древность стала для Достоевского не скучной и надоевшей коллекцией мертвых форм, а источником фантазии, размышлений, сравнений и возвышенных идей. Публикации «Библиотеки для чтения» и других изданий, связанные с историей и археологией, литературой и искусством Древней Греции и Рима, многогранно раскрывали античность, уводя склонного к серьезному чтению подростка далеко за рамки школьной программы в мир ошеломляющих открытий, острой научной полемики, смелых сравнений с современностью и ярких художественных образов.

Источники

1. *Амброзиянские ночи* — Амброзиянские ночи, Г. Гогга. Ночь LXXI // Библиотека для чтения. 1835. Т. 10. Отд. 2. С. 121–137.
2. *Белюстин* — [Белюстин Н. Ф.] Практическое руководство к переводам с русского языка на латинский с предварительным изложением правил этимологии и синтаксиса латинского языка, составленное по Бредеру, Цумфту, Дерингу и другим немецким филологам Никитю Белюстиным: Ч. 1–2. СПб.: при Императорской Академии наук, 1830. IV, 396 с.
3. *Геркуланеум* — Геркуланеум // Библиотека для чтения. 1836. Т. 16. Отд. 7. С. 18.
4. *Гиббон* — Гиббон, Шатобриан и Борк. Из Quarterly Review Française Magazine Revue Britannique // Библиотека для чтения. 1834. Т. 4. Отд. 3. С. 71–104.
5. *Гизо* — Гизо, как историк. «История образованности в Европе» и «История образованности во Франции» // Библиотека для чтения. 1836. Т. 16. Отд. 3. С. 1–40.
6. *Гобза* — [Гобза И. О.] Столетие Московской 1-й гимназии. 1804–1904 гг.: Краткий ист. очерк. Составил директор гимназии И. Гобза. М.: Синодальная тип., 1903. 444 с.
7. *Грановский* — [Грановский Т. Н.] Судьбы Еврейского народа, Т. Грановского // Библиотека для чтения. 1835. Т. 13. Отд. 3. С. 57–92.
8. *Достоевский А. М.* — Достоевский А. М. Воспоминания. М.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1930. 427 с.
9. *Достоевский М. М.* — Достоевский М. М. Сигналы литературные // Пантеон. 1848. Т. 3. № 5. Отд. VIII. С. 71–81.
10. *Древние Египетские картины* — Древние Египетские картины // Библиотека для чтения. 1835. Т. 10. Отд. 7. С. 25–27.
11. *Историческое путешествие* — Историческое путешествие по Северной Греции. Фермопилы, Марафон, Темпейская долина // Библиотека для чтения. 1836. Т. 16. Отд. 7. С. 13–16.

12. *К ст. 413* — К ст. 413. Распределение преподавания учебных предметов в уездных училищах и гимназиях // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 1: 1802–1834 гг. СПб.: в тип. Императорской Академии наук, 1866. С. 30–33.
13. *Кайданов* — [Кайданов И. К.] Руководство к познанию всеобщей политической истории, сочиненное профессором Иваном Кайдановым. Изд. 4-е. СПб.: у книгопродавца И. Слепина, 1831. Ч. 1: Древняя история. XXIII, 206 с.
14. *Каченовский* — Каченовский В. М. Мои воспоминания о Достоевском // Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников. СПб.: Андреев и сыновья, 1993. С. 30–33.
15. *Кубарев, 1834* — [Кубарев А. М.] Собрание тем или кратких задач на правила цумптовой грамматики, служащее легчайшим руководством к переводам с русского языка на латинский: По темам, изд. г. Дронке, сост. А. Кубарев. М.: Унив. тип., 1834. VI, 149 с.
16. *Кубарев, 1837* — [Кубарев А. М.] Латинский синтаксис, заимствованный из краткой грамматики Бредера, с примерами того же автора, предложенными в виде тем для начинающих Алексеем Кубаревым. М.: Унив. тип., 1837. VIII, 80 с.
17. *Латинские литераторы* — Латинские литераторы в I веке по Р. Х. // Библиотека для чтения. 1834. Т. 5. Отд. 2. С. 17–48.
18. *Лекции профессора Погодина* — Лекции профессора Погодина, по Герену, о политике, связи и торговле главных народов древнего мира. Москва, 1835. Часть 1 // Библиотека для чтения. 1835. Т. 13. Отд. 5. С. 1–24.
19. *Меморский* — [Меморский М.] Краткая священная история, церкви Ветхого и Нового Заветов, в вопросах и ответах, для легчайшего обучения детей, составленная Михайлом Меморским, вновь пересмотренная, исправленная и дополненная Н. Фиалковским. М.: в типографии Н. Степанова, 1838. 146 с.
20. *Новая сравнительная наука древностей* — Новая сравнительная наука древностей // Библиотека для чтения. 1835. Т. 12. Отд. 3. С. 33–68.
21. *Норов* — Норов А. С. Литературный вечер в Риме // Библиотека для чтения. 1834. Т. 3. Отд. 1. С. 193–210.
22. *О пестроте архитектурной* — О пестроте архитектурной у древних Греков // Библиотека для чтения. 1837. Т. 23. Отд. 3. С. 43–69.
23. *Падение язычества* — Падение язычества. Сочинения Г. Чирнера и Бёньо // Библиотека для чтения. 1837. Т. 20. Отд. 3. С. 60–92.
24. *Погодин, 1827* — [Погодин М. П.] Руководство к познанию Всеобщей политической истории. Сочинение Кайданова. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 1826 и 1827 // Московский вестник. 1827. № 21. С. 49–71.
25. *Погодин, 1868* — Погодин М. П. Школьные воспоминания 1814–1820 // Вестник Европы. 1868. № 8. С. 605–630.

26. *Подражания древним* — Подражания древним, А. С. Пушкина // Библиотека для чтения. 1834. Т. 5. Отд. 1. С. 20.
27. *Помпей, Цезарь, Цицерон* — Помпей, Цезарь, Цицерон и их современники. Сочинение профессора Друманна // Библиотека для чтения. 1837. Т. 21. Отд. 3. С. 1–40.
28. *Попов* — [Попов Д. П.] Греческая грамматика, составленная по Бутману Д. Поповым (бывшим профессором греческой словесности в С.-Петербургском университете). Санкт-Петербург: тип. Императорской Академии наук, 1836. VIII, 1488 с.
29. *Помпея, 1834* — Последний день Помпеи, картина К. Брюллова // Библиотека для чтения. 1834. Т. 1. Отд. 3. С. 119–138.
30. *Помпея, 1836* — Последний день Помпеи, сочинение Г. Болвера // Библиотека для чтения. 1836. Т. 14. Отд. 2. С. 143–202.
31. *Распределение* — Распределение преподавания Латинского и Греческого языков, составленное Г. Грефом // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 1: 1802–1834 гг. Санкт-Петербург: в тип. Императорской Академии наук, 1866. С. 33–37.
32. *Редкин* — [Редкин П. Г.] Из лекций заслуженного профессора, доктора прав П. Г. Редкина по истории философии права в связи с историей философии вообще: в 7 т. Санкт-Петербург: Тип. М. М. Стасюлевича, 1889–1891.
33. *Римские катакомбы* — Римские катакомбы (сочинение Г. Рауль-Рошетта) // Библиотека для чтения. 1837. Т. 24. Отд. 7. С. 1–7.
34. *Рост* — [Рост Ф.] Краткий словарь греческого языка, составленный, преимущественно для изучения слов и удобного обозрения производства оных, Фридрихом Ростом / Приспособлен к употреблению рус. юношества А. К[рыловы]м. Ч. 1–2. Санкт-Петербург: тип. Деп. нар. прос., 1831–1832.
35. *Русские Художники* — Русские Художники в Риме, А. Тимофеева // Библиотека для чтения. 1835. Т. 11. С. 89–90.
36. *Сенковский, 1834* — Сенковский О. Эпохи упадка Словесностей. Разбор критических мнений Гг. Низара и Виллмена // Библиотека для чтения. 1834. Т. 5. Отд. 2. С. 69–108.
37. *Сенковский, 1835* — [Сенковский О. И.] Фабрикация бумаги, О. И. Сенковского // Библиотека для чтения. 1835. Т. 11. Отд. 4. С. 17–42.
38. *Соколов* — [Соколов И. Я.] Руководство к переводам с русского языка на греческий, составленное по Росту и Вюстеманну ад. Ив. Соколовым: в 2 ч. Ч. 1: Курс первый и второй. СПб.: тип. Деп. нар. прос., 1833. 408 с.
39. *Соловьев Д. Н.* — [Соловьев Д. Н.] Пятидесятилетие С.-Петербургской Первой гимназии, 1830–1880: Историческая записка, составленная по поручению Педагогического совета Д.Н. Соловьевым. СПб.: тип. Второго отделения Собств. е. и. в. канцелярии, 1880. VII, 424 с. [Электронный ресурс]. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000200_000018_v19_rc_1490462

40. *Соловьев С. М.* — [Соловьев С.М.] Записки Сергея Михайловича Соловьева: Мои записки для детей моих, а если можно, и для других. Петроград: “Прометей” Н. Н. Михайлова, [1915]. 174 с.
41. *Ст. 413* — Ст. 413. Июня, 29 [1832]. Циркулярное предложение о распределении преподавания учебных предметов в уездных училищах и гимназиях // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 1: 1802–1834 г. СПб.: в тип. Императорской Академии наук, 1866. Стб. 824–825.
42. *Ст. 475* — Ст. 475. Апреля, 17 [1834]. Инструкция инспекторам частных учебных заведений в столицах // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 1: 1802–1834 г. СПб.: в тип. Императорской Академии наук, 1866. Стб. 914–916.
43. *Толбин* — Толбин В. Н. И. Билевич // Лицей князя Безбородко: Издал граф Г. А. Кушелев-Безбородко. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1859. Отд. 2. С. 14–17.
44. *Устав* — Устав гимназий и училищ уездных и приходских, состоящих в ведомстве университетов: Санкт-Петербургского, Московского, Казанского и Харьковского [Утв. 8 дек. 1828 г.]. СПб.: при Императорской Академии наук, 1834. 175 с.
45. *Флавиан* — Флавиан, или из Рима в пустыню. Роман Г. Александра Гиро // Библиотека для чтения. 1835. Т. 12. Отд. 2. С. 52–70.
46. *Шмид* — [Шмид Е.] История средних учебных заведений в России, сочинение Е. К. Шмида, значительно измененное и дополненное автором в переводе с немецкого. Санкт-Петербург: [б .и.], [18--]. 684 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01004165951#?page=1> (05.02.2021)
47. *Шумахер* — Шумахер А. Д. Поздние воспоминания о давно минувших временах. Для моих детей и внучат // Вестник Европы. 1899. № 3. С. 89–128.
48. *Юность Алкивиада* — Юность Алкивиада, сочинение Г. Лендора // Библиотека для чтения. 1836. Т. 18. Отд. 2. С. 95–131.
49. *De origine* — De origine, summo perfectionis gradu, variisque fatibus eloquentiae romanae commentatio, quam, pro gradu magistri obtinendo, in conventu Academico publice defensurus, elaboravit litterarum elegantiorum in Caesarea Universitate Mosquensi candidatus, Alexius Cubarew. Mosquae: Typis Universitatis Caesareae, 1825. [2], 42, [2] с.
50. *Heuzet* — [Heuzet J.] Selectae e profanis scriptoribus historiae quibus admista sunt varia honeste vivendi praecepta, ex iisdem scriptoribus deprompta; ed. F. B. Einerling. Lipsiae, 1785.
51. *Krjukow* — Krjukow D. Observationes ad Taciti Agricolam. Dissertatio inauguralis philologica. Dorpati, 1832. 51 p.

Примечания

- ¹ Не случайно именно в этот пансион определил своего сына Владимира историк Михаил Трофимович Каченовский, профессор императорского Московского университета, который в 1805–1830 гг. был редактором журнала «Вестник Европы», а в 1830 г. получил должность директора Педагогического института. В. М. Каченовский учился в пансионе Чермака в одно время с Ф. и М. Достоевскими, см.: (Каченовский: 30–33).

- 2 Министрами просвещения в указанный период были К. А. Ливен (в 1828–1833 гг.) и С. С. Уваров (в 1833–1849 гг.).
- 3 См.: (Устав).
- 4 Примечательно, что мнение о преподавании древних языков было представлено Федором Богдановичем (Христианом Фридрихом) Грефе — ординарным академиком по греческой и латинской словесности, профессором Петербургского университета — на латинском языке; цитаты из его речи см.: (Шмид: 248–250).
- 5 А. Д. Шумахер писал: «По окончании домашнего учения под руководством отца я поступил в средние классы в один из двух лучших в то время в Москве частных пансионеров с полным гимназическим курсом и даже обоими древними языками, именно в пансион, содержавшийся чехом Чермаком» (Шумахер: 94).
- 6 Например, М. П. Погодин писал: «...учиться по латыни четыре года, в четырех классах по четыре часа в неделю — достаточно. С прибавлением же к четырем годам еще двух лет, с 4 часами в неделю, — уже за глаза для русского юноши. Больше не только не нужно, но даже вредно...» (Погодин, 1868: 612).
- 7 По древним языкам в циркуляре 1832 г. был приведен и более подробный, практически поурочный учебный план, составленный Ф. Б. Грефе, с указаниями относительно методики объяснения и проверки материала (Распределение: 33–37).
- 8 (Ст. 413: Стб. 824–825), (К ст. 413: 30–33).
- 9 (Ст. 475: Стб. 915).
- 10 См. также для сравнения перечни учебных пособий и руководств, используемых в преподавании в Санкт-Петербургской первой гимназии и Первой Московской гимназии в 1830–1850-е гг.: (Соловьев Д. Н.: 173–175); (Гобза: 52–53, 78–85).
- 11 (К ст. 413).
- 12 Возможно, имеется в виду издание: (Heuzet).
- 13 (К ст. 413: 31).
- 14 О соблюдении этого предписания учителями Ф. М. Достоевского может свидетельствовать такая фраза из романа «Униженные и оскорбленные»: «Всё может с человеком случиться, что даже и не снилось ему никогда, и уж особенно тогда... ну, да хоть тогда, когда мы с тобой зубрили Корнелия Непота!» (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972. Т. 3. С. 264–265). Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Д30*, указанием тома (полутома — нижним индексом) и страницы в круглых скобках.
- 15 (К ст. 413: 30).
- 16 Там же. С. 31.
- 17 Там же.
- 18 Там же. С. 32.
- 19 (Шмид: 287).
- 20 (Погодин, 1827: 49–71).
- 21 (Кайданов: IX–X).
- 22 Там же. С. XI, XIII.
- 23 (Достоевский А. М.: 117).
- 24 (Кайданов: 77).
- 25 Там же.
- 26 Хочется обратить особенное внимание на написание в учебнике с прописных букв таких слов, как: Науки, Художества, Историки.

- 27 (Кайданов: 77–78).
- 28 Там же. С. 151, 152.
- 29 Там же. С. 153.
- 30 Там же. С. 154.
- 31 (К ст. 413: 31).
- 32 (Кайданов: 173).
- 33 (Шмид: 283).
- 34 Первое издание этого пособия относится к 1784 г., затем оно неоднократно переиздавалось. Нами использовано 19-е издание 1838 г.: (Меморский: 123–124).
- 35 (Кубарев, 1834); (Кубарев, 1837).
- 36 (Погодин, 1868: 611).
- 37 (Толбин: 14).
- 38 Там же.
- 39 Там же. С. 15.
- 40 Там же. С. 16.
- 41 Общее впечатление о содержании лекций П. Г. Редкина по древней философии права можно составить по изданию: (Редкин).
- 42 (Krkukow).
- 43 (Соловьев С. М.: 48–49).
- 44 (Толбин: 16).
- 45 (Достоевский А. М.: 68).
- 46 (Достоевский М. М.: 73).
- 47 См.: (Гиббон); (Гизо); (Падение язычества); (Помпей, Цезарь, Цицерон); (О пестроте архитектурной).
- 48 (Грановский: 57–92), в т. ч. об иудеях под властью Рима см.: С. 60–75.
- 49 (Сенковский, 1835: 17–42), в т. ч. о папирусе см.: С. 18–21.
- 50 (Лекции профессора Погодина).
- 51 (Достоевский А. М.: 69).
- 52 (Гиббон: 80).
- 53 Там же. С. 86, 87, 88.
- 54 Там же. С. 88, 91, 92, 93.
- 55 Там же. С. 89. См. также мнение С. Оливье о причинах интереса Ф. М. Достоевского к книге «Гений христианства»: «Можно выделить две главные причины, по которым Достоевский заинтересовался книгой Шатобриана. Во-первых, он уже пережил сомнения и задавал себе вопросы о сути христианства. Во-вторых, показательно предпочтение, отдаваемое им сердцу. Ведь Шатобриан — типичный представитель поколения, страдающего “болезнью века” после революции 1789 года» [Оливье: 330–331].
- 56 (Латинские литераторы).
- 57 (Сенковский, 1834: 69–108).
- 58 (Латинские литераторы: 19–20).
- 59 Там же. С. 25.
- 60 (Сенковский, 1834: 70–71).
- 61 Подробнее о начале археологического изучения Крыма после его вхождения в состав Российской империи в 1783 г. см.: [Фролов, 1999b: 126–135].
- 62 См.: (Древние Египетские картины); (Новая сравнительная наука древностей); (Историческое путешествие); (Геркуланеум); (О пестроте архитектурной); (Римские катакомбы).

- ⁶³ (Новая сравнительная наука древностей: 42).
⁶⁴ (Геркуланеум).
⁶⁵ (Норов: 193, 197, 201, 205, 206–207).
⁶⁶ (Подражания древним); (Амброзиянские ночи); (Флавиан); (Помпея, 1836).
⁶⁷ (Юность Алкивиада).
⁶⁸ Там же. С. 95.
⁶⁹ Там же. С. 98–99.
⁷⁰ (Помпея, 1834); (Русские Художники: 89–90).
⁷¹ (Русские Художники: 83, 84–86, 90–91).
⁷² (Помпея, 1834: 120, 122–127, 128, 133).

Список литературы

1. Алешинцев И. А. История гимназического образования в России (XVIII и XIX век). СПб.: изд. О. Богдановой, 1912. IX, 346 с.
2. Библиотека Ф. М. Достоевского: опыт реконструкции. Научное описание / отв. ред. Н. Ф. Буданова. СПб.: Наука, 2005. 338 с.
3. Васильева С. А. Латинские слова и выражения в художественных произведениях Ф. М. Достоевского // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2013. Вып. 6. С. 20–26.
4. Виноградов И. А. «Тарас Бульба» и юный Достоевский // Наш современник. 2005. № 8. С. 249–256.
5. Виттекер Ц. Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время / пер. с англ. Н. Л. Лужецкой. СПб.: Академический проект, 1999. 350 с. (Сер.: «Современная западная русистика».)
6. Волгин И. Л., Наринский М. М. «Развенчанная тень». Диалог о Достоевском, Наполеоне и наполеоновском мифе // Метаморфозы Европы. М.: Наука, 1993. С. 127–164.
7. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
8. Дрыжакова Е. Н. Достоевский и Вальтер Скотт // Художественный перевод и сравнительное изучение культур: памяти Ю. Д. Левина. СПб.: Наука, 2010. С. 316–326.
9. Жилякова Э. М. Достоевский и Вальтер Скотт (к вопросу о наполеоновском мифе) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2012. № 2 (18). С. 44–56.
10. Замыслова Е. Е. Роль отечественных журналов первой трети XIX в. в становлении традиций изучения и преподавания всеобщей истории в России // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 446. С. 5–14.
11. Короленков А. В. Образ Мария у Саллюстия // Вестник древней истории. 2008. № 4. С. 94–114.
12. Куйкина Е. С. Римские писатели в романе «Униженные и оскорбленные» // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2020. № 2 (27). С. 1–4.
13. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского, 1821–1881: в 3 т. СПб.: Академический проект, 1999. Т. 1. 536 с.
14. Любжин А. И. Классические гимназии в России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.inr.ac.ru/~info21/MIL/liubzhin/gymnasium-classicum.pdf> (20.02.2021).
15. Нилова А. Ю. Латинский язык в творчестве Ф. М. Достоевского // Фортунатовские чтения в Карелии: сборник докладов международной научной конференции (10–12 сентября 2018 года, г. Петрозаводск): в 2 ч. Петрозаводск, 2018. Ч. 2. С. 36–38.

16. Оливье С. Достоевский и Шатобриан // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: ПетрГУ, 1998. № 5. С. 328–336 [Электронный ресурс]. URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2521> (20.02.2021). DOI: 10.15393/j9.art.1998.2521
17. Петров А. Ф. Редкин Петр Григорьевич // Императорский Московский университет: 1755–1917: энциклопедический словарь. Москва: РОССПЭН, 2010. С. 612–613.
18. Скоропадская А. А. Греко-латинский аспект языковой личности Ф. М. Достоевского // Лингвисториторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2020. № 25–1. С. 107–109. (a)
19. Скоропадская А. А. «Strepitu belli propelluntur artes»: латинский афоризм Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2020. № 4. С. 208–221 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1607596553.pdf (20.02.2021). DOI: 10.15393/j10.art.2020.5001 (b)
20. Федоров Г. А. Пансион Л. И. Чермака в 1834–1837 гг. (по новым материалам) // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1974. Т. 1. С. 241–254.
21. Федорова Н. Г. Воспитание историей по гимназическим учебникам в первой половине XIX века // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом. М.: Издательский дом ВШЭ, 2012. С. 74–91.
22. Фролов Э. Д. Граф Сергей Семенович Уваров и академический классицизм // Петербургская академия наук в истории академий мира: к 275-летию Академии наук: материалы Междунар. конф. СПб.: С.-Петербург. науч. Центр Российской Академии наук, 1999. Т. 2. С. 257–282. (a)
23. Фролов Э. Д. Русская наука об античности: историографические очерки. СПб.: изд-во С. Петерб. ун-та, 1999. 544 с. (b)

References

1. Aleshintsev I. A. *Istoriya gimnazicheskogo obrazovaniya v Rossii (XVIII i XIX vek)* [*The History of Gymnasium Education in Russia (18th and 19th Centuries)*]. St. Petersburg, O. Bogdanova Publ., 1912. 346 p. (In Russ.)
2. *Biblioteka F. M. Dostoevskogo: opyt rekonstruktsii. Nauchnoe opisanie* [F. M. Dostoevsky's Library: The Experiment of Reconstruction. Scientific Description]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005. 338 p. (In Russ.)
3. Vasil'eva S. A. Latin Quotations in F. Dostoevski's Literary Works. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya* [Herald of Tver State University. Series: Philology], 2013, issue 6, pp. 20–26. (In Russ.)
4. Vinogradov I. A. "Taras Bulba" and Young Dostoevsky. In: *Nash sovremennik*, 2005, no. 8, pp. 249–256. (In Russ.)
5. Whittaker C. H. *Graf Sergey Semenovich Uvarov i ego vremya* [Count Sergei Semenovich Uvarov and His Time]. St. Petersburg, Akademicheskii projekt Publ., 1999. 350 p. (Series: Contemporary Western Russian Studies) (In Russ.)
6. Volgin I. L., Narinskiy M. M. "The Uncrowned Shadow". Dialogue About Dostoevsky, Napoleon and the Napoleonic Myth. In: *Metamorfozy Evropy* [Metamorphosis of Europe]. Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 127–164. (In Russ.)
7. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [The Complete Works: in 30 Vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
8. Dryzhakova E. N. Dostoevsky and Walter Scott. In: *Khudozhestvennyy perevod i sravnitel'noe izuchenie kul'tur: pamyati Yu. D. Levina* [Literary Translation and Comparative Study of Cultures: In Memory of Yu. D. Levin]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2010, pp. 316–326. (In Russ.)

9. Zhilyakova E. M. Dostoevsky and Walter Scott (to the Question of the Napoleon Myth). In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya [Tomsk State University Journal of Philology]*, 2012, no. 2 (18), pp. 44–56. (In Russ.)
10. Zamyslova E. E. The Role of National Magazines of the First Third of the 19th Century in the Formation of Traditions of Universal History Studying and Teaching in Russia. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal]*, 2019, no. 446, pp. 5–14. (In Russ.)
11. Korolenkov A. V. Marius in Sallust. In: *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]*, 2008, no. 4, pp. 94–114. (In Russ.)
12. Kuykina E. S. Roman Writers in the Novel of F. M. Dostoevsky “Humiliated and Insulted”. In: *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yaroslava Mudrogo [Memoirs of NovSU]*, 2020, no. 2 (27), pp. 1–4. (In Russ.)
13. *Letopis' zhizni i tvorchestva F. M. Dostoevskogo, 1821–1881: v 3 tomakh [The Chronicle of Dostoevsky's Life and Works, 1821–1881: in 3 Vols]*. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1999, vol. 1. 536 p. (In Russ.)
14. Lyubzhin A. I. *Klassicheskie gimnazii v Rossii [Classical Gymnasiums in Russia]*. Available at: <http://www.inr.ac.ru/~info21/MIL/liubzhin/gymnasium-classicum.pdf> (accessed on February 20, 2021). (In Russ.)
15. Nilova A. Yu. The Latin Language in Dostoevsky's Works. In: *Fortunatovskie chteniya v Karelii: sbornik dokladov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (10–12 sentyabrya 2018 goda, Petrozavodsk): v 2 chastyakh [Fortunatov Readings in Karelia: Collection of Articles of the International Scientific Conference (September 10–12, 2018, Petrozavodsk): in 2 Parts]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2018, part 2, pp. 36–38.
16. Ollivier S. Dostoevsky and Chateaubriand. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1998, no. 5, pp. 328–336. Available at: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2521> (accessed on February 20, 2021). DOI: 10.15393/j9.art.1998.2521 (In Russ.)
17. Petrov A. F. Redkin Petr Grigorievich. In: *Imperatorskiy Moskovskiy universitet: 1755–1917: entsiklopedicheskiy slovar' [Imperial Moscow University: 1755–1917: encyclopedic dictionary]*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2010, pp. 612–613. (In Russ.)
18. Skoropadskaya A. A. Greco-Latin Aspect of F. M. Dostoevsky's Linguistic Personality. In: *Lingvistoricheskaya paradigma: teoreticheskie i prikladnye aspekty [Linguistic & Rhetorical Paradigm: Theoretical and Applied Aspects]*, 2020, no. 25–1, pp. 107–109. (In Russ.) (a)
19. Skoropadskaya A. A. “Strepitu belli propelluntur artes”: Dostoevsky's Latin Aphorism. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2020, no. 4, pp. 208–221. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1607596553.pdf (accessed on February 20, 2021). DOI: 10.15393/j10.art.2020.5001 (In Russ.) (b)
20. Fedorov G. A. Pension of L. I. Chermak in 1834–1837 (Based on New Materials). In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya [Dostoevsky. Materials and Researches]*. Leningrad, Nauka Publ., 1974, vol. 1, pp. 241–254. (In Russ.)
21. Fedorova N. G. Education by History from Gymnasium Textbooks in the first half of the 19th Century. In: *Istoricheskaya kul'tura imperatorskoy Rossii: formirovanie predstavleniy o proshlom [The Historical Culture of Imperial Russia: the Formation of Ideas About the Past]*. Moscow, Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki Publ., 2012, pp. 74–91. (In Russ.)
22. Frolov E. D. Count Sergei Semenovich Uvarov and Academic Classicism. In: *Peterburgskaya akademiya nauk v istorii akademiym mira: k 275-letiyu Akademii nauk: materialy Mezhdunarodnoy konferentsii [Petersburg Academy of Sciences in the history of the world academies: to the 275th*

- anniversary of the Academy of Sciences: materials of the International conference*]. St. Petersburg, S.-Peterburgskiy nauchnyy tsentr Publ., 1999, vol. 2, pp. 257–282. (In Russ.) (a)
23. Frolov E. D. *Russkaya nauka ob antichnosti: istoriograficheskie ocherki [Russian Science of Antiquity: Historiographical Essays]*. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 1999. 544 p. (b)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Смирнова Екатерина Леонидовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений, Институт истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (пр. Ленина, 33, г. Петрозаводск, Российская Федерация, 185910); ORCID: 0000-0002-0579-8774; e-mail: esmirnova@petsu.ru

Ekaterina L. Smirnova, PhD in History, Associate Professor of the Department of Foreign History, Political Science and International Relations, Institute of History, Political and Social Sciences, Petrozavodsk State University (pr. Lenina 33, Petrozavodsk, 185910, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-0579-8774; e-mail: esmirnova@petsu.ru

Поступила в редакцию / Received 09.03.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 29.05.2021

Принята к публикации / Accepted 04.06.2021

Дата публикации / Date of publication 05.07.2021

Научная статья

УДК 821.161.1+811.124

DOI: 10.15393/j10.art.2021.5421

Латинский язык Достоевского

А. А. Скоропадская

*Петрозаводский государственный университет,
(г. Петрозаводск, Российская Федерация)*

e-mail: san19770@mail.ru

Аннотация. В статье опровергается встречающееся в некоторых биографических исследованиях мнение, что Достоевский не любил латинский язык и не проявлял к нему интереса. Обращение к письмам писателя, его публицистическим и художественным произведениям, сохранившимся рабочим записям указывает на обратное: Достоевский не только положительно отзывался о латинском языке, но и использовал его в процессе создания своих произведений. Проведенный анализ опубликованных текстов писателя и сохранившихся рабочих записей выявил 67 латинских слов и выражений. Многие из латинских вставок встречаются не единожды, некоторые имеют ярко выраженный практический характер (например, анаграмма NB и ее разновидности). Относительно сферы употребления используемые Достоевским латинские выражения принадлежат медицине, юриспруденции, церковной риторике, однако в основной своей массе они являются распространенными афоризмами и речевыми штампами. В статье рассмотрен факт работы писателя с латинским текстом в качестве комментатора-переводчика и приведены аргументы, что опубликованный в «Дневнике Писателя» за 1877 г. отрывок пророчества из книги Иоганна Лихтенбергера переведен Достоевским. Вольность (изменение композиции, вставка дополнительных слов) и относительная грамматическая правильность (обнаружены всего 2 грамматические неточности в переводе) свидетельствуют о достаточно свободном владении латынью, которое позволило Достоевскому не только перевести средневековый религиозный текст, но и интерпретировать его для иллюстрации своих общественно-политических взглядов.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, латинский язык, античная традиция, «Дневник Писателя», Иоганн Лихтенбергер

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90037 «Достоевский и античность».

Для цитирования: Скоропадская А. А. Латинский язык Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2021. Т. 8. № 2. С. 34–47. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5421

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2021.5421

Dostoevsky's Latin language

Anna A. Skoropadskaya

*Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)*

e-mail: san19770@mail.ru

Abstract. The article refutes the opinion found in some biographical studies, which states that Dostoevsky disliked the Latin language and showed no interest in it. An appeal to the writer's letters, his journalistic and artistic works, surviving working notes suggests the opposite: Dostoevsky not only speaks positively of the Latin language, but also uses it in the process of creating his texts. An analysis of published works and surviving work notes revealed 67 Latin words and expressions. Many of the Latin insertions are encountered more than once, some have a distinct practical nature (for example, the NB anagram and its varieties). In terms of use, the Latin expressions used by Dostoevsky are from medicine, jurisprudence, and Catholic church rhetoric, but for the most part they are common aphorisms and speech clichés. The article draws attention to the fact of Dostoevsky's work with Latin text as a commentator and translator and proves that the fragment of the prophecy from the book of Johann Lichtenberger cited in the 1877 *A Writer's Diary* was translated by Dostoevsky. Liberty (modified composition, insertion of additional words) and relative grammatical correctness (only two grammatical inaccuracies were found in the translation) testify to a fairly fluent command of Latin, which allowed Dostoevsky not only to translate the medieval religious text, but also to interpret it to illustrate his socio-political views.

Keywords: F. Dostoevsky, Latin, ancient tradition, "A Writer's Diary", Johann Lichtenberger

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 18-012-90037.

For citation: Skoropadskaya A. A. Dostoevsky's Latin language. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2021, vol. 8, no. 2, pp. 34–47. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5421 (In Russ.)

Знание Достоевским латыни не оспаривается исследователями, несмотря на то что все еще не прояснены многие детали обучения в пансионе Чермака, где будущий писатель получил базовые знания¹ классических языков². Ссылаясь на воспоминания младшего брата Достоевского — Андрея, который описал строгость, с которой отец преподавал старшим сыновьям, Михаилу и Федору, латынь³, многие биографы делают вывод о том, что этот неприятный ученический опыт сформировал негативное отношение будущего писателя к данному языку. Так, Л. Гроссман утверждает: «Не удивительно, что никакого интереса к латинскому языку и римской литературе великий писатель никогда не проявлял и что из всех классических поэтов Рима он назвал только однажды Ювенала и то в чужой цитате⁴!» [Гроссман]. Свое мнение исследователь обосновывает отсутствием у Достоевского упоминаний классических римских поэтов. Такой аргумент трудно назвать весомым, тем более что в литературном наследии Достоевского можно

встретить имена многих представителей римской античности, среди которых государственные и политические деятели (братья Гракхи, Цезарь, все римские императоры⁵, Помпей, Кассий, Лукулл, Марий), историки (Тит Ливий, Тацит, Светоний, Плиний Старший), ораторы (Цицерон), поэты (Вергилий, Гораций). К римскому поэтическому наследию Достоевский обращается, например, в рассказе «Бобок», устами героя полемически обыгрывая реминисценцию из Горация⁶: «Всему удивляться, конечно, глупо, а ничему не удивляться гораздо красивее и почему-то признано за хороший тон. Но вряд ли так в сущности. По-моему, ничему не удивляться гораздо глупее, чем всему удивляться. Да и кроме того: ничему не удивляться почти то же, что ничего и не уважать. Да глупый человек и не может уважать»⁷ (ДЗ0; 21: 44). В письме брату Михаилу из Семипалатинска (июнь 1859 г.), предвкушая их скорую встречу, Достоевский пишет: «Italia<m>! Italia<m>! Обнимаю тебя крепко, крепко!» (ДЗ0; 28₁: 328). Слова из «Энеиды» Вергилия⁸ становятся лучшей иллюстрацией душевного состояния: длительная разлука с родным человеком ассоциативно приравнивается к мотиву окончания длительного плавания.

Увлеченность юного Достоевского античной литературой — общеизвестный биографический факт, подтвержденный, например, письмами, в которых будущий писатель с восторгом отзывался о Гомере⁹. Эпистолярное наследие сохранило и оценку, данную Достоевским латыни. В одном из писем отцу в период своей учебы в Инженерном училище (1839 г.), обучение в котором не предполагало изучения древних языков¹⁰, он пишет следующее: «Скажу Вам еще, что мне жаль бросить латинского языка. Что за прелестный язык. Я теперь читаю Юлия Цезаря и после 2-х годичной разлуки с латинским языком понимаю решительно все» (ДЗ0; 28₁: 60). Можно заподозрить молодого Достоевского в лукавстве: делясь своим восторгом от латинского языка, он хочет порадовать отца — своего первого учителя латыни. Однако стиль общения строгого родителя с детьми предполагал душевную искренность.

Вместе с тем тема неприятия Достоевским латыни по-прежнему встречается в исследованиях. Так, Ю. Селезнев, апеллируя к опыту изучения латинского языка с отцом, считает, что «латынь Достоевский невзлюбил на всю жизнь» [Селезнев]. Голословно и безапелляционно мнение Д. И. Ермакова, утверждающего, что именно от родительского подхода к преподаванию «проистекает тот аффективный тон, с которым Достоевский выступает против латыни как против тупого способа подчинить и убить инициативу в ребенке (за этим выпадом скрывается протест против отца-учителя, его тупого и отупляющего метода)» [Ермаков: 369]. Говоря об аффективном тоне и во многом этому тону подражая, Д. И. Ермаков переинтерпретирует факты, подменяя мнение Достоевского мнением его персонажей. Возможно, причиной этой подмены является полифонизм поэтики Достоевского, предполагающий полноту воссоздания мировоззрения героев — носителей индивидуального сознания. В произведениях Достоевского

встречаются негативные высказывания о латинском языке. Так, в первоначальных планах романа «Подросток» главный герой — недоучившийся гимназист, которому не дали классические языки: «Мальчик не выдержал экзамена из классическ<еских> языков. Его и выписали в Петербург *на место*, как бы для замены старшего брата, женившегося и тем утраченного для семьи» (Д30; 16: 24). И еще: «Встреча отца с приехавшим к нему из Москвы сыном, не выдержавшим классического экзамена. Отец хохочет, зовет сына чушкой, смеется над классицизмом, учит его бесчинствовать и проч. Сын презирает отца» (Д30; 16: 35). Однако в дальнейшем Достоевский от этой детали в характеристике Аркадия Долгорукого отказался.

Открытое неприятие классических языков он вложил в уста Коли Красоткина в «Братьях Карамазовых»: «Классические языки, если хотите все мое о них мнение, — это полицейская мера, вот для чего единственно они заведены, — мало-помалу начал вдруг опять задыхаться Коля, — они заведены потому, что скучны, и потому, что отупляют способности. Было скучно, так вот как сделать, чтоб еще больше было скуки? Было bestолково, так как сделать, чтобы стало еще bestолковее? Вот и выдумали классические языки. <...> ...ведь классики все переведены на все языки, стало быть, вовсе не для изучения классиков понадобилась им латынь, а единственно для полицейских мер и для отупления способностей» (Д30; 14: 498). Но нельзя слова героя произведения приравнять к словам автора. В публицистических текстах, предполагающих выражение именно авторской позиции, можно найти неоднократные положительные оценки классическим языкам и классическому образованию¹¹. Так, в «Дневнике Писателя» за 1876 г. Достоевский пишет: «Математика и два древние языка, латинский и греческий, признаны наиболее развивающим средством, умственным и даже духовным. Не мы признали это и не мы это выдумали: это факт и факт бесспорный, выжитый на опыте всею Европою в продолжение веков, а нами только перенятый» (Д30; 23: 82). Недаром в период работы над «Подростком» Достоевский обращался к воспоминаниям о пансионе Чермака: «У Чермака. Развитие, Чтение, Экзамены. <...> О Классическомъ образовании у Чермака» (Записная тетрадь 1869–1870 гг. (ОР РГБ. Ф. 93.1.1.4. С. 13)).

Встречающиеся в текстах Достоевского латинские вставки также, на наш взгляд, свидетельствуют скорее о наличии у русского писателя интереса к латинскому языку, чем о его отсутствии. Полученные от отца и учителей пансиона знания прочно вошли в языковой дискурс Достоевского: помимо современных европейских языков (французского, немецкого, итальянского, английского) в рукописных и печатных текстах писателя активно присутствуют древние языки, прежде всего — латынь. Так, проведенный нами анализ опубликованных произведений и сохранившихся записных книжек и рабочих тетрадей показал, что в них встречается 67 латинских слов и выражений (мы не рассматривали каллиграфические написания имен собственных типа Caesar, Nero и т. п.)¹². Многие из выражений встречаются не

единожды. Так, самая высокая частотность у выражения *Nota bene* (*обрати внимание*), которое в анаграмматическом виде *NB* фиксируется в рабочих записях более 1900 раз и имеет разные варианты написания (*nota bene*, *NBene*, *nota-bene* и т. д.). Наряду с выражением *Memento* оно выполняет функцию текстовой пометы. Распределение латинских слов и фраз между печатными и рукописными текстами следующее: 71 случай употребления в печатных текстах и 79 — в рукописных, при этом 21 выражение встречается только в печатных текстах, а 22 — только в рукописных.

Примечательно, как распределяются латинские вставки между черновиками и итоговыми вариантами произведений. На примере «великого пятикнижия» это распределение выглядит так (см. Табл. 1):

	Количество латинских вставок в черновиках	Количество латинских вставок в печатной редакции
Преступление и Наказание	2	4
Идиот	3	11
Бесы	3	7
Подросток	5	21
Братья Карамазовы	12	2

Табл. 1. Распределение латинских вставок между черновиками и итоговыми вариантами произведений Достоевского

Tabl. 1. The distribution of Latin inserts between drafts and final versions of Dostoevsky's works

Как видно из приведенной таблицы, в «Братьях Карамазовых» латинские слова и выражения активно использовались Достоевским при работе над текстом романа, но в его итоговый вариант не вошли; романы «Идиот» и «Подросток» в опубликованном варианте содержат на порядок больше латинских вставок, чем имеется в рукописях. Причины такого отбора могут стать предметом отдельного исследования.

По сфере употребления используемые Достоевским латинские выражения принадлежат медицине (например, *delirium tremens*, *febris cataralis*), юриспруденции (*de facto*, *jus primae noctis*, *pro et contra*), церковной риторике (*Ad majorem gloriam Dei*, *Mater dolorosa*, *Mea culpa*, *Non possumus*, *Sancta Maria*), но в основной своей массе они являются распространенными афоризмами (*Aleja jacta est*, *In vino veritas*, *Nomina sunt odiosa*, *Vox populi — vox dei* и т. д.) и речевыми штампами (*ab ovo*, *interim*, *qui pro quo*, *sic*, *sine qua non*, *status in statu*, *status quo*, *summarium* и т. д.).

Являясь в художественных и публицистических текстах отсылками к античной словесной традиции, латинские афоризмы активно используются Достоевским в качестве художественных и стилистических средств, на

что указывают некоторые исследователи ([Васильева], [Нилова], [Литинская], [Ильченко]). В текстах личного и рабочего характера (дневниковые записи, записные книжки и тетради, черновые наброски и планы произведений) латинские слова и выражения становятся маркерами этапов рассуждения и развития мысли.

Примечательно, что знание латинского языка не ограничивалось для Достоевского использованием латинского афористического наследия (по сути, этот навык прививался на начальном этапе освоения гимназической латыни). Есть пример работы Достоевского с латинским текстом в качестве комментатора-переводчика. Речь идет о главе «Дневника Писателя» за 1877 г. «Из книги предсказаний Иоанна Лихтенбергера, 1528 года», в которой Достоевский приводит перевод с латинского языка пророчества из книги Иоганна Лихтенбергера «Прогностика»¹³ (1528 г.). В начале главы Достоевский ссылается на то, что текст латинского предсказания обнаружен «одним из наших молодых ученых» (ДЗ0; 25: 122). Доказанный факт, что «молодым ученым» является Владимир Соловьев, который в Лондонской библиотеке сделал выписку латинского оригинала «Прогностики». Эта «выписка» относительно недавно была обнаружена и введена в научный оборот А. Л. Рычковым [Рычков, 2019а], сличившим текст «Прогностики» с выпиской Соловьева и с текстом, приводимым Достоевским в «Дневнике Писателя».

В «выписке» Соловьев соблюдал структуру конспектируемого им текста, фиксируя важные для себя положения. Достоевский, указывая, что помещает «лишь те строки, которые мне сообщили» (ДЗ0; 25: 122), достаточно вольно обходится с латинским текстом, кардинально изменяя его композицию (см. Табл. 2).

«Латинская выписка» Вл. Соловьева ¹⁴	«Дневник Писателя» Ф. М. Достоевского
<p>Francus in vincendo Germanos caedet multos, demum Gallus succumbet, et pudicus facie regnabit ubique. Nidulum matris aquilae intrans ab oriente in occidentem monarchiam tenebit.</p> <p>Aquila a Virgine fugata liliu[m] excitabit, (5) <i>volabit ad miridiem recuperando amissa</i>. Veniet miles in pectore signatus trucidabit Leonem. (2) <i>Exsurget Aquila grandis, aquicolae maerebunt</i>. (3) <i>Tria regna comportabit</i>. (4) <i>Ipsa est Aquila grandis quae dormiet anni[s] multis refutata resurget cum lilio garrire incipiet et contremiscere faciet et alios montes superbissimos</i>. In aquicolis occidentalibus in terra Virginis lilia universa sedabit etc.</p>	<p>Post haec veniet altera aquila quae ignem fovebit in gremio sponsae Christi et erunt tres adulteri unusque legitimus qui alios vorabit.</p> <p>Exsurget aquila grandis in Oriente, aquicolae occidentales moerebunt. Tria regna comportabit. Ipsa est aquila grandis, quae dormiet annis multis, refutata resurget et contremiscere faciet aquicolas occidentales in terra Virginis et alios montes Superbissimos; et volabit ad meridiem recuperando amissa. Et amore charitatis inflammabit Deus aquilam orientalem volando ad ardua alis duabus fulgens in inontibus chrisliauitatis.</p>

<p>Egrediet Aquila etc. et non erit pax in terra Virginali et gens sine capite ragnabit annis illis de post adhaerebit aquilae grandi.</p> <p>Leo supeditabitur lilio et cutient gladio aquilones et aquila vorabit partem leonis.</p> <p>(1) <i>Post haec veniet altera aquila quae ignem fovebit in gremio sponsae Christi, et erunt tres adulteri unusque legitimus qui alios vorabit.</i></p> <p>(Malus) Gallus facile bellum inisit sed inconstans et instabilis erit. — de bono Gallo: Aquilae grandi sociabitur liliun ab occidente in orientem et movebitur contra leonem. Leo carebit auxilio et decipietur a lilio.</p> <p>(6) <i>Et amore charitatis inflammabit Aquilam Orientalem, volando ad ardua alis duabos fulgens in montibus christianitatis.</i></p>	
---	--

Табл. 2. Сравнение «латинской выписки» Вл. Соловьева и латинского текста в «Дневнике Писателя» Ф. М. Достоевского 1877 г.

Tabl. 2. Comparison of the “Latin extract” by V. Solovyov and the Latin text in the “Diary of a Writer” by F. M. Dostoevsky in 1877

Сопоставление двух текстов показывает, что Достоевский делает смысловую «выжимку» из конспекта Соловьева (конспект конспекта) и не только меняет композицию, но вставляет дополнительные слова. И если определение *occidentales* (западные) присутствует в конспекте Соловьева (хотя и относится к существительному *aquicolae* (жители)), то вставки *in Oriente* (на Востоке) и *Deus* (Бог) принадлежат Достоевскому и продиктованы теми смысловыми акцентами, которые необходимы ему для противопоставления православной России и католически-протестантского Запада — именно к осмыслению этого противопоставления предсказание Лихтенбергера служит поводом и символической иллюстрацией.

Сопоставив тексты Соловьева и Достоевского и сравнив их с первоисточником, Рычков отмечает, что они содержат идентичные замены и сокращения текста «Прогностики», при этом «латинский текст, приведенный Достоевским, аутентично повторяет конспект Соловьева, включая те же лакуны и словарную замену, что дает веские основания признать этот конспект первоисточником для Достоевского» [Рычков, 2019b: 436]. Добавим к этому свои доводы.

И в тексте Соловьева, и в тексте Достоевского одинаково изменено последнее предложение, которое в оригинальном тексте «Прогностики» выглядит следующим образом: «*Et amore charitatis inflammabit Aquilam orientalem, volantem ad ardua alis duabus et fulgentem in montibus Christianitatis*»

(латинский текст «Прогностики» приводится по публикации А. Л. Рычкова: [Рычков, 2019а: 22]).

В конспекте Соловьева и его воспроизведении Достоевским определение *volantem* к существительному *Aquilam* (Орла), представляющее форму действительного причастия настоящего времени в аккумулятиве (=летящего), заменено формой герундия в аблативе единственного числа *volando*, что создает грамматическую шероховатость и приводит к неточности в переводе: у Достоевского это переведено «да летит», что является неверным. Более точный перевод формы *volando* должен быть «полетом, летанием» (герундий представляет из себя форму отглагольного существительного и подчеркивает абстрактность действия). Между тем однородное к *volantem* определение *fulgentem* (=сверкающего), так же являющееся действительным причастием в аккумулятиве, заменено на начальную форму причастия — *fulgens*, что создает логическую неточность в переводе: должно быть «...воспламенит Орла восточного, летящего к трудному двумя крылами и сверкающего на вершинах Христианства», а в переводе Достоевского — «воспламенит Бог орла восточного, да летит на трудное, крылами двумя сверкая на вершинах Христианства» (Д30; 25: 123).

Отметим еще одну неточность, уже в переводе: слово *dormiet* в четвертом предложении конспекта переводится *спит*, в то время как это форма будущего времени — *будет спать*.

Эти грамматические шероховатости свидетельствуют не только о том, что Достоевский пользовался конспектом Соловьева как первоисточником латинского текста, но и том, что он, скорее всего, этот конспект переводил. В любом случае, те изменения, которые сделаны в тексте «Прогностики», принадлежат перу человека, знающего латынь, а грамматические неточности можно объяснить тем, что владение латынью для переводчика не является профессиональным. В целом, приводимый в «Дневнике Писателя» латинский конспект является связным и грамматически верным. Примечательно, что Достоевский при публикации сохраняет латинский текст, не ограничиваясь только его переводом. Учитывая жанровую специфику «Дневника Писателя», являющегося публицистическим изданием, предположим, что делается это для документальной достоверности¹⁵. Отметим, что Достоевскому важно было, чтобы приводимый им латинский текст был максимально понятен читателю. Поэтому в сопроводительном письме в типографию он настаивал на том, чтобы перевод приводился построчно, как он сделал в рукописи: «На первых страницах пойдет латинский текст. Напечатайте *не петитом*, а обыкновенным шрифтом, и непременно через строчку латинского с русским, точь-в-точь так, как увидите в оригинале. Латинский текст переведен *подсловно*, то есть под каждым латинским словом соответствующее русское. Надо так и набирать и печатать. NB. (самое главное). Ради Бога, дайте прокорректировать латинский текст кому-нибудь знающему латинский язык» (Д30; 29: 157–158).

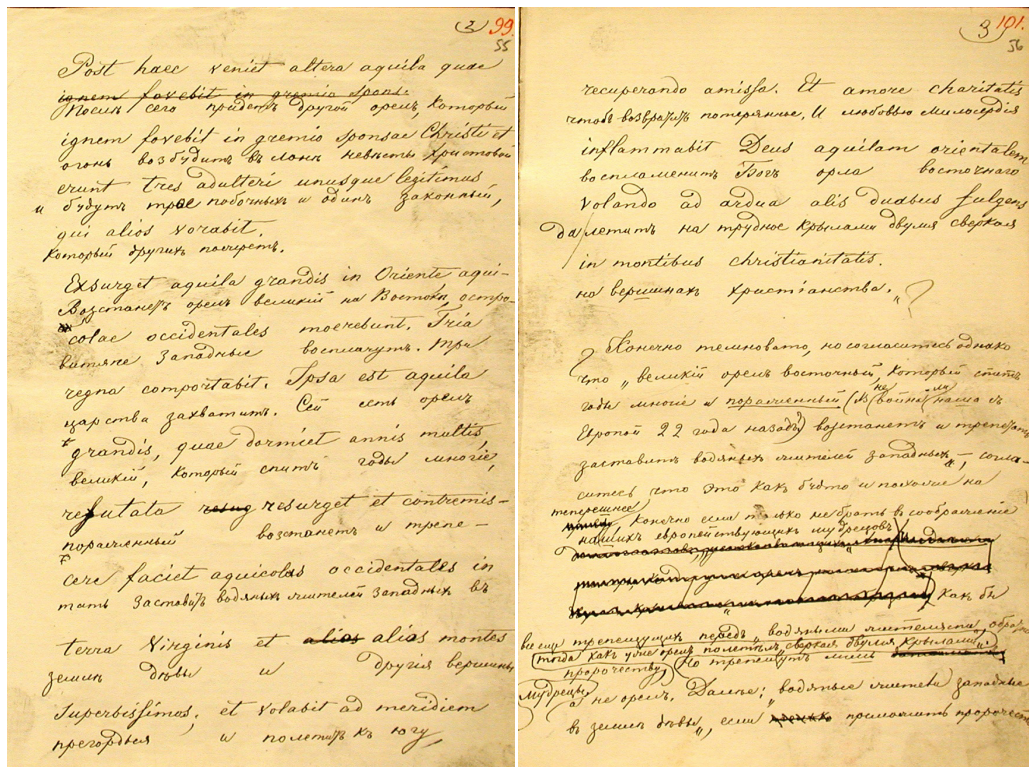
Приведем текст автографа с параллельным переводом (Черновой автограф ДП 1877, май — июнь (ОР РГБ. Ф. 93.1.2.12. С. 99, 101; см. Илл. 1)):

«*Post haec veniet altera aquila quae
[ignem fovebit in gremio sponsae.]
Послѣ сего придетъ другой орелъ, который
ignem fovebit in gremio sponsae Christi et
огонь возбудитъ въ лонѣ невѣсты Христовой
erunt tres adulteri unusque legitimus
и будутъ трое побочныхъ и одинъ законный,
qui alios vorabit.
который другихъ пожретъ.
Exsurget aquila grandis in Oriente, aquicolae
Возстанетъ орелъ великій на Востокъ, островитяне
occidentales moerebunt. Tria
западные восплачутъ. Три
regna comportabit. Ipsa est aquila
царства захватитъ. Сей есть орелъ
grandis, quae dormiet annis multis,
великій, который спитъ годы многіе,
refutata [resug] resurget et contremiscere
пораженный возстанетъ и трепетать
faciet aquicolas occidentales in
заставитъ водяныхъ жителей западныхъ въ
terra Virginis et [alios] alios montes
земль дѣвы и другія вершины
Superbissimos; et volabit ad meridiem
прегордыя и полетитъ къ югу,*

// С. 99 (л. 55)

*recuperando amissa. Et amore charitati
чтобы возвратитъ потерянное. И любовью милосердія
inflammat Deus aquilam orientalem
воспламенитъ Богъ орла восточнаго
volando ad ardua alis duabus fulgens
{да} летитъ на трудное крылами двумя сверкая
in montibus christianitatis.
на вершинахъ Христіанства».*

// С. 101 (л. 56)

Илл. 1. Перевод с латинского языка пророчества из книги Иоганна Лихтенбергера «Прогностика» (1528 г.), выполненный Ф. М. Достоевским (ОР РГБ. Ф. 93.1.2.12. С. 99, 101)

Fig. 1. F. M. Dostoevsky's translation of the prophecy from *Prognostics* by Johann Lichtenberger (1528) from Latin (manuscripts Department of the Russian State Library Fund 93.I.2.12. P. 99, 101)

Примечательно, что при наборе изменения, связанные с правкой латинского текста, коснулись только написания заглавных букв и пунктуации. В целом же перевод Достоевского не был подвергнут кардинальной правке — «знающему» человеку он показался бы правильным.

Итак, тексты Достоевского личного, рабочего, публицистического и художественного характера опровергают мнение некоторых исследователей о неприятии писателем латинского языка. Латинская словесность органично вписалась в его идиостиль, о чем свидетельствуют реминисценции из римской литературы, латинские лексические и афористические вставки. Уверенное владение латынью, заложенное образованием, проявилось в зрелом творчестве писателя в виде практики вольного перевода средневекового религиозно-философского текста, идейно-образная интерпретация которого использовалась Достоевским для иллюстрации своих общественно-политических взглядов.

Примечания

- 1 Пансион Л. И. Чермака, считаясь одним из лучших частных учебных заведений Москвы, предлагал полный гимназический курс, включая классические языки — латинский и древнегреческий.
- 2 Так, нет точных сведений об учебниках, по которым Достоевский занимался в пансионе Чермака, не известно также, кто из учителей преподавал ему латинский язык и по какой системе (см.: [Федоров]).
- 3 «И вот с этого времени, каждый вечер папенька начал заниматься с братьями латынью. Разница между отцом-учителем и посторонними учителями, к нам ходившими, была та, что у последних ученики сидели в продолжение всего урока вместе с учителем; у отца же братья, занимаясь нередко по часу и более, не смели не только сесть, но даже облокотиться на стол. Стоят бывало как истуканчики, склоняя по очереди: *mensa, mensae, mensae* и т. д., или спрягая: *amo, amas*. Братья очень боялись этих уроков, происходивших всегда по вечерам. Отец, при всей своей доброте, был чрезвычайно взыскателен и нетерпелив, а главное, очень вспыльчив. Бывало, чуть какой-либо со стороны братьев промах, так сейчас разразится крик» [Достоевский: 68].
- 4 Гроссман имеет в виду цитату из стихотворения Н. Ф. Щербины «Физиология “Нового поэта”. Фельетон в стихах» (1853), которую Достоевский приводит в «Дневнике писателя» (апрель, 1876): «Серьезность и искренность этого любования составляет одно из самых любопытных явлений. Главное в том, что г-н Авсеенко, как писатель, не один; и до него были “коленкоровых манишек беспощадные Ювеналы”, но никогда в такой молитвенной степени» (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1975. Т. 22. С. 107–108. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Д30*, указанием тома (полутома — нижним индексом) и страницы в круглых скобках).
- 5 Подробно об этом см.: [Смирнова].
- 6 Источником является начало 6 послания из первой книги (Epist. I, 6): «*Nil admirari prope res est una, Numici, // solaque quae possit facere et servare beatum*» («Ничему не удивляться — почти одна вещь, Нумиций, // и единственная, которая могла бы сделать и сохранить (человека) счастливым» (пер. А. А. Скоропадской). Латинский текст приводится по данным сайта *Horatius.ru*: <https://www.horatius.ru/index.xps?2.906> (01.02.2021).
- 7 Сходное рассуждение находим в словах Ипполита, обращающегося к князю Мышкину с такими словами: «Вы, кажется, ничему не удивляетесь, князь, — прибавил он, недоверчиво смотря на спокойное лицо князя, — ничему не удивляться, говорят, есть признак большого ума; по-моему, это в равной же мере могло бы служить и признаком большой глупости...» (*Д30*; 8: 463).
- 8 Источником является отрывок из 3 песни «Энеиды» (Aeneis, III, 521–524):
 «*iamque rubescebat stellis Aurora fugatis,
 cum procul obscuros collis humilemque videmus
 Italiam. Italiam primus conclamat Achates,
 Italiam laeto socii clamore salutant*».
 («Уже краснела Аврора, прогоняя звезды,
 Когда вдали темные холмы и низину мы видим —
 Италию. “Италия”, — первым кричит Ахат.
 Италию радостным спутники криком приветствуют» (пер. А. А. Скоропадской). Латинский текст приводится по изд.: Virgil. T. I. Eclogues. Georgics. Aeneid I–VI: Loeb Classical Library, 1938 (2-е испр. переизд. 1916): <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1375300001> (01.02.2021).

- 9 Отношение Достоевского к Гомеру подробно проанализировано в статье Т. Г. Мальчуковой [Мальчукова].
- 10 Среди гуманитарных предметов были — история, русская словесность, французский язык (см.: [Якубович: 184]).
- 11 Более подробно об этом см.: [Скоропадская].
- 12 Подробно написание этих имен исследовано в работе Е. Л. Смирновой [Смирнова].
- 13 *Pronosticatio Johannis Liechtenbergers, jam denuo sublatis mendis, quibus scatebat, pluribus, quam diligentissime excussa. Coloniae [Köln], P. Quentel, 1528. 84 l., 8.*
- 14 Текст приводится по публикации Рычкова. Курсивом выделены те места, которые перешли в текст Достоевского. Цифра в скобках указывает порядок в тексте Достоевского. Полуужирным курсивом выделены слова, которые вставлены Достоевским.
- 15 Подробно об использовании книги Иоганна Лихтенбергера в качестве одного из источников в аргументации доктрины «Константинополь должен быть наш» — см.: [Алексеев, Алексеева].

Список литературы

1. Алексеев П. В., Алексеева А. А. «Константинополь должен быть наш»: провиденциальные мотивы в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского // Мир культуры, науки, образования. 2017. № 6 (67). С. 447–449.
2. Васильева С. А. Латинские слова и выражения в художественных произведениях Ф. М. Достоевского // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2013. Вып. 6. С. 20–26.
3. Гроссман Л. Достоевский. М.: Молодая гвардия, 1963. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/g/grossman_1_p/text_1963_dostoevsky_zhzh.shtml (01.02.2021).
4. Достоевский А. М. Воспоминания. СПб.: Андреев и сыновья, 1992. 399 с.
5. Ермаков Д. И. Психологический анализ литературы. Пушкин. Гоголь. Достоевский. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 509 с.
6. Ильченко О. С. Латинские вкрапления в русской литературе второй половины XIX века // Russian Linguistic Bulletin. 2020. № 3(23). С. 140–144. DOI: 10.18454/RULB.2020.23.3.7
7. Литинская Е. П. Латинский текст в романе Ф. М. Достоевского «Подросток» // Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы: Материалы V Международного научного конгресса. Симферополь: Ариал, 2020. С. 145–148.
8. Мальчукова Т. Г. Достоевский и Гомер (к постановке проблемы) // Новые аспекты в изучении Достоевского: сб. науч. тр. / отв. ред. В. Н. Захаров. Петрозаводск, 1994. С. 3–36.
9. Нилова А. Ю. Латинский язык в творчестве Ф. М. Достоевского // Фортунатовские чтения в Карелии: сб. докладов международной научной конференции (10–12 сентября 2018 года, г. Петрозаводск). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2018. Ч. 2. С. 36–39.
10. Рычков А. Л. Латинская выписка Вл. Соловьева из «Pronosticatio» Иоганна Лихтенбергера: от «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского до «Трех разговоров» Вл. Соловьева // Соловьевские исследования. 2019. Вып. 1 (61). С. 6–23. (a)
11. Рычков А. Л. Латинский конспект Вл. Соловьева в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского: научный миф или литературный факт? // Литературный факт. 2019. № 1 (11). С. 431–451. DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-431-451. (b)
12. Селезнев Ю. И. Достоевский. 5-е изд. М.: Молодая гвардия, 2007. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedordostoevsky.ru/biography/seleznev/1/> (01.02.2021).

13. Скоропадская А. А. Вопрос о классическом образовании в публицистическом освещении Ф. М. Достоевского // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 5 (182). С. 25–30. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.347
14. Смирнова Е. Л. «Него (артист)» в рабочей тетради Ф. М. Достоевского 1864–1867 гг. // Неизвестный Достоевский. 2020. № 1. С. 118–132. [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1587665971.pdf (01.02.2021). DOI: 10.15393/j10.art.2020.4441
15. Федоров Г. А. Пансион Л. И. Чермака в 1834–1837 гг. (по новым материалам) // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1974. Вып. 1. С. 241–254.
16. Якубович И. Д. Достоевский в Главном инженерном училище (Материалы к летописи жизни и творчества писателя) // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1983. Вып. 5. С. 179–186.

References

1. Alekseev P. V., Alekseeva A. A. “Constantinople Must Be Ours”: Providential Motifs in “Writer’s Diary” of F. M. Dostoevsky. In: *Mir kul’tury, nauki, obrazovaniya* [The World of Science, Culture and Education], 2017, no. 6 (67), pp. 447–449. (In Russ.)
2. Vasil’eva S. A. Latin Words and Expressions in the Works of Art by F. M. Dostoevsky. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Filologiya»* [Herald of Tver State University. Series Philology], 2013, issue 6, pp. 20–26. (In Russ.)
3. Grossman L. *Dostoevsky*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1963. Available at: http://az.lib.ru/g/grossman_1_p/text_1963_dostoevsky_zhzh.shtml (accessed on February 1, 2021) (In Russ.)
4. Dostoevskiy A. M. *Vospominaniya* [Memories]. S. Petersburg, Andreev i synov’ya Publ., 1992. 399 p. (In Russ.)
5. Ermakov D. I. *Psikhoanaliz literatury. Pushkin. Gogol’. Dostoevskiy* [Psychoanalysis of Literature. Pushkin. Gogol. Dostoevsky]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1999. 509 p. (In Russ.)
6. Il’chenko O. S. Latin Insertions in Russian Literature of the Second Half of the 19th Century. In: *Russian Linguistic Bulletin*, 2020, no. 3 (23), pp. 140–144. DOI: 10.18454/RULB.2020.23.3.7 (In English)
7. Litinskaya E. P. The Latin Text in the Novel by F. M. Dostoevsky’s “The Teenager”. In: *Inostrannaya filologiya. Sotsial’naya i natsional’naya variativnost’ yazyka i literatury: materialy V Mezhdunarodnogo nauchnogo kongressa* [Foreign Philology. Social and National Variability of Language and Literature: Proceedings of the 5th International Scientific Congress]. Simferopol, Arial Publ., 2020, pp. 145–148. (In Russ.)
8. Mal’chukova T. G. Dostoevsky and Homer: to the Problem Statement. In: *Novye aspekty v izuchenii Dostoevskogo* [New Aspects in Studying of Dostoevsky], Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1994, pp. 3–36. (In Russ.)
9. Nilova A. Yu. The Latin Language in Dostoevsky’s Works. In: *Fortunatovskie chteniya v Karelii: sbornik dokladov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (10–12 sentyabrya 2018 goda, Petrozavodsk)* [Fortunatov Readings in Karelia: Collection of Articles of the International Scientific Conference (September 10–12, 2018, Petrozavodsk)]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2018, part 2, pp. 36–39. (In Russ.)
10. Rychkov A. L. VI. Solovyov’s Latin Extract from Johannes Lichtenberger’s Book “Pronosticatio”: from F. M. Dostoevsky’s «A writer’s Diary» to VI. Solovyov’s “Three Conversations”. In: *Solov’evskie issledovaniya* [Solovyov Studies], 2019, issue 1 (61), pp. 6–23. (In Russ.) (a)

11. Rychkov A. L. Vladimir Solovyov's Latin Outline in Fyodor Dostoevsky's "The Writer's Diary": a Scholarly Myth or a Literary Fact? In: *Literaturnyy fakt [Literary Fact]*, 2019, no. 1 (11), pp. 431–451. DOI: 10.22455/2541-8297-2019-11-431-451. (In Russ.) (b)
12. Seleznev Yu. I. *Dostoevsky*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2007. Available at: <https://www.fedordostoevsky.ru/biography/seleznev/1/> (accessed on February 1, 2021) (In Russ.)
13. Skoropadskaya A. A. The Question of Classical Education in Fyodor Dostoevsky's Journalism. In: *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta [Proceedings of Petrozavodsk State University]*, 2019, no. 5 (182), pp. 25–30. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.347 (In Russ.)
14. Smirnova E. L. "Nero (Artist)" in F. M. Dostoevsky's Workbook of 1864–1867. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2020, no. 1, pp. 118–132. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1587665971.pdf (accessed on February 1, 2021). DOI: 10.15393/j10.art.2020.4441 (In Russ.)
15. Fedorov G. A. Pension of L. I. Chermak in 1834–1837 (Based on New Materials). In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya [Dostoevsky. Materials and Researches]*. Leningrad, Nauka Publ., 1974, issue 1, pp. 241–254. (In Russ.)
16. Yakubovich I. D. Dostoevsky in the Main Engineering School (Materials for the Chronicle of Life and Works of the Writer). In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya [Dostoevsky. Materials and Researches]*. Leningrad, Nauka Publ., 1983, issue 5, pp. 179–186. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Скоропадская Анна Александровна, *Anna A. Skoropadskaya*, PhD (Philology), Associate Professor of the Department of Classical Philology, Russian Literature and Journalism, Petrozavodsk State University (pr. Lenina 33, Petrozavodsk, 185910, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6593-5526>; e-mail: san19770@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 07.02.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 15.05.2021

Принята к публикации / Accepted 05.06.2021

Дата публикации / Date of publication 05.07.2021

Научная статья

УДК 930.25

DOI: 10.15393/j10.art.2021.5341

В защиту Александра Ивановича Исаева (по документам Государственного архива Томской области)

Е. Д. Трухан

*МАУК «Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского»
(г. Новокузнецк, Российская Федерация)*

e-mail: dostoevski_nvkh@mail.ru

Аннотация. В статье вводятся в научный оборот официальные документы 1853–1855 гг., сохранившиеся в Государственном архиве Томской области (ГАТО) и воссоздающие последние месяцы жизни Александра Ивановича Исаева — семипалатинского друга Ф. М. Достоевского, первого мужа Марии Дмитриевны Констант (Исаевой, Достоевской). К этим документам относятся: аттестат службы А. И. Исаева, выданный 27 сентября 1853 г., а также 6 рапортов и 12 служебных писем за февраль–ноябрь 1855 г. До последнего времени в биографической литературе о Достоевском бытовало представление об А. И. Исаеве как о горьком пьянице, безвольном человеке, погубившем свою карьеру и жизнь, оставившем семью в нищете. В документах ГАТО присутствуют положительные характеристики Исаева, указаны его профессиональные успехи и служебный рост с 1840 по 28 июля 1853 г., день увольнения. В архивных материалах указан важный факт — официальная причина увольнения чиновника со службы. Ею стал не алкоголизм Исаева, преувеличенный в работах биографов Достоевского, а смертельная болезнь — чахотка (туберкулез). Это обстоятельство объясняет слова Достоевского в письме к барону А. Е. Врангелю от 14 августа 1855 г. о «черной судьбе» Исаева, неизменное уважение и доброжелательность писателя к нему, а также стремление вырастить его сына Павла похожим на родного отца. Архивные материалы свидетельствуют, что до и после смерти Исаева 4 (16) августа 1855 г. на его должности корчемного заседателя в Кузнецком земском суде служили многие лица, на которых повлияли события последних месяцев его жизни.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, Кузнецк, Александр Иванович Исаев, Мария Дмитриевна Достоевская, окружение Достоевского, биография, демифологизация, развенчание мифов, Кузнецкий земский суд

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Кемеровской области в рамках научного проекта № 20-412-420002.

Для цитирования: Трухан Е. Д. В защиту Александра Ивановича Исаева (по документам Государственного архива Томской области) // *Неизвестный Достоевский*. 2021. Т. 8. № 2. С. 48–67. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5341

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2021.5341

In Defense of Alexander Ivanovich Isaev (Using Materials of the State Archive of the Tomsk Region)

Elena D. Trukhan

*Literary-memorial Museum of F. M. Dostoevsky
(Novokuznetsk, Russian Federation)*

e-mail: dostoevski_nvkh@mail.ru

Abstract. The article introduces into scientific circulation official documents dated 1853–1855, preserved in the State Archive of the Tomsk region and recreating the last months of the life of Alexander Ivanovich Isaev — a friend of F. M. Dostoevsky in Semipalatinsk, the first husband of Maria Dmitrievna Constant (Isaeva, Dostoevskaya). These documents include: A. I. Isaev's certificate of service, issued on September 27, 1853, and 6 reports and 12 official letters dated February–November 1855. Until recently, the corpus of biographical literature about Dostoevsky offered an image of A. I. Isaev as a bitter drunkard, a weak-willed man who ruined his career and life and left his family in poverty. Materials of the State Archive of the Tomsk region contain positive characteristics of Isaev and confirm his professional achievements and career growth from 1840 to July 28, 1853, the day of his dismissal. These archival materials reveal an important fact — the official reason for his dismissal from service. It was not Isaev's alcoholism, exaggerated in the works of Dostoevsky's biographers, but a deadly disease, namely, consumption (tuberculosis). This fact explains the words of Dostoevsky in a letter to Baron A. E. Wrangel dated August 14, 1855. About Isaev's "dark fate," the writer's unwavering respect and goodwill towards him, as well as the desire to raise his son Pavel like his own father. Archival materials demonstrate that before and after the death of Isaev on August 4 (16), 1855, many persons who were influenced by the events of the last months of his life served as a tavern assessor in the Kuznetsk Zemsky Court.

Keywords: F. M. Dostoevsky, Kuznetsk, Alexander Ivanovich Isaev, Maria Dmitrievna Dostoevskaya, Dostoevsky's entourage, biography, demythologization, debunking of myths, Kuznetsky Zemsky court

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR and the Kemerovo region, project number 20-412-420002.

For citation: Trukhan E. D. In Defense of Alexander Ivanovich Isaev (Using Materials of the State Archive of the Tomsk Region). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2021, vol. 8, no. 2, pp. 48–67. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5341 (In Russ.)

«Если были в нем недостатки,
наполовину виновата в них его чёрная судьба»
(Ф. М. Достоевский об А. И. Исаеве)¹.

О коллежском секретаре, заседателе по корчемной части, сибирском друге Ф. М. Достоевского Александре Ивановиче Исаеве (1822–1855) известно немного. Не биография этого чиновника, а события, развернувшиеся после его смерти, оказались интересны литературоведам и историкам:

венчание вдовы Исаева Марии Дмитриевны с Ф. М. Достоевским в Богородице-Одигитриевской церкви города Кузнецка² и литературное воплощение А. И. Исаева в одном из самых ярких персонажей писателя — Семёне Захаровиче Мармеладове.

В 1987 г. П. В. Бекедин, обнаружив малоизвестные материалы о пребывании Ф. М. Достоевского в Кузнецке, констатировал: «Сведения об А. И. Исаеве весьма скудны» [Бекедин: 230]. И действительно, до последнего времени биографическая информация об А. И. Исаеве была очень краткой.

Возможно, это произошло по причине непривлекательности и асоциальности его личности: алкоголик, неудачник, безвольный и опустившийся человек. Созданию такой репутации отчасти способствовали письма Ф. М. Достоевского 1855–1857 гг.³, мемуары современников писателя — А. Е. Врангеля и П. П. Семенова-Тян-Шанского⁴, почти или вовсе не знавших Исаева, а также краеведческие изыскания, где были допущены досадные неточности и фактические ошибки, касающиеся сведений о Достоевском и его окружении после каторги, в том числе — об А. И. Исаеве⁵.

Несмотря на то, что личность А. И. Исаева ранее не становилась самостоятельным объектом исследования, некоторые его биографические данные в 1990-е гг. удалось найти семипалатинской исследовательнице Н. И. Левченко в Государственном архиве Астраханской области [Левченко, 1991, 1994]. На основе обнаруженных ею сведений до сих пор реконструируются личность Александра Исаева и его короткая, но нашедшая отклик в творчестве Ф. М. Достоевского, жизнь. Все словарные статьи об А. И. Исаеве, размещенные в современных справочно-энциклопедических и биобиблиографических изданиях, посвященные жизни и творчеству писателя, опираются именно на работы Н. И. Левченко⁶.

Документы, найденные Н. И. Левченко в архивах, дали ответы лишь на некоторые вопросы об Александре Исаеве. Многие из его биографии остались неизвестными, но заполнить эти лакуны пытаются современные исследователи. Так, Т. В. Панюкова обнаружила в фонде Олонецкой духовной консистории Национального архива Республики Карелия в метрической книге Петропавловского собора губернского города Петрозаводска даты его рождения и крещения — 1 и 6 августа 1822 г. соответственно. [Панюкова: 163–164]. Запись о смерти коллежского секретаря, корчемного заседателя Александра Исаева⁷ удалось обнаружить во второй половине 2007 г. в Госархиве Новосибирской области [Голуб]. В части третьей метрической книги Одигитриевской церкви Кузнецка за 1855 год — «Об умерших» — значился медицинский диагноз, приведший его к смерти — «от чахотки». Этот факт очень важен. Он позволяет исправить данные, известные от самого писателя, утверждавшего, что его сибирский друг «умер от каменной болезни» (*ДЗ*; 28₁: 202), а также немного охладить разыгравшиеся фантазии биографов Достоевского⁸.

Смерть чиновника Исаева, писал Фёдор Михайлович в октябре 1859 г., наступила «единственно по недостатку медицинских пособий, невозможных

в глухом краю, где служил он» (ДЗ0; 28; 387). Хотя медицинских документов, представляющих полную картину болезни Исаева, не известно, с писателем поспорить трудно. Во времена Достоевского чахотка считалась болезнью неизлечимой и смертельно опасной, не дававшей никакого шанса на жизнь. Уровень развития медицины не позволял исцелять чахоточных, ведь «в распоряжении врачей были лишь лекарственный и гигиенический методы» [Пироговская]. В профилактике и лечении чахотки использовались сомнительные средства — ослиное молоко, ртуть; пациентам рекомендовались не менее сомнительные методы — крик и смех, составление смет, сон в коровнике и прочее.

Врачи считали (и это следует отметить отдельно), что чахотку, кроме «ненужных кровопусканий» и «крепких проносных», «сидячего образа жизни» и «глубокомысленных упражнений ума», «слишком тяжелой пищи, избытка соли и пряностей», были «способны вызывать... горячительные напитки — вина и крепкий алкоголь» [Пироговская]. Зная склонность Исаева к последним, можно предположить, что медики того времени, а вслед за ними и провинциальные обыватели, могли называть этот фактор главной причиной летального исхода болезни чиновника.

В случае Исаева чахотка стала тем роковым и непреодолимым обстоятельством, которое сокрушило его планы в карьере, сломало личную и семейную жизнь. Материалы дела, найденного нами в Томском государственном архиве и имеющего название «Переписка с Томским губернатором, Бийским, Кузнецким земскими, Каинским, Кольванским окружными судами и др. о назначении, увольнении, переводе чиновников и канцелярских служащих (1854–1856)»⁹, подтверждают это.

К ним относится аттестат А. И. Исаева, выданный 27 сентября 1853 г., а также 6 рапортов и 12 служебных писем за февраль–ноябрь 1855 г. (см. *Архивные источники*). Данный корпус архивных материалов дополняет известные сведения об Александре Исаеве, а также позволяет реконструировать события последних месяцев его жизни и иначе взглянуть на личность чиновника, оказавшегося с семьей за чертой бедности. Документы помогают понять, почему все-таки Ф. М. Достоевский питал к Исаеву неизменное уважение и доброжелательность, и что именно скрывалось за таинственной фразой писателя о его «чёрной судьбе».

Прежде всего, обратим внимание на главный документ, заверенный красной сургучной гербовой печатью и подписью начальника Сибирского таможенного округа, статского советника и кавалера И. А. Армстронга. Это — аттестат Александра Ивановича Исаева. При пересылке он сопровождался соответствующим письмом под № 1966 от 18 мая 1855 г. за подписью гражданского губернатора генерала-майора В. А. Бекмана, где было указано, что документ получен из Инспекторского департамента гражданского ведомства¹⁰.

АТТЕСТАТЪ

Данъ сей служившему чиновникомъ особыхъ порученій при Начальникѣ Сибирскаго таможеннаго округа коллежскому секретарю Александру Иванову Исаеву, въ томъ, что онъ, какъ изъ формулярнаго о службѣ его списка видно, отъ роду 31 года, вѣтроисповѣданія православнаго, происходитъ изъ дворянъ, за нимъ, за родителями его и за женою, родоваго или благопріобрѣтеннаго имѣнія нѣтъ. Въ службу вступилъ въ Кавказскій линейный № 11 баталіонъ (этотъ баталіонъ переименованъ въ баталіонъ № 12, 1840 г. августа 8-го, а потомъ въ Астраханскій гарнизонный баталіонъ 1841 г. апрѣля 10 дня). Унтеръ-офицеромъ съ выслугою 3-хъ месяцевъ за рядоваго 1839 г. апрѣля 16-го, произведенъ въ подпрапорщики 1839 г. июля 13-го, произведенъ въ портупей-прапорщики 1839 г. октября 6-го, произведенъ въ прапорщики съ переводомъ въ Симбирскій Внутренній Гарнизонный баталіонъ 1841 г. ноября 10-го, переведенъ въ отдѣльную роту Астраханскаго Центрального Карантина 1841 г. ноября 17-го, назначенъ ротнымъ адъютантомъ 1842 г. марта 26-го. Определенъ исправляющимъ должность казначея въ той же ротѣ 1846 г. февраля 5-го, определенъ чиновникомъ особыхъ порученій при комитетѣ, учрежденномъ въ Астрахани по перевозкѣ казеннаго провіанта 1846 г. марта 28-го, Правительствующимъ Сенатомъ переименованъ изъ прапорщиковъ въ коллежскіе регистраторы 1846-го г. июня 17-го. Произведенъ въ губернскіе секретари со старшинствомъ съ 1847 г. мая 28-го. Въ 1846, 1847, 1848 и 1849 годахъ, съ открытія и до закрытія навигаціи, находился на взморьѣ за Бирючею косою для наблюденія за успѣшнымъ отправленіемъ казеннаго провіанта на Серебряковскую пристань и Дагестанскимъ портамъ; переведенъ чиновникомъ особыхъ порученій къ начальнику Астраханскаго таможеннаго округа 1849 г. декабря 18-го; перемѣщенъ чиновникомъ особыхъ порученій при начальникѣ Сибирскаго таможеннаго округа 1851 г. февраля 13-го; Высочайшимъ приказомъ, отданнымъ по Гражданскому вѣдомству въ 7-й день августа 1852 г., произведенъ въ коллежскіе секретари со старшинствомъ съ 1851-го г. мая 28-го. Въ походахъ, въ штрафахъ и подѣ судомъ не былъ; Аттестовался способнымъ и достойнымъ. Въ отставкѣ и отпускахъ не былъ, женатъ на Марьѣ Дмитріевой; имѣетъ сына Павла, родившагося 10 ноября 1847 года; жена и сынъ православнаго исповѣданія. Высочайшимъ приказомъ, отданнымъ по Гражданскому вѣдомству въ 28-й день июля 1853 г., уволенъ отъ службы по бользни. Въ удостовѣреніе всего вышеизложеннаго данъ сей Аттестатъ за подписомъ моимъ и съ приложеніемъ герба моего печати сентября двадцать седьмаго дня тысяча восемьсотъ пятьдесятъ третьяго года. Г. Семипалатинскъ Томской Губерніи. Начальникъ Сибирскаго Таможеннаго округа статскій совѣтникъ и кавалеръ (подпись И. А. Армстронга)¹¹.

«Подтверждениемъ службы в государственныхъ учрежденіяхъ былъ аттестатъ службы (свидѣтельство) — документъ, содержащій сведения о прохожденіи

службы, который выдавался работнику при переходе на другую должность или при увольнении. Основными условиями получения государственной должности было происхождение, имущественное положение, возрастной ценз и образование чиновника» [Башкова: 5–6]. Аттестат Исаева о службе как раз и предназначался для предъявления на новом месте. Его составили через два месяца после увольнения чиновника в соответствии с данными последнего формулярного списка¹².

Глядя на стабильные профессиональные успехи и стремительный карьерный рост Исаева, обозначенные в аттестате в период с 8 августа 1840 г. вплоть до 28 июля 1853 г., вспоминаются слова другого друга Достоевского — барона А. Е. Врангеля, которые можно отнести и к карьере Исаева: «Служба моя идет crescendo (в бурном темпе, нарастая. — Е. Т.) вперед...»¹³. Эту же динамику отметила Н. И. Левченко, изучавшая формулярные списки Александра Исаева в архиве Астраханской области: «Служба проходила у него успешно, что отмечалось в формулярных списках» [Левченко, 1994: 238]. Такое положение дел никак не стыкуется с беспечным отношением ко всему и «застарелым алкоголизмом» аттестуемого [Волгин: 1129]. Напротив, аттестат открывает перед нами человека, уверенно идущего по карьерной лестнице. К этому следует прибавить стабильное производство «со старшинством» в чинах, полное отсутствие штрафов и нахождения под судами, а также лаконичную характеристику умственных способностей: «Аттестовался способнымъ и достойнымъ». Таких успехов никак не мог добиться беспробудный пьяница.

Аттестат предоставляет исследователям важный факт — точную дату увольнения Исаева и его причину: «*Высочайшимъ приказомъ, отданнымъ по Гражданскому вѣдомству въ 28-й день Юля 1853 г., уволенъ отъ службы по болѣзни*» (выделено мной — Е. Т.).

Таким образом, болезнь, чахотка, стала не только официальной причиной смерти Александра Исаева, но и основанием для его увольнения со службы. Полученные в архиве данные проясняют ранее не вполне понятную ситуацию, описанную Н. И. Левченко: «В 1853 г. отношения Исаева и начальника округа Армстронга ухудшились. У Исаева неизвестно по каким причинам стали удерживать жалование. Пока не установлена причина, по которой его отправили в отставку» [Левченко, 1994: 240]. Теперь причина известна. Думается, значительное ухудшение здоровья потребовало времени на лечение, что повлекло за собой отлучки А. И. Исаева со службы и, возможно, в связи с этим — удержание жалованья.

Аттестат подтверждает, что семья Исаевых имела только один-единственный источник дохода — служебное жалование главы семейства: «...за нимъ, за родителями его и за женою, родового или благопріобрѣтеннаго имѣнія нѣтъ». Увольнение по здоровью стало сильнейшим ударом для самолюбивого, «не умевшего владеть собою» (Д30; 28; 201) Александра Исаева. После увольнения отставной чиновник и его семья вынуждены были почти два года — с 28 июля 1853 г. до мая 1855 г. — испытывать стеснение в средствах¹⁴.

Отметим, что аттестат с датой увольнения позволяет не принимать за истину косвенные субъективные свидетельства А. Е. Врангеля и Ф. М. Достоевского, намекающие на возможный конфликт Исаева с Армстронгом¹⁵. Этот конфликт мог быть, но официальное увольнение произошло по другой причине, указанной в канцелярском документе.

14 августа 1855 г., узнав о смерти Исаева, Фёдор Михайлович писал своему другу Врангелю: «Бедный, несчастный Александр Иванович Исаев скончался. Вы не поверите, как мне жаль его, как я весь растерзан. Может быть, я только один из здешних и умел ценить его. Если были в нём недостатки, наполовину виновата в них его чёрная судьба. Желал бы я видеть, у кого бы хватило терпения при таких неудачах? Зато сколько доброты, сколько истинного благородства!» (ДЗ0; 28: 190).

Что подразумевал Достоевский под «чёрной судьбой» Исаева? Только ли увольнение по болезни? Только ли двухлетнее ожидание служебного места? О каких неудачах, требующих от его сибирского друга стоического терпения, скорее всего, знал писатель? Об этом рассказывают документы томского архива.

Решение направить Александра Исаева на должность корчемного заседателя в Кузнецкий земский суд было принято губернатором еще 14 февраля 1855 г. Об этом письмом № 524 Томское общее губернское управление известило Томское губернское правление:

«Опредѣливъ сего числа отставнаго коллежскаго секретаря Александра Иванова Исаева въ слѣдствіе просьбы его корчемнымъ застѣдателемъ Кузнецкаго Земскаго суда по питейной части и доведя о семъ до свѣденія Инспекторскаго Департамента Гражданскаго вѣдомства, имѣю честь увѣдомить объ этомъ Губернское Правленіе для надлежащаго распоряженія, присовокупляя, что Исаевъ имѣетъ жительство въ г. Семипалатинскѣу Семипалатинской области.

Гражданскій Губернаторъ генераль-маіоръ Бекманъ <подпись>

Исправляющій должность начальника отдѣленія Вагинъ <подпись>»¹⁶.

Возникает закономерный вопрос: почему же тогда бедствующие и столь остро нуждающиеся в деньгах Исаевы выехали в Кузнецк только в мае, то есть спустя три с половиной месяца после назначения?

Архивные документы сообщают, что сначала все шло согласно служебным правилам. Через четыре дня после вынесенного по А. И. Исаеву решения — то есть 18 февраля 1855 г., — Томское губернское управление направило по этому поводу письма-распоряжения сразу в несколько инстанций: № 329 — в Кузнецкий земский суд, № 330 — в Кузнецкую градскую полицию, № 331 — в 1-е Отделение общего губернского управления. Согласно распоряжению, Кузнецкому земскому суду предписывалось «на явкѣ коллежскаго секретаря Исаева, приведа его на вѣрность службѣ къ присягѣ, допустить къ исправленію

назначенной ему должности»¹⁷. «Для объявленія о семъ Исаеву по жительству его въ городъ Семипалатинскъ предписать тамошней Градской полиціи явиться, чтобы онъ немедленно отправился къ назначенной ему должности»¹⁸. В обязанности же 1-го Отделения общего губернского управления входило получение аттестата Исаева для составления его нового формулярного списка¹⁹. Но, если вчитаться в корреспонденцию под № 330, становится ясно, что в документ закралась ошибка, а именно: письмо было направлено по другому адресу, вместо Семипалатинска — в Кузнецк. Волею «черной судьбы» дело о вступлении в должность затянулось еще на несколько месяцев...

Об этой ошибке стало известно только 25 апреля 1855 г., когда из Кузнецкого земского суда в Томское губернское правление поступил рапорт № 2565 за подписью исправника И. М. Катанаева:

«РАПОРТЪ

Въ Томское Губернское Правленіе

Кузнецкаго Земскаго суда

Томское Губернское Правленіе Указомъ отъ 28 февраля сего года за № 329 сему суду дало знать, что Г. Томскій Гражданскій Губернаторъ опредѣлилъ отставнаго Коллежскаго секретаря Александра Иванова Исаева въ сей Судъ корчемнымъ застѣдателемъ по питейной части, который донинѣ въ сей судъ не явился, и гдѣ находится неизвѣстно, предметникъ же его Сидоровъ вступилъ въ Управление дистанціею и занимается производствомъ Арестантскихъ дѣлъ, а корчемные дѣла за неявкою Исаева остаются безъ производства. Въ следствіе чего въ оное Губернское Правленіе Земскій Судъ представляя покорнѣйше проситъ о понужденіи чиновника Исаева къ скорѣйшей явкѣ его къ отправленію должности Корчемнаго застѣдателя учинить свое распоряженіе.

Исправникъ Катанаевъ <подпись>

Секретарь Ефремовъ (или: Ефремовскій? — Е. Т.)

Апрѣля 25 дня 1855 года

№ 2565

О неявкѣ къ должности

Корчемнаго Застѣдателя Исаева»²⁰.

Чиновник Исаев, конечно, ни в каком «понуужденіи къ скорѣйшей явкѣ» не нуждался. Напротив, он сам был огорчен долгим ожиданием назначения, томился от бездействия, терял надежду и злоупотреблял алкоголем. Не по своей вине оказавшийся виноватым, нарушителем служебного распорядка, до конца апреля 1855 г. он попросту не был извещен Семипалатинской градской полицией о своем новом назначении, а его семья в течение этих нескольких месяцев вынуждена была влачить жалкое существование. Об этом времени Ф. М. Достоевский сообщал в письме 13–18 января 1856 г. брату Михаилу: «Когда я познакомился с ними, еще они кое-как себя поддерживали <...>».

Почти не было куска хлеба, и я едва-едва достиг того, после долгой, истинной дружбы, чтоб они позволили мне поделиться с ними» (ДЗО; 28₁: 201, 202).

Наконец, все недоразумения с документами улеглись, ошибки канцелярии были устранены, а Исаев извещен о назначении в Кузнецк:

«<Томское губернское правление>.

Отдѣленіе 1. Столъ 1.

14 маіа, 1855 г.

№ 1269

Кузнецкому Земскому Суду

На рапортъ оногo суда отъ 25 апрѣля за № 2565 1-е Отдѣленіе даетъ знать, что опредѣленный въ Кузнецкій округъ Корчемнымъ Засѣдателемъ чиновникъ Исаевъ проживаетъ въ г. Семипалатинскѣ и объявленіе ему о явкѣ къ назначенной должности предписано Семипалатинской Градской полиціи 25 апрѣля за № 1141 и о томъ въ семь вмѣстѣ еще подтверждено.

№ 1270 Семипалатинской Градской полиціи —»²¹.

Но даже когда все разрешилось, и в мае 1855 г. А. И. Исаев с семьей переехал в Кузнецк, «черная судьба» не отпустила его. Вскоре, 4 июля 1855 г., в Томское губернское правление из Кузнецкого земского суда вновь поступает рапорт (№ 4692):

«Въ Томское Губернское Правленіе

Кузнецкаго Земскаго Суда

Рапортъ

Опредѣленной въ Земской Судѣ корчемнымъ Засѣдателемъ г. Коллежскій Секретарь Исаевъ 28 мая, прибывъ къ должности, принявъ дѣла и выѣхавъ въ округъ, гдѣ вдругъ сдѣлался весьма боленъ, и въ необходимости нашелся возвратиться въ городъ для леченія, которое по свойству болѣзни должно продолжиться значительное время, а дѣла будутъ оставаться безъ производства; ибо возлагать корчемныя дѣла на дистаночныхъ Засѣдателей встрѣчается затруднѣніе, потому что у нихъ сверхъ другихъ дѣлъ много по происшествіямъ и объ Арестантахъ. О чемъ въ оное Губернское Правленіе Земскій Судъ имѣетъ честь представить на благоусмотрѣніе.

Исправникъ Катанаевъ

Секретарь Ефремовъ (или: Ефремовскій? — Е. Т.)

Юля 4 дня

1855 года

№ 4692»²².

Начальство пошло навстречу кузнецкому исправнику Катанаеву и распорядилось 19 июля (письмо № 249) временно на место заболевшего «командировать къ исправленію должности корчемнаго Засѣдателя служащаго въ Томскомъ Губернскомъ Правленіи Губернскаго Секретаря Томашевскаго съ выдачею ему по проѣздѣ до Г. Кузнецка прогонныхъ денегъ, по неприводѣ

*сего въ исполнение это представить на усмотреніе за Губернатора Предсѣдате-
лю Губернскаго Правленія...»²³.*

Но «черная судьба» и здесь не пощадила Александра Ивановича: нанесла последний сокрушительный удар — через полмесяца, 4 августа 1855 г., он умер. На следующий день после его кончины Кузнецкий Суд рапортовал об этом Томскому губернскому правлению:

*«Въ Томское Губернское Правленіе
Кузнецкаго Земскаго Суда
Рапортъ*

*Служившій въ здѣшнемъ Кузнецкомъ Земскомъ Судѣ Корчемнымъ
Засѣдателемъ Коллежскій Секретарь Александръ Исаевъ отъ долговремен-
ной болѣзни сего Августа 4 числа померѣ. О чемъ оному Губернскому Правленію
Земскій Судъ имѣетъ честь донести, и докладываетъ, что о семъ сего же
числа донесено и Томскому Гражданскому Губернатору № 5531.*

*Засѣдатель Буткѣевъ
Августа 5 дня
1855 года
№ 5532*

*О смерти Засѣдателя сего Суда
по винно-корчемной части Исаева
За Секретаря Штурбинъ
Слуш.: 10 августа 1855»²⁴.*

Согласно приведенному документу № 5532 причиной смерти Александра Ивановича Исаева стала «долговременная болѣзнь», что совпадает с записью в метрической книге Градо-Кузнецкой Одигитриевской церкви за 1855 г.

Стоит отметить, что «дело» А. И. Исаева не завершилось вместе с его кончиной. В течение еще нескольких месяцев шлейфом его «черной судьбы» были опутаны другие лица, втянутые в ситуацию в Кузнецке.

Прежде всего, его вдова Мария Дмитриевна. «Черная судьба» не только отняла у нее супруга, но и «заставила» его хоронить на чужие деньги: «Похоронили бедно, на чужие деньги (нашлись добрые люди) <...>. У ней ничего нет, кроме долгов в лавке. Кто-то прислал ей три рубля серебром». «Нужда руку толкала принять, — писала она Достоевскому, — и приняла... подаяние!» (ДЗ0; 28;: 190).

Позднее, несмотря на хлопоты М. Д. Исаевой и Достоевского²⁵, а также на то, что «стряпчий и исправник обнадеживали ее» (ДЗ0; 28;: 194), получение денежного пособия по утере кормильца вновь из-за ошибки чиновников сильно затянулось²⁶.

Обо всех обстоятельствах и сложностях семьи Исаевых был хорошо осведомлен Иван Миронович Катанаев, исправник Кузнецкого земского суда, бывший непосредственным начальником ее мужа, а впоследствии — посаженным отцом на свадьбе Ф. М. Достоевского, одним из организаторов

кузнецкого венчания писателя, поручителем со стороны невесты (Запись № 17 в Метрической книге Градо-Кузнецкой Одигитриевской церкви от 6 февраля 1857 года). Иван Миронович и его жена Анна Николаевна²⁷ прониклись ситуацией, в которой оказалась Мария Дмитриевна, знали ее детально, ведь именно за подписью исправника направлялось в Томск большинство писем и рапортов, раскрывающих трагичную судьбу корчемного заседателя.

Ко всем невзгодам вдовы добавилась еще и необходимость возврата жалования мужа. Дело в том, что А. И. Исаев, приехав в Кузнецк, получил аванс. Разницу в деньгах Марии Дмитриевне пришлось вернуть: *«Засѣдатель Исаевъ расчитанъ жалованіемъ по 4-е число августа и деньги, доводящіеся ему, поступили въ казну въ число взятого имъ впредь за треть жалованія»*²⁸.

Что касается других чиновников, преемников Александра Исаева, которых коснулась или «зацепила» «черная судьба» на должности корчемного заседателя в Кузнецке, то отметим, что здесь служили (или должны были служить) кроме него несколько человек, сменявших друг друга в течение 1855 года: Сидоров, Томашевский Гурьев, Бобровский²⁹. Рассмотрим события жизни некоторых из них, зафиксированные в документах архива.

Так, служебная карьера Губернского секретаря Томашевского, направленного из Томска в Кузнецк, завершилась, не начавшись, потому что распоряжение на его счет было дано Губернатором с оговоркой: *«...по неприводѣ сего въ исполненіе это представить на усмотреніе за Губернатора Предсѣдателю Губернскаго Правленія, приложивъ при томъ и настоящій журналъ»*³⁰. Какие-то причины помешали привести в исполнение распоряжение губернатора относительно Томашевского, направить его в Кузнецк с выдачей прогонных денег не удалось.

К исправлению обязанностей корчемного заседателя с 4 августа 1855 г., то есть с даты смерти А. И. Исаева, приступил секретарь Кузнецкого земского окружного суда Иван Бобровский. Но он *«былъ командированъ не къ исправленію должности Корчемнаго Засѣдателя, а только на время болезни въпослѣдствіи умершаго Засѣдателя Исаева для производства корчемныхъ дѣлъ»*, то есть занял эту должность временно³¹.

После смерти Александра Исаева вновь последовали перемещения. 2 сентября 1855 г. в служебном письме гражданский губернатор генерал-майор Бекман сообщил Томскому губернскому правлению о новых назначениях, увольнениях и передвижениях госслужащих по всей губернии. На постоянное место службы в Кузнецк, взамен Томашевскому, на должность корчемного заседателя земского окружного суда был определен один из работающих там чиновников — Гурьев: *«...затѣмъ перемѣстилъ Засѣдателей: Кузнецкаго Окружнаго Суда, Губернскаго Секретаря Ивана Гурьева, корчемнымъ Засѣдателемъ въ Кузнецкій Земскій Судъ (вмѣсто умершаго Коллежскаго Секретаря Исаева)»*³².

Примечательно, что информация о его назначении, также как ранее у А. И. Исаева, вовремя на служебное место не поступила. Об этом повествует

рапорт № 7069, направленный 26 сентября 1855 г. в Томское губернское правление³³.

Обилие кандидатов на должность корчемного заседателя в Кузнецком земском суде, их частая смена по разным поводам могли ввести в заблуждение даже опытных исследователей, пожелавших узнать имя преемника Александра Исаева. Так, новокузнецкий краевед П. П. Лизогуб, не указывая на источники полученной им информации, утверждает: «...заседателем по корчемной части после смерти Александра Ивановича Исаева — мужа Марии Дмитриевны — становится Лев Григорьевич Вырыпаев» [Лизогуб: 68]. Недостоверность сведений П. П. Лизогуба подтверждает письмо-распоряжение Томского губернатора № 3270 от 2 сентября 1855 г., из которого становится ясно, что упомянутый краеведом титулярный советник Лев Вырыпаев в день назначения Гурьева на должность вообще был уволен из Кузнецкого окружного суда «съ причисленіемъ <...> къ Общему Губернскому Управленію (на 4 мѣсяца, для приисканія мѣста)»³⁴.

Документы томского архива показывают, что больше всех из чиновников Кузнецкого земского суда при разрешении ситуации с А. И. Исаевым пострадал Бобровский. Мало того, что ему пришлось за выполненную работу «рапортомъ отъ 15 октября за № 318-мъ»³⁵ просить Судъ сдать распоряжение о удовлетвореніи его жалованьемъ и встѣмъ содержаніемъ за исправленіе должности Засѣдателя по корчемной части съ 4 августа по 15 число октября сего года, то есть по день сдачи имъ дѣль отпрѣдѣленному корчемнымъ Засѣдателемъ Гурьеву»³⁶, так еще и вместе с сослуживцами он попал в затруднительное положение. Об этом кузнецкие заседатели сообщили в очередном рапорте № 1067 от 5 ноября 1855 г.:

«Рапортъ

Господинъ Томскій Гражданскій Губернаторъ 15 іюля сего года по случаю болѣзни Засѣдателя Кузнецкаго Земскаго Суда Исаева и накопленія корчемныхъ дѣль для производства ихъ командировалъ Секретаря сего Суда Бобровскаго; о чемъ и далъ того же числа за № 6 сему Суду знать. В каковой должности Г. Бобровскій находился до 15 числа октября и съ 15-го октября вступилъ въ отправление должности секретаря сего Суда.

Опрѣдѣлено: Такъ какъ во время отправления Секретаремъ сего Суда Бобровскимъ должности корчемнаго Засѣдателя въ сей Судъ поступали и въ настоящее время поступаютъ изъ Земскаго Суда дѣла корчемнаго производства его Бобровскаго и находятся еще нерѣшенными, то посему, имѣя въ виду законъ, что слѣдователи не могутъ участвовать въ рѣшеніи такихъ дѣль, которые они сами производили, — представить въ Томское Губернское Правленіе и покорнѣйше просить въ разрѣшеніи Указа: долженъ ли Судъ допустить Секретаря сего Суда къ участванію по обязанности его при рѣшеніи тѣхъ дѣль, которые онъ самъ производилъ, и какимъ образомъ посупить въ противномъ случаѣ? Причемъ присовокупить, что до полученія

этого разрѣшенія корчемныя дѣла производства Бобровскаго должны останавливаться въ рѣшеніи?

Застѣдатели <подписи>

*Секретарь <подпись>*³⁷.

Сложно сказать, получил ли жалованье за службу в должности корчемного заседателя Иван Бобровский, но для изыскания этих средств требовалось дополнительно обращаться с рапортом в Казенную Палату³⁸.

Рассказывая об Александре Ивановиче Исаеве, Достоевский акцентировал: «Может быть, я только один из здешних и умел ценить его» (ДЗ0; 28; 190). И тут же одновременно сокрушался: «Боюсь, не виноват ли я перед ним, что подчас, в желчную минуту, передавал Вам, и может быть, с излишним увлечением, одни только дурные его стороны» (ДЗ0; 28; 190).

Документы Государственного архива Томской области во многом объясняют особое отношение писателя к А. И. Исаеву.

Обвенчавшись с М. Д. Исаевой в Кузнецке и взяв на себя заботы о воспитании сына Исаевых Павла, Достоевский до конца жизни будет любить его, как родного, воспитывать в нем чувство глубокого уважения к настоящему отцу. Проявлением такого уважения станет и заветное желание Федора Михайловича, высказанное в письме к пасынку: «...вижу и всегда видел в тебе большое с ним (А. И. Исаевым. — Е. Т.) сходство и очень желал бы, чтоб ты походил на него» (ДЗ0; 29; 167).

Архивные источники

1. Аттестат коллежского секретаря А. И. Исаева. Семипалатинск, 27 сентября 1853 года // ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 646. Л. 22, 22 об.

2. Запись № 17 от 6 февраля 1857 года о венчании Ф. М. Достоевского и М. Д. Исаевой (Метрическая книга о рождении, браке, смерти из Кузнецкого духовного правления Градо-Кузнецкой Одигитриевской Церкви (Кемеровская обл.). Часть вторая «О бракосочетавшихся». 1857) // ГАНУ. Ф. Д-156. Оп. 1. Д. 5057. Л. 45 об., 46.

3. Запись № 22 от 5 августа 1855 года о смерти Корчемного заседателя коллежского секретаря Александра Ивановича Исаева // Метрическая книга о рождении, браке, смерти из Кузнецкого духовного правления Градо-Кузнецкой Одигитриевской Церкви (Кемеровская обл.). Часть третья «Об умерших». 1855 // ГАНУ. Ф. Д-156. Оп. 1. Д. 5056. Л. 146, 147 об.

4. Отношение о получении единовременного пособия в размере 285 руб. 71 к. по смерти мужа коллежской секретарши М. Д. Исаевой (по ее просьбе). 5 марта, 1859 // Фонд НЛММД (Новокузнецкий литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского). КП-2495, ПП-1484.

5. Письмо № 126 Томского Общего Губернского Управления (Отделение 1, Стол 1) Томскому Гражданскому Губернатору об умершем заседателе Исаеве. Томск, 10 августа 1855 года // ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 646. Л. 178, 178 об.

6. Письмо № 249 Томского Общего Губернского Управления (Отделение 1, Стол 1) Кузнецкому Земскому Суду — ответ на рапорт № 4692 от 4 июля 1855 года о командировании к исправлению должности корчемного заседателя Губернского секретаря Томашевского. Томск, 19 июля 1855 года // ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 646. Л. 139, 139 об., 140.

7. Письмо № 524 Томского Общего Губернского Управления (Отделение 1, Стол 1) Томскому Губернскому Правлению за подписью Гражданского Губернатора генерала-майора В. А. Бекмана об определении отставного коллежского секретаря А. И. Исаева корчемным заседателем в Кузнецкий Земский Суд. Томск, 14 февраля 1855 // ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 646. Л. 13.

8. Письмо № 1141 Томского Общего Губернского Управления (Отделение 1, Стол 1) Семипалатинской Градской полиции об извещении чиновнику Исаеву явиться на службу в Кузнецк. Томск, 25 апреля 1855 года // ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 646. Л. 16 об., 17.

9. Письмо № 1142 Томского Общего Губернского Управления (Отделение 1, Стол 1) Кузнецкой Градской полиции о передаче посланного по ошибке Указа № 330 о чиновнике Исаеве в Семипалатинскую Градскую полицию. Томск, 25 апреля 1855 года // ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 646. Л. 16, 16 об.

10. Письмо № 1269 Томского Общего Губернского Управления (Отделение 1, Стол 1) Кузнецкому Земскому Суду о предписании Семипалатинской Градской полиции объявить Исаеву явиться к исправлению должности Корчемного Заседателя в Кузнецк. Томск, 14 мая 1855 года // ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 646. Л. 19.

11. Письмо № 1528 Томского Общего Губернского Управления (Отделение 1, Стол 1) Кузнецкому Земскому Суду, препровождающее копии формулярного списка о службе коллежского секретаря А. И. Исаева. Томск, 31 мая 1855 года // ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 646. Л. 23, 23 об.

12. Письмо № 1966 Томского Общего Губернского Управления (Отделение 1, Стол 1) за подписью Гражданского Губернатора генерала-майора В. А. Бекмана Томскому Губернскому Правлению, препровождающее Аттестат о службе чиновника А. И. Исаева. Томск, 18 мая 1855 года // ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 646. Л. 20, 20 об., 21.

13. Письмо № 3270 Томского Общего Губернского Управления (Отделение 1, Стол 1) за подписью Гражданского Губернатора генерала-майора В. А. Бекмана Томскому Губернскому Правлению о перемещении на должностях. Томск, 2 сентября 1855 года // ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 646. Л. 202, 202 об., 203.

14. Письмо № 3281 Томского Общего Губернского Управления (Отделение 1, Стол 1) за подписью Гражданского Губернатора генерала-майора В. А. Бекмана Томскому Губернскому Правлению о возвращении журнала и назначении Гурьева корчемным заседателем в Кузнецкий Окружной Суд. Томск, 2 сентября 1855 года // ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 646. Л. 179, 179 об.

15. Письмо № 3447 Томского Общего Губернского Управления (Отделение 1, Стол 1) за подписью Гражданского Губернатора генерала-майора В. А. Бекмана Кузнецкому Земскому Суду — ответ на рапорт № 8319 об удовлетворении жалованьем секретаря Кузнецкого окружного суда Бобровского за исправление им

должности корчемного заседателя в Кузнецком Земском Суде. Томск, 18 ноября 1855 года // ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 646. Л. 246, 246 об., 247, 247 об.

16. Письмо Томского Губернского Управления (Отделение 1, Стол 1) в несколько инстанций (№ 329 — в Кузнецкий Земский суд, № 330 — в Кузнецкую Градскую Полицию, № 331 — в 1-е Отделение Общего Губернского Управления) о чиновнике Исаеве, определенном корчемным заседателем в Кузнецкий Земский Суд. Томск, 18 февраля 1855 года // ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 646. Л. 14, 14 об., 15.

17. Рапорт № 1067 Кузнецкого Окружного Суда в Томское Губернское Правление о испрашиваемом разрешении, может ли Секретарь сего Суда Бобровский приступать к решению дел, произведенных следствием им же при отправлении должности заседателя Земского Суда по корчемной части. Кузнецк, 5 ноября 1855 года // ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 646. Л. 299, 299 об., 300.

18. Рапорт № 2565 Кузнецкого Земского Суда за подписью исправника И. М. Катанаева в Томское Губернское Правление о неявке к должности Корчемного Заседателя Исаева. Кузнецк, 25 апреля 1855 года // ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 646. Л. 18, 18 об.

19. Рапорт № 4692 Кузнецкого Земского Суда за подписью исправника И. М. Катанаева в Томское Губернское Правление о болезни корчемного заседателя А. И. Исаева и затруднениях в производстве корчемных дел в Кузнецком Земском Суде в связи с этим. Кузнецк, 4 июля 1855 года // ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 646. Л. 138, 138 об.

20. Рапорт № 5532 заседателя Кузнецкого Земского Суда Буткеева Томскому Губернскому Правлению о смерти заседателя сего суда по винно-корчемной части Исаева. Кузнецк, 5 августа 1855 года // ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 646. Л. 177.

21. Рапорт № 7069 Кузнецкого Земского Суда за подписью исправника И. М. Катанаева в Томское Губернское Правление о том, что действительно ли Заседатель Кузнецкого Окружного Суда Гурьев определен в сей Суд таковым же корчемным. Кузнецк, 26 сентября 1855 года // ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 646. Л. 180, 180 об.

22. Рапорт № 8319 Кузнецкого Земского Суда за подписью исправника И. М. Катанаева в Томское Губернское Правление о даче сему Суду предписания об удовлетворении жалованьем исправлявшего должность заседателя Бобровского. Кузнецк, 4 ноября 1855 года // ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 646. Л. 244, 244 об., 245.

Примечания

- 1 Достоевский Ф. М. Письма 1832–1859 // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 28. Кн. 1. Л., 1985. С. 190. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием сокращения *Д30*, тома (полутома — нижним индексом) и страницы в круглых скобках.
- 2 См. запись № 17 от 6 февраля 1857 г. Л. 45 об. – 46 в Метрической книге Градо-Кузнецкой Одигитриевской церкви за 1857 г. (часть II «О бракосочетавшихся») и последнюю публикацию аутентичного текста брачного обыска № 17 [Тихомиров, 2020].
- 3 Так, 13–18 января 1856 г. Ф. М. Достоевский писал М. М. Достоевскому: «Он (Исаев. — Е. Т.) наделал долгов. Жил он очень беспорядочно, да и натура-то его была довольно беспорядочная. <...> Он очень опустил в общем мнении и имел много неприятностей <...> ...не умел владеть собою и, как я сказал уже, опустил ужасно» (*Д30*; 28; 201).

- 4 См.: Врангель А. Е. Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири 1854–1856 // Две любви Ф. М. Достоевского: М. Д. Достоевская и А. П. Сулова / вступ. ст., подгот. текста и примеч. С. В. Белова. СПб.: Андреев и сыновья, 1992. С. 30–173; Семенов-Тянь-Шанский П. П. Из «Мемуаров» // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 1. С. 309; Алдан-Семенов А. Семенов-Тянь-Шанский. М.: Молодая гвардия, 1965. 304 с.
- 5 См.: [Герасимов, 1916, 1919, 1924, 1926, 1927], [Скандин], [Шемелев] и др.
- 6 См., напр.: [Наседкин: 604–605], [Белов, 2001: 346–347; 2010: 270].
- 7 См. запись № 22 от 5 августа 1855 г. Л. 146–147 об. в Метрической книге Градо-Кузнецкой Одигитриевской церкви за 1855 год, часть III «Об умерших».
- 8 И. Л. Волгин: «О том, что медицинские пособия вряд ли смогли бы избавить упомянутого Александра Ивановича от застарелого алкоголизма, проситель умалчивает»; «Исаев служит по таможенной части — и сильно пьет. Достоевскому жаль Исаева, но кто тогда в Семипалатинске не пил?» [Волгин: 1129, 1048]. Л. И. Сараскина: «Грозное счастье ходить в дом к уволенному (не за пьянство ли?) чиновнику, который после первой рюмки засыпает прямо за столом, и под его бормотание беседовать с домочадцами, пребывая на седьмом небе от восторга? Месяцами сидеть у пьяного надрыва и полагать, что это и есть роковая развязка судьбы? Всерьез думать, что без этого счастья жизнь была бы «тапаче» — упущенная, неудавшаяся?» [Сараскина: 285]. Анри Труайя: «Первый брак приковал ее (М. Д. Исаеву. — Е. Т.) к пьянице, который возвращался к ней нетвердой походкой, встрепанный, взмокший, от которого разлило вином, который тайком блевал...» [Труайя: 166].
- 9 ГАТО. Ф. 3 («Томское губернское правление»). Оп. 2. Д. 646.
- 10 Письмо № 1966. Л. 20, 20 об., 21.
- 11 Аттестат коллежского секретаря А. И. Исаева. Л. 22, 22 об.
- 12 Томское губернское правление 31 мая 1855 года также направило по месту новой службы Исаева — в Кузнецкий земский суд — копии с формулярного списка коллежского секретаря А. И. Исаева, сопроводив их соответствующим письмом (Письмо № 1528. Л. 23, 23 об.). К сожалению, формулярных списков А. И. Исаева и их копий в фонде 3, описи 2, деле 646 Томского госархива обнаружено не было.
- 13 Письма А. Е. Врангеля к Достоевскому // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1978. Т. 3. С. 273.
- 14 См. об этом: Врангель А. Е. Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири. С. 60; [Летопись жизни и творчества: 230].
- 15 «Была и еще одна “особа” в городе — начальник таможенного округа Армстронг, гордый, надутый немец. Он выступал, как павлин, любуясь собой, ни на минуту, не забывая своего высокого положения, ни у кого никогда не бывал, всех и вся ругал и презирал. Имея к его жене письмо (она была саксонка из Дрездена), я в одно из посещений привел к нему и Достоевского, представив его; но он принял так сухо, а мне сделал такую кислую рожу, что больше нога моя не переступала его порога. Достоевский его ненавидел, острил на его счет и иначе не называл, как “благородный Армстронг”» (Врангель А. Е. Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири. С. 47). Достоевский также писал об отставке А. И. Исаева «по неприятностям» (ДЗ0; 28; 201).
- 16 Письмо № 524. Л. 13.
- 17 Письмо Томского губернского управления от 18 февраля 1855 г. Л. 14 об.
- 18 Там же. Л. 14 об. – 15.
- 19 Письмо Томского губернского управления от 18 февраля 1855 г. Л. 15.

- 20 Рапорт № 2565. Л. 18, 18 об.
- 21 Письмо № 1269. Л. 19.
- 22 Рапорт № 4692. Л. 138, 138 об.
- 23 Письмо № 249. Л. 139 об. – 140.
- 24 Рапорт № 5532. Л. 177.
- 25 Ф. М. Достоевский писал А. Е. Врангелю 21 июля 1856 г.: «Но теперь получил еще письмо от Слуцкого, которого я тоже просил подвинуть вперед дело Марьи Дмитриевны о назначении ей единовременного пособия, так как она имеет право на него по закону по смерти мужа, именно в 285 руб. серебром. Слуцкий действительно подвинул дело, совсем залежавшееся. На ту беду уехал Гасфорт. Главное управление, за отсутствием его, представило это дело министру внутренних дел (от 7-го июля 1856, за № 972). Теперь: это представление о назначении ей пособия может засесть в Петербурге, особенно при теперешних обстоятельствах, и бог знает сколько может пройти времени, прежде чем решат его. Да, кроме того, еще решат ли в ее пользу? Ну как откажут? (Д30; 28.; 239).
- 26 Согласно документу «Отношение о получении единовременного пособия в размере 285 руб. 71 к. по смерти мужа коллежской секретарши М. Д. Исаевой (по ее просьбе)», вплоть до 5 марта 1859 г. указанная сумма так и не была получена (Фонд НЛИМД (Новокузнецкий литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского). КП-2495, ПП-1484). Причина неполучения — вновь ошибка, неверный адрес: вместо г. Кузнецка Томской губернии пособие было отправлено в г. Кузнецк Саратовской губернии.
- 27 См. подробнее о супругах Катанаевых: Шадрина А. С. Двадцать два дня из жизни Ф. М. Достоевского (город Кузнецк, 1856–1857 гг.). Новокузнецк, 2016. С. 75–81.
- 28 Рапорт № 8319. Л. 244 об.
- 29 См.: Рапорт № 2565, Письмо № 249, Письмо № 3281, Письмо № 3281, Рапорт № 7069, Рапорт № 8319, Рапорт № 1067, Письмо № 3447.
- 30 Письмо № 249. Л. 139 об. – 140.
- 31 Рапорт № 8319. Л. 245.
- 32 Письмо № 3270. Л. 202 – 202 об.
- 33 Рапорт № 7069. Л. 180, 180 об.
- 34 Письмо № 3270. Л. 202.
- 35 Рапорт Ивана Бобровского № 318 от 15 октября 1855 года в ГАТО не сохранился.
- 36 Рапорт № 8319. Л. 244.
- 37 Рапорт № 1067. Л. 299, 299 об., 300.
- 38 Письмо № 3447. Л. 247 об.

Список литературы

1. Башкова И. С. Формулярный список как форма учета служащих канцелярии Таврического губернатора в первой половине XIX века // Научный вестник Крыма. 2017. № 4 (9). С. 1–6.
2. Бекедин П. В. Малоизвестные материалы о пребывании Достоевского в Кузнецке // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1987. Т. 7. С. 227–238.
3. Белов С. В. Ф. М. Достоевский и его окружение: энциклопедический словарь: в 2 т. СПб.: Алетейя, 2001. Т. 1. 573 с.
4. Белов С. В. Ф. М. Достоевский: энциклопедия. М.: Просвещение, 2010. 743 с.
5. Волгин И. Л. Родные и близкие // Волгин И. Л. Хроника рода Достоевских. Родные и близкие: историко-биографические очерки. М.: Фонд Достоевского, 2013. С. 961–1167.

6. Герасимов Б. Г. Материалы к пребыванию Ф. М. Достоевского в Семипалатинске // Сибирская летопись. Иркутск, 1916. № 11–12. С. 567–569.
7. Герасимов Б. Г. Новые данные о жизни Достоевского в Семипалатинске // Русская речь. Новониколаевск, 1919. 22 февраля.
8. Герасимов Б. Г. Достоевский в Семипалатинске // Сибирские огни. Новосибирск, 1924. № 4. С. 140–150.
9. Герасимов Б. Г. Ф. М. Достоевский в Семипалатинске: М. Д. Исаева. Военная служба. Друзья и знакомые. Семипалатинск времен Достоевского // Сибирские огни. Новосибирск, 1926. № 3. С. 124–144.
10. Герасимов Б. Г. Где же отбывал каторгу и ссылку Ф. М. Достоевский? // Сибирские огни. Новосибирск, 1927. № 4. С. 174–177.
11. Голуб О. С. Новые документы о венчании Ф. М. Достоевского в Кузнецке // Огни Кузбасса. 2008. № 4. С. 165–168.
12. Левченко Н. И. Круг семипалатинских знакомых Ф. М. Достоевского (1854–1859 гг.) // Достоевский и современность: материалы Достоевских чтений / Семипалатинский обл. комитет по культ.; Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского. Семипалатинск, 1991 (на обложке: 1989). С. 77–84 (2-й тираж).
13. Левченко Н. И. Круг знакомых Ф. М. Достоевского в Семипалатинский период жизни // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 1994. Т. 11. С. 235–246.
14. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского, 1821–1881: в 3 т. / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук; под ред. Фридлендера Г. М., Будановой Н. Ф. СПб.: Академический проект, 1993. Т. 1: 1821–1864. 544 с.
15. Лизогуб П. П. Кузнецк времени Ф. М. Достоевского: историко-экономический аспект // Творчество Ф. М. Достоевского: проблемы, жанры, интерпретации. Новокузнецк: Издание Литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского (Новокузнецк), 2002. Сборник № 5. С. 66–69.
16. Наседкин Н. Н. Достоевский. Энциклопедия. 2-е изд. М.: Алгоритм: ЭКСМО: Око, 2008. 800 с. (Сер.: Энциклопедия великих писателей).
17. Панюкова Т. В. Фактические источники при исследовании биографии Ф. М. Достоевского: от документа — к факту и интерпретации // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2020. № 4 (12). С. 158–196 [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2020-4-158-196>
18. Пироговская М. Чахотка в XIX веке [Электронный ресурс]. URL: <https://arzamas.academy/materials/670> (01.03.2021).
19. Сараскина Л. И. Достоевский. М.: Молодая гвардия, 2011. 825 с. (Сер.: «Жизнь замечательных людей»; вып. 1320).
20. Скандин А. В. Ф. М. Достоевский в Семипалатинске // Исторический вестник. 1903. № 1 (январь). Т. ХСІ. С. 201–225.
21. Тихомиров Б. Н. Обыск брачный № 17: текст и судьба (Документ о венчании Достоевского в Кузнецке 6 февраля 1857 г.) // Неизвестный Достоевский. 2020. № 4. С. 132–157 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1607586874.pdf (01.03.2021). DOI: 10.15393/j10.art.2020.5041
22. Тогулев В. В. Рукопись В. И. Шемелева «Ссылка Ф. М. Достоевского в Сибирь и его поездка в Кузнецк» и ее место в достоевсковедении // Творчество Ф. М. Достоевского: проблемы, жанры, интерпретации. Новокузнецк: Кузнецкая Крепость, 1998. Сборник № 3. С. 6–8.
23. Труайя А. Федор Достоевский. СПб.: Амфора, 2015. 383 с. (Сер.: «Великие россияне»; вып. 4).

24. Шадрина А. С. Двадцать два дня из жизни Ф. М. Достоевского (город Кузнецк, 1856–1857 гг.). Новокузнецк, 2016. 230 с.
25. Шемелев В. И. Ссылка Ф. М. Достоевского в Сибирь и его поездка в Кузнецк // Кузбасс. Кемерово, 1991. 16 ноября. С. 4 [Электронный ресурс]. URL: http://www.kuzbasshistory.narod.ru/dostoevsky/zag_prov/Pril/02_01.htm (01.03.2021).

References

1. Bashkova I. S. The Official List as the Form of the Accounting of Employees of Office of the Taurian Governor in the First Half of the 19th Century. In: *Nauchnyy vestnik Kryma [Scientific Journal of the Crimea]*, 2017, no. 4 (9), pp. 1–6. (In Russ.)
2. Bekedin P. V. Unknown Materials About Dostoevsky's Stay in Kuznetsk. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya [Dostoevsky. Materials and Researches]*. Leningrad, Nauka Publ., 1987, vol. 7, pp. 227–238. (In Russ.)
3. Belov S. V. F. M. *Dostoevskiy i ego okruzhenie: entsiklopedicheskiy slovar': v 2 tomakh [F. M. Dostoevsky and His Ambience: Encyclopedic Dictionary: in 2 Vols]*. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2001, vol. 1. 573 p. (In Russ.)
4. Belov S. V. F. M. *Dostoevskiy. Entsiklopediya [F. M. Dostoevsky. Encyclopedia]*. Moscow, Prosveshchenie Publ., 2010. 743 p. (In Russ.)
5. Volgin I. L. Nearest and Dearest: Historical and Biographical Essays. In: *Khronika roda Dostoevskikh [The Chronicle of the Dostoevsky Dynasty]*. Moscow, Fond Dostoevskogo Publ., 2013, pp. 961–1167. (In Russ.)
6. Gerasimov B. G. Materials to the Stay of F. M. Dostoevsky in Semipalatinsk. In: *Sibirskaya letopis' [Siberian Chronicle]*. Irkutsk, 1916, no. 11–12, pp. 567–569. (In Russ.)
7. Gerasimov B. G. New Data on Dostoevsky's Life in Semipalatinsk. In: *Russkaya rech'*. Novonikolaevsk, 1919. 22 February. (In Russ.)
8. Gerasimov B. G. Dostoevsky in Semipalatinsk. In: *Sibirskie ogni*. Novosibirsk, 1924, no. 4, pp. 140–150. (In Russ.)
9. Gerasimov B. G. F. M. Dostoevsky in Semipalatinsk: M. D. Isaeva. Military Service. Friends and Acquaintances. Semipalatinsk of the Time of Dostoevsky. In: *Sibirskie ogni*. Novosibirsk, 1926, no. 3, pp. 124–144. (In Russ.)
10. Gerasimov B. G. Where Did F. M. Dostoevsky Serve Hard Labor and Exile? In: *Sibirskie ogni*. Novosibirsk, 1927, no. 4, pp. 174–177. (In Russ.)
11. Golub O. S. New Documents About the Wedding of F. M. Dostoevsky in Kuznetsk. In: *Ogni Kuzbassa*, 2008, no. 4, pp. 165–168. (In Russ.)
12. Levchenko N. I. The Circle of Fyodor Dostoevsky's Acquaintances in Semipalatinsk (1854–1859). In: *Dostoevskiy i sovremennost': materialy Dostoevskikh chteniy [Dostoevsky and Modernity: Materials of Dostoevsky Readings]*. Semipalatinsk, 1991 (on the cover: 1989), pp. 77–84. (In Russ.)
13. Levchenko N. I. The Circle of Friends of F. M. Dostoevsky in the Semipalatinsk Period of Life. In: *Dostoevskiy: Materialy i issledovaniya [Dostoevsky: Materials and Researches]*. St. Petersburg, Nauka Publ., 1994, vol. 11, pp. 235–246. (In Russ.)
14. *Letopis' zhizni i tvorchestva F. M. Dostoevskogo, 1821–1881: v 3 tomakh [The Chronicle of Dostoevsky's Life and Works, 1821–1881: in 3 Vols]*. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1993, vol. 1: 1821–1864. 544 p. (In Russ.)

15. Lizogub P. P. Kuznetsk of the Time of F. M. Dostoevsky: Historical and Economic Aspect. In: *Tvorchestvo F. M. Dostoevskogo: problemy, zhanry, interpretatsii* [The Works of F. M. Dostoevsky: Problems, Genres, Interpretation]. Novokuznetsk, The F. M. Dostoevsky Literary Memorial Museum Publ., 2002, collection no. 5, pp. 66–69. (In Russ.)
16. Nasedkin N. N. *Dostoevskiy. Entsiklopediya* [Dostoevsky. Encyclopedia]. Moscow, Algoritm Publ., EKSMO Publ., Oko Publ., 2008. 800 p. (Ser.: Encyclopedia of Great Writers). (In Russ.)
17. Panyukova T. V. Factual Sources in Research on the Biography of Fyodor Dostoevsky: From Documents to Facts and Interpretation. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura. Filologicheskii zhurnal* [Dostoevsky and World Culture. Philological Journal], 2020, no. 4 (12), pp. 158–196. Available at: <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2020-4-158-196> (In Russ.)
18. Pirogovskaya M. *Chakhotka v XIX veke* [Consumption in the 19th Century]. Available at: <https://arzamas.academy/materials/670> (accessed on March 01, 2021). (In Russ.)
19. Saraskina L. I. *Dostoevsky*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2011. 825 p. (Ser.: “The Life of Wonderful People”; issue 1320). (In Russ.)
20. Skandin A. V. F. M. Dostoevsky in Semipalatinsk. In: *Istoricheskiy vestnik* [The History Herald], 1903, no. 1 (January), vol. 91, pp. 201–225. (In Russ.)
21. Tikhomirov B. N. The Marriage Allegation No. 17: Text and Fate (Dostoevsky’s Wedding in Kuznetsk on February 6, 1857). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2020, no. 4, pp. 132–157. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1607586874.pdf (accessed on March 01, 2021). DOI: 10.15393/j10.art.2020.5041 (In Russ.)
22. Togulev V. V. The Manuscript of V. I. Shemelev “Exile of F. M. Dostoevsky to Siberia and His Trip to Kuznetsk” and its Place in Dostoevsky Study. In: *Tvorchestvo F. M. Dostoevskogo: problemy, zhanry, interpretatsii* [The Works of F. M. Dostoevsky: Problems, Genres, Interpretation]. Novokuznetsk, Kuznetskaya Krepost’ Publ., 1998, collection no. 3, pp. 6–8. (In Russ.)
23. Troyat H. *Fedor Dostoevsky*. St. Petersburg, Amfora Publ., 2015. 383 p. (Ser.: “Great Russians”; issue 4). (In Russ.)
24. Shadrina A. S. *Dvadtsat’ dva dnya iz zhizni F. M. Dostoevskogo (gorod Kuznetsk, 1856–1857 gg.)* [Twenty-two Days from the Life of Dostoevsky (Kuznetsk, 1856–1857)]. Novokuznetsk, 2016. 230 p. (In Russ.)
25. Shemelev V. I. F. M. Dostoevsky’s Exile to Siberia and His Trip to Kuznetsk. In: *Kuzbass*. Kemerovo, 1991. 16 November, p. 4. Available at: http://kuzbasshistory.narod.ru/dostoevsky/zag_prov/Pril/02_01.htm (accessed on March 01, 2021). (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Трухан Елена Дмитриевна, заместитель директора по научной работе, МАУК «Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского» (ул. Достоевского, 29, г. Новокузнецк, Кемеровская область, Российская Федерация, 654015); e-mail: dostoevski_nv kz@mail.ru

Elena D. Trukhan, Deputy Director for Research, Literary-memorial Museum of F. M. Dostoevsky (ul. Dostoevskogo 29, Novokuznetsk, Kemerovo Region, 654015, Russian Federation); e-mail: dostoevski_nv kz@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 19.04.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 01.06.2021

Принята к публикации / Accepted 05.06.2021

Дата публикации / Date of publication 05.07.2021

Научная статья

УДК 821.161.1+94

DOI: 10.15393/j10.art.2021.5361

«Гарибальди» у Достоевского: дополнения к комментарию

Н. В. Шварц

независимый исследователь

(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

e-mail: nshwartz@list.ru

Аннотация. Данное исследование является вкладом в изучение обширной темы «Достоевский и Гарибальди» и представляет собой анализ двух фрагментов из текстов Достоевского, где он обратился к образу итальянского героя. Этот образ нашел отражение в художественных, публицистических и эпистолярных текстах Достоевского, его имя каллиграфически выведено на страницах двух записных тетрадей писателя. В статье проанализирован эпизод из романа «Идиот»: рассказ враня и хвастуна генерала Иволгина о его ранении во время Крымской войны, ради лечения которого съехались два выдающихся хирурга — француз О. Нелатон и русский Н. И. Пирогов. Показано, что в подтексте рассказа Иволгина — история ранения Гарибальди в сражении под Аспромонте и лечения его ноги О. Нелатоном и Н. И. Пироговым, о которой Достоевский и его герой узнали из газет. Европейская и российская пресса, внимательно следившая за политическими событиями в Италии и Европе 1860-х гг., создавала героический образ этого человека. Второй сюжет с упоминанием Гарибальди взят из женевского письма Достоевского к племяннице С. А. Ивановой от 1 (13) января 1868 г. В нем представлена пародийная зарисовка современному писателю политических событий и деятелей Италии (кардинал Антонелли, генерал Канцлер, разбитие армии Гарибальди в битве при Ментане). Они аллегорически перенесены на игры и забавы молодого поколения семейства Ивановых, у которых писатель провел лето 1866 г. В статье исправлена ошибка публикаторов писем Достоевского: звание «генерал-канцлер» (именно так это словосочетание публиковалось) никогда не существовало — в битве при Ментане верховным главнокомандующим папскими войсками, от которых потерпел поражение Гарибальди, являлся генерал Герман Канцлер, имевший немецкое происхождение и фамилию. Рассмотренные случаи свидетельствуют о значительном интересе писателя к героической личности Джузеппе Гарибальди, его деятельности и судьбе.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, Дж. Гарибальди, Н. И. Пирогов, Огюст Нелатон, генерал Герман Канцлер, кардинал Антонелли, роман «Идиот», журнал «Время», газета «Санкт-Петербургские ведомости», С. А. Иванова, Ю. А. Иванова

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90034.

Для цитирования: Шварц Н. В. «Гарибальди» у Достоевского: дополнения к комментарию // Неизвестный Достоевский. 2021. Т. 8. № 2. С. 68–80. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5361

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2021.5361

Dostoevsky's Garibaldi: Additions to the Commentary

Natalia V. Shwarts

Independent Researcher

(Saint Petersburg, Russian Federation)

nshwartz@list.ru

Abstract. This study is a contribution to the research of the extensive topic of Dostoevsky and Garibaldi and is an analysis of two fragments from Dostoevsky's texts, where he addressed the image of the Italian hero. This image is reflected in the artistic, journalistic and epistolary texts by Dostoevsky, his name is calligraphically printed on the pages of two of the writer's notebooks. The article analyzes an episode from the novel *The Idiot*: the story of the liar and braggart General Ivolgin about his wound during the Crimean War that was treated by two outstanding surgeons — the Frenchman O. Nelaton and the Russian N. I. Pirogov. It is shown that the subtext of Ivolgin's story refers to the story of Garibaldi's wound in the battle of Aspromonte and the treatment of his leg by O. Nelaton and N. I. Pirogov, which Dostoevsky and his hero learned about from the newspapers. The European and Russian press, which closely followed the political events in Italy and Europe in the 1860s, created a heroic image of this man. The second reference to Garibaldi is from Dostoevsky's Geneva letter to his niece S. A. Ivanova dated January 1 (13), 1868. It presents a parody sketch of contemporary political events and figures in Italy (Cardinal Antonelli, General Kanzler, the defeat of Garibaldi's army at the Battle of Mentana). They are allegorically transferred to the games and amusements of the younger generation of the Ivanov family, with whom the writer spent the summer of 1866. The article corrects the error made by the publishers of Dostoevsky's letters: the title of «general kanzler» (this is how this phrase was published) never existed — in the Battle of Mentana, the supreme commander of the papal troops, which defeated Garibaldi, was General Hermann Kanzler, who had a German origin and surname. The cases considered indicate a significant interest of the writer in the heroic personality of Giuseppe Garibaldi, his activities and fate.

Keywords: F. M. Dostoevsky, J. Garibaldi, N. I. Pirogov, Auguste Nelaton, General German Kanzler, Cardinal Antonelli, *The Idiot* novel, *Vremya* journal, *St. Petersburg Vedomosti* newspaper, S. A. Ivanova, Yu. A. Ivanova

Acknowledgements: The reported study was funded by Russian foundation for basic research (RFBR), project number 18-012-90021 Dostoevsky.

For citation: Shwarts N. V. Dostoevsky's Garibaldi: Additions to the Commentary. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2021, vol. 8, no. 2, pp. 68–80. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5361 (In Russ.)

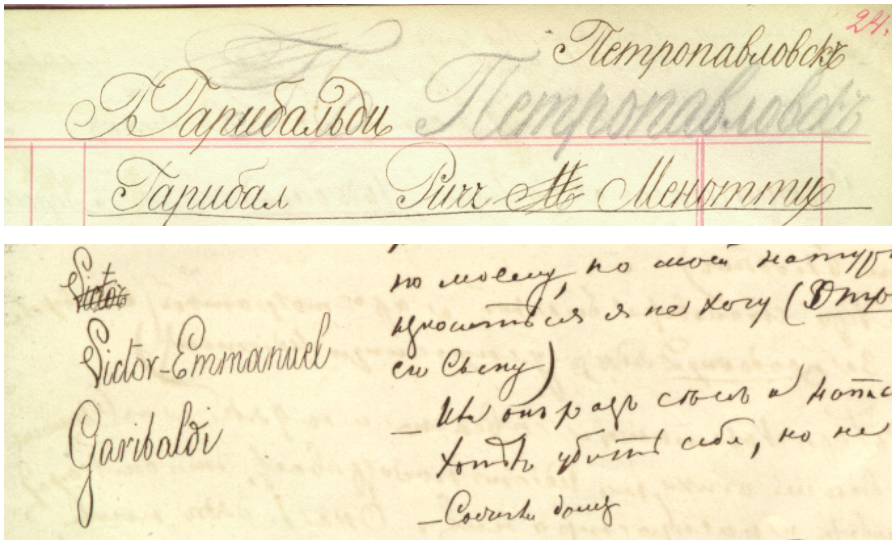
Деятельность и личность Джузеппе Гарибальди (1807–1882), лидера национально-освободительного движения за объединение Италии (Рисорджименто), вызывали интерес Достоевского и в 1860-е, и в 1870-е гг. Имя итальянского национального героя фигурирует в материалах художественного творчества писателя, а также в публицистике и личной переписке.

До последнего времени исследователи обращались к теме «Достоевский и Гарибальди» фрагментарно. Так, В. С. Нечаева рассмотрела эпизоды с Гарибальди в политических обзорах на страницах журнала братьев

Достоевских «Время» [Нечаева, 1972: 156–163]. А. Блума добавила к этому материалу ряд ценных наблюдений, касающихся темы «Гарибальди в 1862 году» [Блума: 60–67]. Наконец, личные впечатления Достоевского от встречи с Гарибальди в Женеве в 1867 г., зафиксированные в стенографическом дневнике его жены¹, прокомментированы их публикатором [Житомирская: 435–437]. М. И. Ковальская обратилась к исследованию образа итальянского полководца в публицистике писателя начиная с «Зимних заметок о летних впечатлениях» (1863) [Ковальская: 142–149]. Упоминания Достоевским имени Гарибальди в записных тетрадах и подготовительных материалах к роману «Подросток» (1875) прокомментированы в примечаниях академического Полного собрания сочинений писателя². В. Н. Захаров проанализировал упоминание имени Гарибальди в набросках к готовившейся, но не состоявшейся новой редакции «Двойника» [Захаров: 45–46].

В 2020 г. С. В. Мурзина и Е. Г. Новикова дали подробный обзор темы с обобщением ее важнейших аспектов [Мурзина, Новикова: 37–44], тем не менее некоторые моменты заявленной темы остались неучтенными или не получили необходимой разработки. В настоящем исследовании сосредоточимся на двух обращениях Достоевского в его текстах к образу Гарибальди, остававшихся до настоящего времени вне поля зрения исследователей.

Первый из них связан с романом «Идиот» (1868). Имя Гарибальди присутствует на страницах с подготовительными материалами к этому произведению, оно выведено каллиграфически кириллицей и латиницей в двух записных тетрадах³ (см. Илл. 1 и 2).

Илл. 1 и 2. Фрагменты страниц записных тетрадей Достоевского с каллиграфическими записями имени «Гарибальди»

Fig. 1 and 2. Fragments of Dostoevsky's notebook pages with calligraphic notes of the name "Garibaldi"

Впрочем, нет ни одного упоминания о Гарибальди в печатном тексте «Идиота» — но существует большая вероятность, что случай из жизни героя Италии заявлен в подтексте одного из эпизодов романа, в центре которого враль и хвостун отставной генерал Ардалион Александрович Иволгин. Аттестуя себя князю Мышкину, генерал представляется как «человек, у которого в груди тринадцать пуль», полученных во время Крымской войны:

«А между тем единственно для меня Пирогов в Париж телеграфировал и осажденный Севастополь на время бросил, а Нелатон, парижский гофмедик, свободный пропуск во имя науки выхлопотал и в осажденный Севастополь являлся меня осматривать. Об этом самому высшему начальству известно: „А, это тот Иволгин, у которого тринадцать пуль!..” Вот как говорят-с» (ДЗ0; 8: 108).

Вранье генерала Иволгина весьма непросто комментировать. Во-первых, неясно, где же происходило описанное событие. С одной стороны, вроде прямо сказано, что знаменитый французский врач Огюст Нелатон (Auguste Nélaton; 1807–1873) осматривал Иволгина в «осажденном Севастополе» (где в действительности Нелатон никогда не был). Однако ранее генерал сообщал, что пули в его груди, которые он ощущает «в дурную погоду», «получены под Карсом» (ДЗ0; 8: 92). Теперь как будто становится понятным, почему же «единственно для него» знаменитый русский хирург Н. И. Пирогов (1810–1881) «осажденный Севастополь на время бросил». Очевидно, чтобы отправиться на Кавказ — к турецкой крепости Карс, длительную осаду которой в 1855 г. вели русские войска. Но как же тогда быть с вызванным в Севастополь из Парижа по телеграфу Нелатоном? Действительно, географические координаты в рассказе Иволгина о его ранении очень неопределенны. Однако сообщение о том, что ранение генерала привлекло внимание таких мировых знаменитостей, как врачи Николай Пирогов и Огюст Нелатон, обнаруживает вполне определенный реальный «гарибальдийский след».

В «Зимних заметках о летних впечатлениях» Достоевский упоминает знаменитое сражение под Аспромонте на юге Италии:

«Сидел я раз за одним табльдотом — это уж было не во Франции, а в Италии, но за табльдотом было много французов. Толковали о Гарибальди. Тогда везде толковали о Гарибальди. Это было недели за две до Аспромонте» (ДЗ0; 5: 83).

В результате этого сражения, произошедшего 29 августа 1862 г., отряды волонтеров под командованием Гарибальди потерпели поражение от правительственных войск, а сам полководец был ранен и взят в плен. Об этом

события писали европейские и российские газеты и журналы. Много публикаций было посвящено ранению Гарибальди, когда затруднения лечивших его врачей чуть было не привели к ампутации раненой ноги полководца. Вот тогда-то телеграфом и был вызван из Парижа доктор Нелатон, а тремя днями позже в Специю на побережье Лигурийского моря, где содержался арестованный Гарибальди, приехал из Гейдельберга и Николай Пирогов. О том, что его лечили Нелатон и Пирогов, сам Гарибальди с благодарностью вспоминал в мемуарах⁴. Рассказ об этом событии оставил и Н. И. Пирогов:

«...рана Гарибальди, надѣлавшая столько шуму въ Европѣ, доказываетъ как ясныя вещи и въ хирургической практикѣ иногда кажутся темными. Этотъ знаменитый случай поучителенъ для молодыхъ врачей и я, какъ очевидецъ, расскажу его» [Пирогов: 185–186].

Это единственный случай в мировой истории, когда два знаменитых хирурга, русский и француз, встретились у постели тяжелораненого легендарного героя и их профессиональными усилиями была предотвращена ампутация его ноги.

Илл. 3. Ранение Гарибальди под Аспромонте (1862)

Fig. 3. Garibaldi's wound near Aspromonte (1862)

Мог ли об этом не знать Достоевский? Совершенно исключено! «За последний месяц важнейшее политическое событие состоит в том, — писал обозреватель А. Е. Разин в ноябрьском выпуске журнала братьев Достоевских “Время” за 1862 г., — что у Гарибальди из ноги вынули пулю, и таким образом его выздоровление сделалось возможным, даже вероятным»⁵. «Вся Европа, — писал тот же автор в декабрьской книжке журнала, — с 29 августа следила за ходом раны, стараясь узнавать, какой из нее вышел гной и велика ли опухоль»⁶. Событие это расценивалось не как обстоятельство частной жизни пусть и знаменитого человека, но как имеющее всеевропейское значение. «...Величайшая сила Италии, — сокрушался обозреватель “Времени”, — та сила, на которую всегда можно было надеяться в случае крайней беды, Гарибальди, лежит больной. Что-то будет с бедной Италией?»⁷.

Ранее, в сентябрьском номере журнала «Время», предистории этих событий, в том числе обстоятельствам ранения Гарибальди, была посвящена отдельная статья под названием «Гарибальди при Аспромонте и в Специи». В ней, в частности, упоминалось мнение доктора Бертани о том, что «необходимо немедленно отнять ногу»⁸. В № 10 «Времени» обсуждение этих вопросов было продолжено. Здесь было напечатано сообщение о том, что «29 октября была у Гарибальди консультация. Собрано было семнадцать знаменитейших в Европе хирургов, в числе которых далеко не последнее место занимал Н. И. Пирогов»⁹. Здесь же упоминается «французская хирургическая знаменитость» доктор Нелатон и передается его мнение¹⁰. Привлек внимание сотрудников «Времени» и курьез, когда «какой-то богач, вроде герцога Девонширского», для своего кабинета редкостей вознамерился купить за тысячу фунтов стерлингов у Менотти Гарибальди, сына итальянского героя, пулю, извлеченную хирургами из ноги отца, но получил отказ¹¹.

Герой Достоевского, конечно же, вслед за самим автором «читал» подобные сообщения о ранении Гарибальди, которые печатались практически во всех периодических изданиях. К тому же напомним похожую ситуацию, как генерал Иволгин, рассказав один случай, якобы с ним произошедший (как однажды он выбросил в окно поезда болонку соседки-англичанки), был уличен Настасьей Филипповной в том, что переиначил применительно к собственной персоне анекдот, о котором за несколько дней до того писалось на страницах газеты «*Indépendance Belge*» (см.: ДЗ0; 8: 92–94). Подобным образом свою фантазию о Пирогове и Нелатоне, которые совместно участвуют в лечении раненого генерала Иволгина, герой Достоевского вдохновенно сочиняет на основе получившей всемирную огласку истории ранения

ВНИ ГЛАВЫ И ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ... ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ... ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ...

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ. ПОДПИСКА ПРИНАДЛЕЖАЕТЪ... ПОДПИСКА ПРИНАДЛЕЖАЕТЪ...

ВНИ ГЛАВЫ И ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ... ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ... ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ...

ПОДПИСКА ПРИНАДЛЕЖАЕТЪ... ПОДПИСКА ПРИНАДЛЕЖАЕТЪ...

ПОДПИСКА НА ПОЛУЧЕНИЕ «САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИХЪ ВЕДОМОСТЕЙ» ПРИНАДЛЕЖАЕТЪ КЪ СЛѢДУЮЩИМЪ ЦѢНАМЪ:

Table with subscription rates: Безъ доставки... 2 р.; Съ доставкой въ Санкт-Петербургъ... 4 р. 25 к.; Съ пересылкою... 4 р. 50 к.

«С.-ПЕТЕРБУРГСКИЕ ВЕДОМОСТИ СЪ 1862 ГОДА»

Table with subscription rates: Въ Петербургъ... 4 р.; Въ города... 4 р. 25 к.; Въ деревни... 4 р. 50 к.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Имя отцовъ... Имя отцовъ... Имя отцовъ... Имя отцовъ...

Имя отцовъ...

Имя отцовъ... Имя отцовъ... Имя отцовъ...

Имя отцовъ...

Имя отцовъ... Имя отцовъ... Имя отцовъ...

Имя отцовъ...

Имя отцовъ... Имя отцовъ... Имя отцовъ...

Имя отцовъ...

Имя отцовъ... Имя отцовъ... Имя отцовъ...

Имя отцовъ...

Имя отцовъ... Имя отцовъ... Имя отцовъ...

Имя отцовъ...

Имя отцовъ... Имя отцовъ... Имя отцовъ...

Имя отцовъ...

Имя отцовъ... Имя отцовъ... Имя отцовъ...

Имя отцовъ...

Имя отцовъ... Имя отцовъ... Имя отцовъ...

Имя отцовъ...

Имя отцовъ... Имя отцовъ... Имя отцовъ...

Имя отцовъ...

Имя отцовъ... Имя отцовъ... Имя отцовъ...

Имя отцовъ...

Имя отцовъ... Имя отцовъ... Имя отцовъ...

Имя отцовъ...

Имя отцовъ... Имя отцовъ... Имя отцовъ...

Имя отцовъ...

Имя отцовъ... Имя отцовъ... Имя отцовъ...

Имя отцовъ...

Имя отцовъ... Имя отцовъ... Имя отцовъ...

Имя отцовъ...

Имя отцовъ... Имя отцовъ... Имя отцовъ...

Имя отцовъ...

Имя отцовъ... Имя отцовъ... Имя отцовъ...

Имя отцовъ...

Имя отцовъ... Имя отцовъ... Имя отцовъ...

Имя отцовъ...

Имя отцовъ... Имя отцовъ... Имя отцовъ...

Имя отцовъ...

Имя отцовъ... Имя отцовъ... Имя отцовъ...

Имя отцовъ...

Имя отцовъ... Имя отцовъ... Имя отцовъ...

Имя отцовъ...

Имя отцовъ... Имя отцовъ... Имя отцовъ...

Имя отцовъ...

Имя отцовъ... Имя отцовъ... Имя отцовъ...

Имя отцовъ...

Имя отцовъ... Имя отцовъ... Имя отцовъ...

Имя отцовъ...

Имя отцовъ... Имя отцовъ... Имя отцовъ...

Имя отцовъ...

Имя отцовъ... Имя отцовъ... Имя отцовъ...

Имя отцовъ...

Имя отцовъ... Имя отцовъ... Имя отцовъ...

Имя отцовъ...

Имя отцовъ... Имя отцовъ... Имя отцовъ...

Имя отцовъ...

Имя отцовъ... Имя отцовъ... Имя отцовъ...

Имя отцовъ...

Имя отцовъ... Имя отцовъ... Имя отцовъ...

Илл. 4. Первая полоса газеты «Санкт-Петербургские ведомости» 1862. № 239 2 ноября с заметкой М.И. Пирогова о ране Гарибальди»

Fig. 4. The front page of the St. Petersburg Vedomosti newspaper (1862. No. 239. November 2) in a short article (N. I. Pirogov's opinion on Garibaldi's wound" (in the column on the right)

Джузеппе Гарибальди в битве под Аспромонте, однако переносит ее в обстоятельства Крымской войны 1853–1856 гг.

Обратим внимание и еще на одно обстоятельство: слова Иволгина о том, что Нелатон «*свободный пропуск во имя науки выхлопотал*», перекликаются с отрывком из мемуаров Гарибальди, где итальянский полководец, выражая благодарность Пирогову и Нелатону, замечает, что «*для добрых дел, для подлинной науки нет границ в семье человечества*» [Гарибальди: 12] (в обеих цитатах курсив мой. — Н. Ш.).

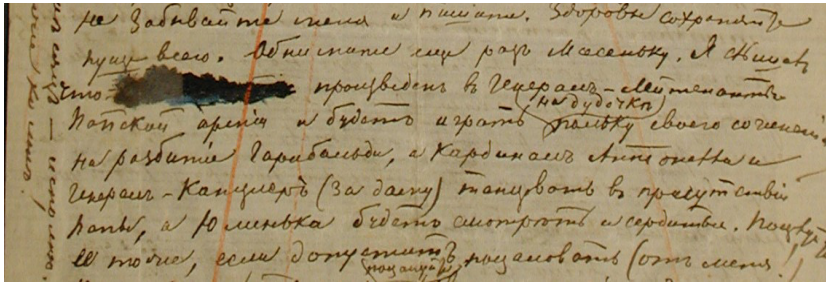
Кстати, и ернический рассказ Лебедева о ноге французского шассера, оторванной снарядом и похороненной на Ваганьковском кладбище, представляет собою ядовитую пародию на вранье генерала Иволгина и построен Достоевским по схожей модели. С. В. Житомирская установила, что источником для этого «фантастического» сюжета послужила печальная судьба генерала Жана-Виктора Моро, разорванного снарядом в сражении под Дрезденом в 1813 г.: «...тело его похоронено в Петербурге (в католической церкви св. Екатерины), ноги, оторванные снарядом, — на месте, где это произошло, у деревни Рекниц под Дрезденом; там воздвигнут памятник ему» [Житомирская: 427].

* * *

Второе упоминание Достоевским образа Гарибальди, на которое обратим внимание, встречается в переписке периода пребывания писателя в Западной Европе в 1867–1871 гг. В статье С. В. Мурзиной и Е. Г. Новиковой сообщается, что в письмах этого периода имеют место три случая упоминания имени Гарибальди. Первое — «свидетельствует о пристальном внимании Достоевского к политической деятельности и судьбе Гарибальди». Второе — связано с «поражением Гарибальди при Ментане 3 ноября 1867 г.: „разбитие Гарибальди“». Третье — описание Достоевским приезда Гарибальди в Женеву для участия в конгрессе Лиги мира и свободы, связанном с формированием Первого интернационала (см.: [Мурзина, Новикова: 40]).

Упоминание имени Гарибальди в письме к С. А. Ивановой из Женевы в Москву от 1 (13) января 1868 г. у названных исследователей сопровождается только кратким комментарием, повторяющим лаконичное примечание Полного собрания сочинений: «Намек на поражение отряда Гарибальди при Ментане 3 ноября 1867 г.» (Д30; 28; 462). Но именно в этом письме Достоевского к любимой племяннице поставлен ряд задач, далеко не все из которых сегодня возможно разрешить и прокомментировать. Ситуация осложняется тем, что одно из слов в контексте с упоминанием имени Гарибальди густо замазано (по-видимому, адресатом поставлено чернильное пятно). Вот соответствующее место:

«Обнимите еще раз Масеньку. Я слышалъ что <1 слово нрзб.> произведень въ Генераль-Лейтенанты Папской арміи и будетъ играть {на дудочкѣ} польку своего сочиненія на разбитіе Гарибальди, а Кардиналь Антонелли и Генераль-Канцлеръ (за даму) танцовать въ присутствіи Папы, а Юлинька будетъ смотрѣть и сердиться. Поцалуйте [и] {ее} тоже, если допуститъ поцаловать (отъ меня!) Витю тоже отъ меня {поцалуйте} и хваленаго Лёлю. Затѣмъ всѣхъ; а братицу Александру Александровичу пожмите отъ меня руку покрѣпче»¹².

Илл. 5. Анализируемый отрывок из письма Достоевского к С. А. Ивановой от 1 (13) января 1868 г.

Fig. 5. The analyzed excerpt from Dostoevsky's letter to S. A. Ivanova, dated January 1 (13), 1868

В этом фрагменте письма удивляет совмещение двух совершенно посторонних друг другу тем: с одной стороны, здесь речь идет об остро злободневных политических событиях в современной Достоевскому Италии, которые описаны в каком-то гротескном, «карнавальном» виде, а с другой — о членах московской многодетной семьи младшей сестры Достоевского Веры Михайловны Ивановой. При этом в словах: «...а Юлинька будетъ *смотрѣть* (на танцующих польку кардинала и генерала-канцлера под дудочку генерал-лейтенанта папской армии! — Н. Ш.) и *сердиться*» — эти два плана загадочным образом соединяются.

Как было выше отмечено, наши предшественники, комментировавшие итальянские реалии этого отрывка письма, ограничились лишь скромным указанием на битву при Ментане, в которой отряд Гарибальди 3 ноября 1867 г. потерпел поражение. Однако первое, на что следует обратить внимание и что не замечали исследователи ранее, — наименование «генерал-канцлер» (именно так это словосочетание публиковалось во всех изданиях писем Достоевского) является фантомным: такого звания или должности никогда не существовало. В то же время имеет важное значение, что в битве при Ментане верховным главнокомандующим папскими войсками, от которых потерпел поражение Гарибальди, являлся военный министр, генерал Герман Канцлер, имевший немецкое происхождение и фамилию (Her mann Kanzler; 1822–1888). Зная то, что в почерке Достоевского строчная и прописная буква «К» не всегда различаются, можно предположить, что в анализируемом случае используется все-таки прописная буква, с которой начинается фамилия генерала.

Остается вопрос, почему же Достоевский написал слова «Генераль-Канцлеръ» через дефис? Ответ здесь может быть только предположительным: или Достоевский, находившийся в Женеве и узнававший о событиях в Италии из газет на иностранных языках, не знал, что «Канцлер» — это фамилия; или же он сделал автоматическую описку, записывая по тому же типу как «Генераль-Лейтенантъ» тремя строка-ми выше. Итак, хотя в письме Достоевского словосочетание «Генерал-Канцлер» написано через дефис, в качестве партнера («за даму») кардинала Антонелли в польке имеется в виду именно генерал папской армии Герман Канцлер, победитель Гарибальди.

Джакомо Антонелли (Giacomo Antonelli; 1806–1876) — личность известная в России XIX века: куриальный кардинал, государственный секретарь Святого Престола, истинный руководитель политики Рима. В журнале братьев Достоевских «Эпоха» (1864. № 3) была опубликована статья С. П. Колошина «Рим, папа и Антонелли», где автор, «показывая лишенного ума и воли Пия IX, разоблачал и возглавлявшего правление кардинала Антонелли, который вместе со своей родней держит в руках все монастыри, банки, торговлю, угнетает ненавидящий его народ». В протоколе заседания цензурного комитета от 8 апреля 1864 г. к этой статье были отмечены «довольно резкие отзывы об Антонелли» и определено: «...дозволить статью к напечатанию с исключением из нее резких мест, доложенных комитету» [Нечаева 1875: 90]. Остается непроясненным вопрос, чье имя скрывается за чернильным пятном в письме Достоевского, кто (как «слышал» писатель) произведен в генерал-лейтенанты папской армии (Г. Канцлер получил это высшее звание еще в 1865 г.¹³). Затрудняют подбор вариантов фамилий итальянских генералов виднеющиеся верхние выносные элементы в начале и конце слова.

Сложно интерпретировать «карнавальный» характер нарисованной в анализируемом письме Достоевского картинки: в присутствии папы римского под дудочку новоиспеченного генерал-лейтенанта на сочиненный им мотив польки танцуют кардинал и (за даму) военный министр. Несомненно, это аллегория, для которой фигуранты современной политической жизни Италии — лишь актуальный, подсказанный газетными публикациями последнего времени материал.

Контекст письма позволяет высказать догадку, что эпистолярная зарисовка Достоевского связана с традицией игрового, смехового поведения молодого поколения семейства Ивановых. О ней известно из воспоминаний М. А. Ивановой («Масеньки») и Н. Н. Фон-Фохта о пребывании Достоевского летом 1866 г. в подмосковном Люблино, где царила атмосфера розыгрышей и веселых пикировок, сочинялись иронические экспромты, устраивались импровизированные спектакли и театрализованные шествия: «...торжественная процессия, сопровождающая Магомета II <...> с боем в медные тазы, с свистками и проч.»¹⁴, трагестированное явление тени отца Гамлета и т. п.¹⁵. Нельзя исключить, что, набрасывая сценку гротескного торжества при папском

дворе по поводу «разбития Гарибальди», Достоевский вполне мог подразумевать что-то наподобие этих молодежных развлечений, впрочем далеко не всем приходящихся по вкусу: «...а Юленька будетъ смотреть и сердиться».

Добавим, что дочь сестры Достоевского Веры Юленька (Юлия Александровна Иванова; 1852–1924), согласно семейной переписке Достоевских и воспоминаниям М. А. Ивановой («Масеньки»), имела своевольный, упрямый и неуживчивый характер, острый язык. Так, 29 августа 1866 г. П. А. Исаев передавал отчиму: «Юлии Александровне скажите, что я питаю к ней уважение за ее небесную красоту, несмотря на ее язык, имеющий свойство самого ядовитого животного на всем земном шаре» (ДЗ0, 28₂: 437). А 29 декабря 1866 г. сам Достоевский писал жене: «Все прочие дети ужасно милы и рады, Юля не удостоила выходить» (ДЗ0; т. 28₂: 174). Характерный эпизод общения Достоевского и Юленьки вспоминала М. А. Иванова:

«С своего конца Достоевский вдруг обращался к робкой молоденькой подружке Наде Алексеевой с следующим замечанием:

— Надя, как вам не стыдно, что вы мне не даете покоя и все время толкаете под столом ногай?

Надя краснела, смущалась, а подруга ее Юля Иванова бойко вступалась за нее:

— Вот вы считаетесь за умного человека, а не можете сообразить, что у Нади нога не в десять аршин и она достать вас не может. Это скорее признак глупости...

Старшие, чтобы оборвать пикировку, задают вопрос о том, куда компания думает отправиться гулять после ужина, и это всех отвлекает от спора»¹⁶.

Проникновению европейских политических реалий в сферу частной жизни московского семейства Ивановых не должно удивляться: интерес к фигуре и судьбе Гарибальди был в эти годы всеобщий. Так, например, в сатирическом журнале «Гудок» была описана сценка, в которой извозчики в трактире толкуют о «молодом енерале Арибальдине»¹⁷, а приятель Достоевского Всеволод Крестовский в фельетоне на страницах «Модного магазина» поведал о раздоре между женихом и родителями невесты: во время смотрин молодой человек, «говоря о политике, восхвалил Гарибальди и узнал, что почтенное семейство считает его разбойником». «Словом, хор родни решил, — подытожил рассказчик, — что я негодяй, и мне отказали»¹⁸. Эти примеры выразительно демонстрируют широкое бытование образа Гарибальди, нередко значительно мифологизированного, в сознании самых разных слоев русского общества 1860-х гг. Нашел он отражение и в текстах Достоевского, хотя иногда не столь очевидное, рассчитанное на внимательных читателей и исследователей.

Примечания

¹ Достоевская А. Г. Дневник 1867 года / изд. подгот. С. В. Житомирская. М.: Наука, 1993. С. 241–244 (Серия «Литературные памятники»).

- 2 Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Т. 24. С. 483, 495; Т. 17. С. 406. Далее ссылки на это издание приводятся с использованием сокращения *Д30* и указанием тома, книги (нижний индекс) и страницы в круглых скобках.
- 3 РГАЛИ. Ф. 212.1.5. С. 24; 212.1.6. С. 23.
- 4 Гарибальди Дж. Мемуары / ст. и коммент. В. Е. Невлера; отв. ред. С. Д. Сказкин. М.: Наука, 1966. С. 12 (Серия «Литературные памятники»).
- 5 [Разин А. Е.] Политическое обозрение. Общее положение. Французские дела. Итальянские дела. Последние известия // *Время*. 1862. № 11. С. 184.
- 6 [Разин А. Е.] Политическое обозрение. Общее положение. Французские дела. Греческие дела. Последние известия // *Время*. 1862. № 12. С. 129.
- 7 [Разин А. Е.] Политическое обозрение. Общее положение. Французские дела. Итальянские дела. Последние известия // *Время*. 1862. № 11. С. 183.
- 8 [Разин А. Е.] Политическое обозрение. Гарибальди при Аспромонте и в Специи. Прусские дела. Последние известия // *Время*. 1862. № 9. Отд. «Современное обозрение». С. 84–107.
- 9 [Разин А. Е.] Политическое обозрение. Общее положение. Прусские дела. Итальянские дела. Греко-славянский или восточный вопрос. Последние известия // *Время*. 1862. № 10. Отд. «Современное обозрение». С. 88–119. Это сообщение «Времени» не вполне точно. По свидетельству самого Пирогова, в отчете, который по возвращении в Гейдельберг он отправил на имя министра народного просвещения А. В. Головина, консилиум в составе семнадцати докторов прошел 30 октября, накануне его приезда в Специю; он же осматривал Гарибальди на следующий день, 31 октября (н. с.) уже один (см.: С.-Петербургские ведомости. 1862. № 239. 2 ноября).
- 10 Там же. С. 118–119.
- 11 [Разин А. Е.] Политическое обозрение. Общее положение. Французские дела. Греческие дела. Последние известия // *Время*. 1862. № 12. С. 130–131.
- 12 ОР РГБ. Ф. 93.1.6.17. Л. 5 об. Ср.: *Д30*; 282; 253.
- 13 За эти сведения и за общие консультации по истории событий в Италии 1860-х гг. автор статьи выражает сердечную благодарность итальянскому слависту проф. Стефано Алоэ.
- 14 Иванова М. А. Воспоминания // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Худ. лит., 1990. Т. 2. С. 41–48.
- 15 Фон-Фохт Н. Н. К биографии Ф. М. Достоевского // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Худ. лит., 1990. Т. 2. С. 53–55.
- 16 Иванова М. А. Воспоминания // Там же. С. 42.
- 17 А. Н. Плен Гарибальди: (Сцена в харчевне) // *Гудок*. 1862. № 32. С. 251–254.
- 18 [Крестовский Вс. В.] Рыцарь стеклышка и плэда. Не у камина: Петербургский фельетон // *Модный магазин*. 1862. № 9. С. 213.

Список литературы

1. Блума А. Гарибальди как фантом русской литературы 1862 года // *Philologia*: Рижский филологический сборник. Рига: Латвийский университет, 2000. Вып. 3: CUM ITALIA. С. 48–66.
2. Житомирская С. В. Примечания // Достоевская А. Г. *Дневник 1867 года*. М.: Наука, 1993. С. 423–445.
3. Захаров В. Н. Гениальный «Двойник»: почему критики не понимают Достоевского // *Неизвестный Достоевский*. 2020. № 3. С. 31–53 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1606934799.pdf (01.02.2021). DOI: 10.15393/j9.art.2020.4941

4. Ковальская М. И. Италия эпохи Рисорджименто в творчестве Тютчева и Достоевского // Россия и Италия: [сб. ст.] / отв. ред. Н. П. Комолова. М.: [б. и.], 1993. С. 118–149.
5. Мурзина С. В., Новикова Е. Г. Образ Гарибальди в творчестве Ф. М. Достоевского // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 460. С. 37–45.
6. Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». 1861–1863. М.: Наука, 1972. 316 с.
7. Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». 1864–1865. М.: Наука, 1975. 304 с.
8. Пирогов Н. И. Начала общей военнополевой хирургии, взятые из наблюдений военнопольной практики и воспоминаний о Крымской войне и Кавказской экспедиции: в 2 ч. Дрезден: Тип. Э. Блохмана и сына, 1865. Ч. 1. [2], IX, [1], 443, [1] с.

References

1. Bluma A. Garibaldi as a Phantom of Russian Literature in 1862. In: *Philologia: Rizhskiy filologicheskiy sbornik [Philologia: Riga Philological Collection]*. Riga, The University of Latvia Publ., 2000, issue 3: CUM ITALIA, pp. 48–66. (In Russ.)
2. Zhitomirskaya S. V. Notes. In: *Dostoevskaya A. G. Dnevnik 1867 goda [Anna Dostoevskaya's Diary for the Year 1867]*. Moscow, Nauka Publ., 1993. С. 423–445. (In Russ.)
3. Zakharov V. N. The Brilliance of “The Double”: Why Don't Critics Understand Dostoevsky? In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2020, no. 3, pp. 31–53. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1606934799.pdf (accessed on February 1, 2021). DOI: 10.15393/j9.art.2020.4941 (In Russ.)
4. Koval'skaya M. I. Italy of the Risorgimento Era in the Works of Tyutchev and Dostoevsky. In: *Rossiya i Italiya [Russia and Italy]*. Moscow, 1993, pp. 118–149. (In Russ.)
5. Murzina S. V., Novikova E. G. The Image of Garibaldi in Fyodor Dostoevsky's Works. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal]*, 2020, no. 460, pp. 37–45. DOI: 10.17223/15617793/460/4 (In Russ.)
6. Nechaeva V. S. *Zhurnal M. M. i F. M. Dostoevskikh «Vremya». 1861–1863 [The Journal of Mikhail and Fyodor Dostoevsky “Vremya”. 1861–1863]*. Moscow, Nauka Publ., 1972. 316 p. (In Russ.)
7. Nechaeva V. S. *Zhurnal M. M. i F. M. Dostoevskikh «Epokha». 1864–1865 [The Journal of Mikhail and Fyodor Dostoevsky “Epokha”. 1864–1865]*. Moscow, Nauka Publ., 1975. 304 p. (In Russ.)
8. Pirogov N. I. *Nachala obshchey voennopolevoy khirurgii, vzyatyie iz nablyudeniyy voennogospital'noy praktiki i vospominaniy o Krimskoy voyne i Kavkazskoy ekspeditsii: v 2 chastyakh [The Beginnings of General Military Field Surgery, Taken from Observations of Military Hospital Practice and Memories of the Krim War and the Caucasian Expedition: in 2 Parts]*. Dresden, Printing house of E. Blokhman and son, 1865, part 1. 443 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Шварц Наталья Владимировна — независимый исследователь, секретарь Российского общества Ф. М. Достоевского (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: nshwartz@list.ru

Natalia V. Shwarts — Independent Researcher, Secretary of the Russian Society of F. M. Dostoevsky (St. Petersburg, Russian Federation); e-mail: nshwartz@list.ru

Поступила в редакцию / Received 01.02.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 25.03.2021

Принята к публикации / Accepted 10.06.2021

Дата публикации / Date of publication 05.07.2021

Научная статья

УДК 821.161.1+070+2021

DOI: 10.15393/j10.art.2021.5481

Атрибуция в зеркале статистики: анонимные статьи в журналах братьев Достоевских «Время» и «Эпоха»

О. В. Захарова

Петрозаводский государственный университет

(г. Петрозаводск, Российская Федерация)

e-mail: ovzakh05@yandex.ru

Аннотация. Содержание издаваемых братьями Достоевскими журналов «Время» (1861–1863) и «Эпоха» (1864–1865), в которых опубликовано много анонимных и псевдонимных статей, ставит перед исследователями задачу их атрибуции. На основании традиционных документальных (письма, гонорарная и приходно-расходная ведомости, мемуарные свидетельства), идейно-тематических и стилистических признаков в XIX–XX вв. был сформирован корпус текстов, которые однозначно приписывались Ф. М. Достоевскому, М. М. Достоевскому, А. А. Григорьеву, Н. Н. Страхову и другим авторам «Времени» и «Эпохи». В корпусе анонимных и псевдонимных статей были выделены их типы: авторские и коллективные статьи, редакционные вставки, примечания; по типу творчества — авторство, соавторство, редактирование и переработка чужого текста. Современные методы статистического анализа формально-грамматических и синтаксических параметров текста могут дать достаточные основания для расширения источниковой базы атрибуции. В данной статье представлены результаты исследования ряда анонимных статей из журналов братьев Достоевских при помощи трех статистических методов атрибуции: лингвостатистического анализа по методике Г. Хетсо, нейросети «Трансформер» и алгоритма «Лес решений» («Random forest»). Данные результаты свидетельствуют о необходимости их корреляции, они должны учитываться по принципу дополнительности к традиционным методам атрибуции.

Ключевые слова: атрибуция, Г. Хетсо, нейросеть «Трансформер», «Лес решений», «Random forest», лингвостатистический анализ, Ф. М. Достоевский, М. М. Достоевский, А. А. Григорьев, Н. Н. Страхов, П. А. Кусков, М. И. Владиславлев, «Время», «Эпоха»

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90026 Достоевский («Проблема атрибуции анонимных и псевдонимных статей в журналах «Время», «Эпоха» и еженедельнике «Гражданин»).

Для цитирования: Захарова О. В. Атрибуция в зеркале статистики: анонимные статьи в журналах братьев Достоевских «Время» и «Эпоха» // *Неизвестный Достоевский*. 2021. Т. 8. № 2. С. 81–106. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5481

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2021.5481

Attribution in the Statistics Mirror Anonymous Articles in the “Vremya” and “Epokha” Journals Published by the Dostoevsky Brothers’

Olga V. Zakharova

*Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)*

e-mail: ovzakh05@yandex.ru

Abstract. The attribution of content of *Vremya* (*Time*) and *Epokha* (*Epoch*) journals, in which many anonymous and pseudonymous articles have been published, presents many challenges for the researchers. In the XIX–XX centuries, a corpus of texts, which were unambiguously attributed to F. M. Dostoevsky, M. M. Dostoevsky, A. A. Grigoriev, N. N. Strakhov and other *Vremya* and *Epokha* authors, was formed on the basis of traditional documentary (letters, payroll, income and expense book, memoirs), ideological and thematic and stylistic evidence. The following types of texts were isolated within the corpus of anonymous and pseudonymous articles: author’s and collective articles, editorial inserts, notes; by type of writing — authorship, co-authorship, editing and adaptation of others texts. Modern methods of statistical analysis of formal grammatical and syntactic parameters in the text can provide sufficient grounds for expanding the source attribution base. This article presents the results of a study of a number of anonymous articles in the Dostoevsky brothers’ journals using three statistical methods of attribution: linguistic and statistical analysis according to the G. Kjetsaa’s method, the Transformer neural network and the Random forest algorithm. These results need to be correlated; they should be taken into account as complementary to traditional attribution methods.

Keywords: attribution, G. Kjetsaa, Transformer neural network, Random forest, linguistic statistical analysis, F. M. Dostoevsky, M. M. Dostoevsky, A. A. Grigoriev, N. N. Strakhov, P. A. Kuskov, M. I. Vladislavlev, *Vremya*, *Epokha*, *Time*, *Epoch*

Acknowledgments: The reported study was funded by Russian foundation for basic research (RFBR), project number 18-012-90026 Dostoevsky.

For citation: Zakharova O. V. Attribution in the statistics mirror anonymous articles in the “Vremya” and “Epokha” journals published by the Dostoevsky brothers’. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2021, vol. 8, no. 2, pp. 81–106. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5481 (In Russ.)

В современных исследованиях активно используются лингвостатистические методы определения авторства художественных, литературно-критических или публицистических произведений. Наиболее популярны из них несколько: «Трансформер» [Radford], «Дерево решений» [Дубовик], [Рогов, 2020], «Лес решений» [Рогов, 2021], «сильный граф» [Сидоров], «метод распознавания образов» [Марусенко] и др. В данной статье будут представлены результаты апробации некоторых из них.

В качестве эксперимента по методике Г. Хетсо эталонными для стиля Ф. М. Достоевского стали 25 текстов писателя, подписанных им или безусловно принадлежащих его авторству: цикл «Ряд статей о русской литературе»

(«Введение», «Г-н -бов и вопрос об искусстве», «Книжность и грамотность. Статья первая», «Книжность и грамотность. Статья вторая», «Последние литературные явления газеты “День”»), «Петербургские сновидения в стихах и прозе», «Образцы чистосердечия», «“Свисток” и “Русский вестник”», «Ответ “Русскому вестнику”», «По поводу элегической заметки...», «Два лагеря теоретиков», «Объявление о подписке на журнал “Время” на 1863 год», «Славянофилы, черногорцы и западники, самая последняя перепалка», «Щекотливый вопрос», «Необходимое литературное объяснение, по поводу разных хлебных и нехлебных вопросов», «Журнальная заметка о новых литературных органах и о новых теориях», «Журнальные заметки. I. Ответ “Свистуну”. II. Молодое перо», «Опять Молодое перо», «Господин Щедрин, или Раскол в нигилистах», «Несколько слов о М. М. Достоевском», «Необходимое заявление», «Чтобы кончить...», «Примечание к статье Страхова “Воспоминания об А. А. Григорьеве”», «Каламбуры в жизни и в литературе». В состав эталонных текстов не вошли «Примечание к “Письму с Васильевского острова в редакцию “Времени”» и статья «Литературная истерика», так как первая статья изначально мала по объему текста, во второй — много цитат, после исключения которых ее объем оказался недостаточным для эксперимента.

Одним из методов атрибуции анонимных и псевдонимных текстов в изданиях братьев Достоевских является «Трансформер». Исследование с использованием нейросети «Трансформер» потребовало обучения искусственного интеллекта определению автора текста, или атрибуции, на текстах таких авторов, как Ф. М. Достоевский, М. М. Достоевский, Н. Н. Страхов, А. А. Григорьев, Я. П. Полонский. При обучении нейросети «Трансформер» тексты Ф. М. Достоевского были выделены в одну группу, тексты остальных авторов — в другую.

Для атрибуции анонимных текстов из «Времени» и «Эпохи» также использовался метод «Лес решения» («Random forest»), основанный на построении алгоритмов ациклического графа¹⁾, в частности — выделении биграмм (двух частей речи).

Математический анализ текстов выполнили А. А. Рогов, Р. В. Абрамов, К. А. Кулаков, Н. Д. Москин, Е. Д. Савинов, Ю. В. Сидоров, лингвистический разбор текстов — Д. Д. Бучнева, А. А. Лебедев, А. В. Отливанчик. Результаты проведенного исследования опубликованы в информационной системе «СМАЛТ» («Статистические методы анализа литературных текстов») и будут освещены в монографии [Рогов и др., 2021]. Лингвостатистические данные исследования приводятся в статье по указанному источнику [СМАЛТ].

¹⁾ Ациклический граф — граф без циклов.

**«Письмо постороннего критика...»
(«Время», 1861, № 1)**

В результате эксперимента по всем параметрам лингвостатистического анализа по методике Г. Хетсо Ф. М. Достоевскому может быть приписана статья «Письмо постороннего критика в редакцию нашего журнала по поводу книг г. Панаева и “Нового поэта”» (подп.: «Посторонний критик») [СМАЛТ]. В 1924 г. вопрос атрибуции «Письма постороннего критика в редакцию нашего журнала» Достоевскому поставил О. фон Шульц [Schoultz: 7]. Его точку зрения оспорил Б. В. Томашевский и приписал авторство этого письма А. Ф. Писемскому. Атрибуция Томашевского поставлена под сомнение редакцией академического собрания сочинений писателя. Отталкиваясь от результатов исследования Г. Хетсо, подтвердившего атрибуцию О. фон Шульца, редакторы привели дополнительные аргументы в пользу авторства Достоевского. «Письмо постороннего критика» «написано в памфлетной, энергичной литературной манере» (Д30; 27: 400). Редакция обратила внимание на то, что письмо можно рассматривать как «полемическое дополнение к программе журнала, изложенной в объявлении о подписке»: в нем есть «указание на замысел серии полемических писем», о скандалах «в статьях серьезных и в журналах важных» писал Достоевский, образ «постороннего критика» — «явная мистификация, прием литературной маски», одни и те же темы развиваются в письме и в фельетоне «Петербургские сновидения в стихах и прозе», обнаруживается сходство позиций между посторонним критиком и Достоевским-публицистом, как и Достоевский — посторонний критик сопровождает «цитацию ироническими вариациями-комментариями с подчеркиванием и обыгрыванием особенно понравившихся слов и сравнений», он сочувствует почвеннической программе (Д30; 27: 391–400). Сегодня эта статья включена в собрания сочинений писателя, такие как Д30, Д. Θ. и Д18. Эксперимент с использованием нейросети «Трансформер» подтвердил результаты, полученные по методике Г. Хетсо. В результате анализа с использованием нейросети «Трансформер» статью «Письмо постороннего критика в редакцию нашего журнала...» можно атрибутировать Ф. М. Достоевскому (ему может принадлежать 100% текста) [СМАЛТ]. Данный текст не проверялся по методике «Лес решений», так как отсутствуют убедительные атрибуции этой статьи другому автору (голословная атрибуция Б. В. Томашевского А. Ф. Писемскому не подтверждается выплатами в приходно-расходной книге и гонорарной ведомости «Времени»; А. Ф. Писемский не участвовал в критическом отделе журнала).

**«Гаваньские чиновники в их домашнем быту...»
(«Время», 1861, № 2)**

Аналогичные результаты получены при проверке статьи «Гаваньские чиновники в их домашнем быту или Галерная гавань во всякое время дня

и года. (Пейзаж и жанр) Ивана Генслера». Б. Ф. Егоров атрибутировал статью А. А. Григорьеву. Из его аргументов только один был принят редакцией тридцатитомника как бесспорный — это «указание самого Григорьева на принадлежность ему сравнения произведения с холстом, сравнения, часто в статьях критика» (ДЗ0; 27: 410). Кроме этого аргумента, в академическом издании приведены новые: оценки литературных произведений, типичные для Григорьева (в частности — его суждения о «драматических пословицах», модном драматургическом жанре), интерес к творчеству Н. Д. Хвощинской, писавшей под псевдонимом «В. Крестовский». На эти аргументы можно привести контраргументы — в частности, те, которые указал Б. Ф. Егоров, предположивший редакторскую правку Достоевского: «...статья написана от имени редакции», в тексте «много кратких, отрывистых предложений, мало типичных для синтаксиса Григорьева», есть слова, которые «характерны скорее для лексикона Ф. Достоевского, чем Григорьева: “муссирование”, “взмыливание”, “стусеваться”» [Егоров: 236]. Атрибуцию Б. Ф. Егорова поставила под сомнение В. С. Нечаева [Нечаева, 1975: 261]. Г. Хетсо пришел к выводу о возможности включения этой статьи в раздел *Dubia* [Хетсо: 23]. С этим выводом норвежского ученого согласилась редакция тридцатитомного собрания сочинений, допустив «соавторство»: «...редактор журнала как бы присоединил к конкретному разбору Григорьевым “Таваньских чиновников” вступление, которое сильно разрослось и оттеснило на второй план собственно рецензию, оказавшуюся, в сущности, приложением к заметке программного редакционного характера, перекликающейся — тематически и стилистически — с объявлениями и статьями Ф. М. Достоевского» (ДЗ0; 27: 412). Сегодня эта статья включена в следующие собрания сочинений писателя — ДЗ0, Д. Ө. и Д18. По всем 15 лингвостатистическим параметрам по методике Г. Хетсо статью можно рассмотреть на предмет атрибуции Достоевскому [СМАЛТ]. Эти результаты подтверждает эксперимент с использованием нейросети «Трансформер», по которому Ф. М. Достоевскому можно атрибутировать 100% текста [СМАЛТ]. По методике определения авторства «Лес решений» также возможна стопроцентная атрибуция текста писателю [СМАЛТ].

Основанием для атрибуции часто является отсылка к гонорарным выплатам критикам, сохранившимся в двух приходно-расходных книгах по журналам «Время» и «Эпоха»²⁾. В. Н. Захаров подсчитал сумму всех выплаченных А. А. Григорьеву гонораров за первые пять месяцев 1861 г. По гонорарной книге сумма составила 798 р. 36 коп., в том числе — 15 рублей за стихи «Венеция» [Захаров, 2013: 238]. При ставке 50 рублей за лист он должен был написать 250,7 страниц критических статей (783 р. 36 коп.). Объем десяти статей¹ (из них пять подписаны), опубликованных в февральско-майских номерах «Времени», составил 239 страниц: «30 страниц в февральском,

²⁾ ОР РГБ. Ф. 93.1.3.21; ОР РГБ. Ф. 93.1.3.22.

88 страниц в мартовском, 86 страниц в апрельском и 35 страниц в майском номерах» [Захаров, 2013: 238]. В мае 1861 г. между А. А. Григорьевым и братьями Достоевскими произошел конфликт, причиной которого стала оценка творчества Хомякова. Григорьев уехал в Оренбург, откуда написал Страхову письмо, в котором, среди прочего, сообщил, что он остался должен Достоевским: «*Кстати* я Достоевскому, если и останусь долженъ, то очень немного» («Эпоха», 1864, № 9. С. 9). Его долг редакции на момент отъезда составил 11 страниц, или 34 руб. 40 коп. Таким образом, А. А. Григорьев не мог быть автором статьи «Гаваньские чиновники в их домашнем быту или Галерная гавань во всякое время дня и года. (Пейзаж и жанр) Ивана Генслера».

**«Нигилизм в искусстве»
(«Время», 1862, № 8)**

Статью «Нигилизм в искусстве» Б. Ф. Егоров атрибутировал А. А. Григорьеву [Егоров: 236]. Основанием для такого решения стали слова из письма М. М. Достоевского Ф. М. Достоевскому от 28 июля 1862 г.: «На будущий номер критика тоже будет хорошая. Григорьев напишет вторую статью о Толстом и еще статью о Нигилизме в искусстве. Будет еще большая статья о переписке Карамзина Владиславлева» (Д18: 350). Кроме этого письма, Б. Ф. Егоров привел еще один аргумент в пользу атрибуции статьи А. А. Григорьеву: идея статьи — «как бы конспект будущего первого письма Григорьева из цикла “Парадоксы органической критики”» [Егоров: 237]. Исследователь привел суждения, которые «крайне» характерны для критика: «...суждения об искусстве как “самом полном” “выражении смысла жизни”», «о двух противоположных взглядах — утилитарном и идеальном», «о человеческой душе как о критерии идеального взгляда»; «примеры с яблоком нарисованным и натуральным, с Венерой Каллипигой» [Егоров: 237].

Лингвостатистический анализ показывает следующие результаты. По 15 из 15 параметрам, согласно методике Г. Хетсо, статью можно рассмотреть на предмет атрибуции Ф. М. Достоевскому [СМАЛТ]. Принадлежность статьи Н. Н. Страхову не рассматривалась, так как он в это время путешествовал по Европе и не мог участвовать в написании статьи. Августовский номер «Времени» вышел 5 сентября 1862 г., цензурное разрешение на номер журнала было получено 14 августа 1862 г. Достоевский вернулся в Петербург 24 августа 1862 г. [Летопись; 1: 376].

Издательская практика позволяла добавлять в номер прошедшие цензуру статьи. Так, Некрасов, когда готовил публикацию «Петербургского сборника», сначала получил в декабре 1845 г. цензурное разрешение на ключевые произведения и сборник в целом, а потом добавлял новые статьи. В этом заключалась интрига Некрасова, составителя и редактора: после цензурного разрешения на сборник можно было запретить отдельные статьи, но не весь сборник.

Достоевский вполне мог отредактировать подготовленную для публикации статью. По результатам анализа с использованием нейросети «Трансформер» статья не может принадлежать Ф. М. Достоевскому (0%) — «другому автору» приписано 100% текста [СМАЛТ]. По методике определения авторства «Лес решений» получены прямо противоположные результаты. В паре «Ф. М. Достоевский против А. А. Григорьева» атрибуция текста критику невозможна, так как он мог быть автором лишь 11% текста. Ф. М. Достоевскому атрибутировано 80% текста [СМАЛТ]. При использовании методики определения авторства «Лес решений» в паре «Ф. М. Достоевский против М. М. Достоевского» был получен равнозначный ответ: Ф. М. Достоевскому и М. М. Достоевскому может принадлежать по 42% текста, а 15% могут быть написаны и тем, и другим братом [СМАЛТ].

**«Противоречия и увлечения “Времени”
 («Время», 1861, № 8)**

На близость Достоевскому идей и литературной манеры, отраженных в статье «Противоречия и увлечения “Времени”», первым указал Л. П. Гроссман, но исследователь не нашел точных данных для включения ее в собрание сочинений писателя [Гроссман; 22: XXV]. С ним согласился Б. В. Томашевский [Томашевский: 611]. В росписи содержания номеров журнала «Время» В. С. Нечаевой указан под вопросом как автор статьи М. М. Достоевский [Нечаева, 1975: 240]. О возможности включения статьи в *Dubia* заявил Г. Хетсо, который отметил ее «большое стилистическое сходство» с принадлежащими Достоевскому статьями [Хетсо: 68]. С этими доводами согласилась редакция тридцатитомного собрания сочинений, выделив общие суждения с другими полемическими статьями писателя (*Д30*; 27: 417–418). «Противоречия и увлечения “Времени”» включены в следующие собрания сочинений писателя: *Д30*, *Д. Ө.* и *Д18*. По всем 15 лингвостатистическим параметрам по методике Г. Хетсо статью можно рассмотреть на предмет атрибуции Достоевскому [СМАЛТ]. В результате анализа с использованием нейросети «Трансформер» в статье «Противоречия и увлечения “Времени”» Ф. М. Достоевскому можно атрибутировать 100% текста [СМАЛТ]. По методике определения авторства «Лес решений» возможна 100% атрибуция текста писателю [СМАЛТ]. В целом статью можно рассматривать на предмет ее принадлежности Ф. М. Достоевскому.

**«Рассказы Н. В. Успенского»
 («Время», 1861, № 12)**

Статья «Рассказы Н. В. Успенского» с давних пор приписывается Достоевскому. Л. П. Гроссман опубликовал ее в 22-м томе «Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского» (*Д1918*). По мнению Л. П. Гроссмана, авторство Ф. М. Достоевского подтверждает постановка и обсуждение характерного для него критерия творчества: является ли писатель «гением нового

слова», или он продолжает уже сложившуюся традицию? Данная статья является программным заявлением от имени редакции: такой тон «определенно указывает на тот программный стиль руководителя и ответственного журнального организатора, который во “Времени” свойственен только статьям самого Достоевского» [Гроссман; 22: 143]. Л. П. Гроссман обнаружил в статье идею Достоевского об отчуждении интеллигенции от родной почвы, отметил характерные признаки его стиля [Гроссман; 22: 144]. О. фон Шульц обратил внимание на обилие увеличительно-усиливающих суффиксов, что является стилистической особенностью Достоевского [Schoultz: 51]. Б. В. Томашевский включил ее в раздел *Dubia* (*Д1930*, 13). С атрибуцией Л. П. Гроссмана и О. фон Шульца согласилась В. С. Нечаева [Нечаева, 1972: 259]. Г. Хетсо подтвердил их атрибуцию [Хетсо: 70]. Статья включена в основной корпус текстов писателя (см.: *Д30*, *Д. Θ* и *Д18*). По всем 15 лингвостатистическим параметрам по методике Г. Хетсо статью можно рассмотреть на предмет атрибуции Достоевскому [СМАЛТ]. В данном случае нейросеть подтвердила результаты, полученные по методике Г. Хетсо. По результатам исследования статьи «Рассказы Н. В. Успенского» с использованием нейросети «Трансформер» Ф. М. Достоевскому можно атрибутировать 100% текста [СМАЛТ]. Данный текст не проверялся по методике «Лес решений», так как отсутствует его атрибуция другому автору.

**«Дворянин, желающий быть крестьянином»
(«Время», 1861, № 12)**

Вопрос об авторстве Достоевского в отношении статьи «Дворянин, желающий быть крестьянином» впервые поставил Б. В. Томашевский, но счел свою аргументацию недостаточной [Томашевский: 611]. По мнению В. С. Нечаевой, снять сомнение исследователя может лишь сопоставление позиции автора статьи с суждениями Достоевского, высказанными во «Введении» к «Ряду статей о русской литературе», а также в статье «Книжность и грамотность» [Нечаева, 1972: 83]. В росписи содержания номеров «Времени» она согласилась с суждением Томашевского, что принадлежность статьи Достоевскому не доказана [Нечаева, 1975: 265]. Г. Хетсо заявил о стилистической близости этой статьи Достоевскому и отнес ее к *Dubia* [Хетсо: 70–71]. На основании «идейно-тематических и стилистических признаков, подтвержденных многоаспектным лингвостатистическим анализом» [Захаров, 2004: 777], статья включена в полные собрания сочинений Достоевского (*Д. Θ* и *Д18*). По всем 15 лингвостатистическим параметрам по методике Г. Хетсо ее текст можно рассмотреть на предмет атрибуции Достоевскому [СМАЛТ]. Нейросеть «Трансформер» подтвердила эти результаты: Достоевскому можно атрибутировать 100% текста [СМАЛТ]. Данный текст не проверялся по методике «Лес решений», так как отсутствует его атрибуция другому автору.

**«Девятнадцатый номер “Дня”»
 («Время», 1862, № 2)**

Статью «Девятнадцатый номер “Дня”» первым атрибутировал Достоевскому Оскар фон Шульц [Schoultz: 7]. Эта атрибуция была отвергнута В. С. Нечаевой, которая приписала авторство М. И. Владиславлеву. Впервые статья включена в полные собрания сочинений Достоевского (Д. Θ. и Д18) как авторская переработка чужого текста на основании «идейно-тематических и стилистических признаков, подтвержденных многоаспектным лингвостатистическим анализом» (см.: [Захаров, 2004: 885]). По всем 15 лингвостатистическим параметрам по методике Г. Хетсо статью можно рассмотреть на предмет атрибуции Достоевскому [СМАЛТ]. Нейросеть «Трансформер» подтвердила данные результаты: Ф. М. Достоевскому можно атрибутировать 100% текста [СМАЛТ]. Данный текст не проверялся по методике «Лес решений».

**«Наши домашние дела»
 («Время», 1861, № 6)**

Лингвостатистическое исследование подтверждает участие Достоевского в создании первой части обзора «Литературные антиквари и большой вопрос в маленьких ручках» из отдела «Наши домашние дела». В росписи В. С. Нечаевой данная заметка не атрибутирована. В. Н. Захаров включил эту статью в раздел «Коллективное» как текст, написанный предположительно в соавторстве с А. У. Порецким (Д. Θ. и Д18). По всем 15 лингвостатистическим параметрам по методике Г. Хетсо статью можно рассматривать на предмет атрибуции Достоевскому [СМАЛТ]. В результате анализа с использованием нейросети «Трансформер» статью «Литературные антиквари и большой вопрос в маленьких ручках» можно атрибутировать Ф. М. Достоевскому (100%) [СМАЛТ]. Данный текст не проверялся по методике «Лес решений», так как статью нужно проверить на подписанных автором эталонных текстах А. У. Порецкого — «литератора-невидимки», по выражению Н. Н. Страхова [Викторович, 1994]; на данный момент его тексты и их разборы отсутствуют в СМАЛТ.

По тем же 15 параметрам лингвостатистического анализа, согласно методике Г. Хетсо, Ф. М. Достоевскому может принадлежать и вторая часть обзора «Наши домашние дела» — «Мелочи» [СМАЛТ]. В росписи В. С. Нечаевой данная заметка не атрибутирована. До сих пор она не включалась в собрания сочинений писателя. В результате анализа с использованием нейросети «Трансформер» статью «Мелочи» можно атрибутировать Ф. М. Достоевскому [СМАЛТ]. Данный текст не проверялся по методике «Лес решений», так как отсутствует его атрибуция другому автору.

**«Явления современной литературы, пропущенные нашей критикой...»
(«Время», 1861, № 9)**

Редакторская работа Достоевского наглядно показана на примере исправления текста об С. Т. Аксакове в статье «Явления современной литературы, пропущенные нашей критикой. Г-жа Кохановская и ее повести»: «...в результате редакторской правки возникает новый текст, противоположный по смыслу прежнему», «в нем появляется оригинальная идея и новая концепция статьи» [Захаров, 2004: 708]. По 13 из 15 лингвостатистическим параметрам по методике Г. Хетсо Ф. М. Достоевскому может принадлежать статья «Г-жа Кохановская и ее повести» [СМАЛТ]. Впервые статья включена в основной корпус текстов Достоевского в собраниях Д. Θ. и Д18. По результатам использования нейросети «Трансформер» (ввиду непонятных пока причин) отвергается авторство Ф. М. Достоевского — «другому автору» принадлежит 100% текста [СМАЛТ]. По методике определения авторства «Лес решений» текст проверялся в паре «Ф. М. Достоевский против А. А. Григорьева». В результате исследования А. А. Григорьеву может принадлежать небольшой фрагмент текста (7%), 92% могут быть написаны Ф. М. Достоевским [СМАЛТ]. В целом статью можно рассматривать на предмет ее принадлежности Ф. М. Достоевскому.

**«Вопрос об университетах»
(«Время», 1861, № 11)**

Рассматривая историю журнала «Время», В. С. Нечаева обращает внимание на отсутствие в посмертных изданиях писателя «второй части пятой статьи» («Вопроса об университетах») из цикла «Ряд статей о русской литературе»: «Статья пятая. I. Последние литературные явления. Газета “День”» [Нечаева, 1972: 144]. Аргументом в пользу ее принадлежности писателю для исследовательницы является то, что весь цикл «все скрепляли с именем Ф. М. Достоевского», но в то же время она допускает и авторство М. М. Достоевского [Нечаева, 1972: 144–145]. В. А. Туниманов и Г. М. Фридлендер согласились с решением В. С. Нечаевой проблемы авторства статьи «Вопрос об университетах», но отметили, что она ограничилась «в своих доказательствах сугубо тематическими соображениями (стр. 144–149) и не обратилась к стилистическому анализу статьи, который мог бы подкрепить их» [Туниманов, Фридлендер: 240]. Статья «Вопрос об университетах» опубликована как коллективное сочинение в приложении к циклу «Ряд статей о русской литературе», несмотря на то, что один из соавторов неизвестен, а обе части пятой статьи цикла «подготовлены к печати одним лицом» (Ф. М. Достоевским), и его участие в написании второй статьи значительно (Д30; 19: 338). В установлении авторства редакторы тридцатитомного собрания сочинений исходили из целостности двух частей пятой статьи, которая обнаруживается в следующих образах: «полил на

нас целый водопад статей об университетах» (первая часть) и «как водопад, полились статьи об университетах» (вторая часть). В пользу авторства Достоевского выдвинуты ряд соображений: «общая проблематика цикла», которую писатель сформулировал во «Введении», тон полемики с Катковым и «Русским вестником», ироническое воспроизведение идей «Русского вестника», которое характерно для последующих сочинений Достоевского. При этом редакторы отмечают: «Ни один из приведенных аргументов не дает основания приписать статью “Вопрос об университетах” единоличному авторству Достоевского. Но в своей совокупности они свидетельствуют об его участии в ее написании» (Д30; 19: 339). Авторы комментария предлагают разделить статью на три части: начало и конец статьи написаны при «значительном (если не основном) участии» Достоевского, среднюю часть подготовил кто-то другой (например, М. М. Достоевский или Н. Н. Страхов), но и «она, по-видимому, несет на себе определенные следы редактуры писателя» (Д30; 19: 339). Атрибуция Достоевскому статьи «Вопрос об университетах» возможна по 9 из 15 лингвостатистическим параметрам [СМАЛТ]. Статья включена в основной корпус текстов писателя в изданиях Д. О. и Д18. В результате анализа с использованием нейросети «Трансформер» 42% могут принадлежать Ф. М. Достоевскому, 40% — другому автору [СМАЛТ]. По методике определения авторства «Лес решений» текст проверялся в паре «Ф. М. Достоевский против М. М. Достоевского». В результате исследования Ф. М. Достоевскому возможна атрибуция 86% текста, М. М. Достоевскому — 1% статьи, они могут быть соавторами 11% статьи [СМАЛТ]. Таким образом, по методике определения авторства «Лес решений» возможна атрибуция текста Ф. М. Достоевскому.

«Разные разности»
(«Время», 1861, № 2)

Фельетон «Разные разности» приписан Достоевскому О. фон Шульцем [Schoultz: 7]. Г. М. Фридлиндер отверг его атрибуцию (Д30; 27: 175). Соглашаясь с гипотезой и аргументами О. фон Шульца, В. Н. Захаров предположил, что здесь повторилась история с фельетоном «Петербургские сновидения в стихах и прозе», в котором остались стихи Д. Минаева, но была дописана «проза». Так и в этом фельетоне остались «пародийные “стишки”, которые обозревали новости журнальной жизни: смерть лжепророка Ивана Яковлевича Корейши, очередные пророчества шотландского пастора Кеммина о конце света, скандал на харьковском маскараде и скандал в русском обществе по поводу розог» «безымянного фельетониста», а Достоевскому «пришлось писать прозаическую часть фельетона» [Захаров, 2004: 814]. 13 из 15 лингвостатистических параметров могут свидетельствовать о том, что фельетон «Разные разности» представляет собой глубокую редакторскую переработку первоначального текста, которая подтверждается лингвостатистическим и идейно-тематическим анализом [СМАЛТ]. Фельетон включен

в раздел «Редакторская работа» в изданиях *Д. Θ.* и *Д18*. В результате анализа с использованием нейросети «Трансформер» 100% текста фельетона можно атрибутировать Ф. М. Достоевскому [СМАЛТ]. Данный текст не проверялся по методике «Лес решений», так как отсутствует его атрибуция другому автору.

**«Подводный камень. Роман М. Авдеева»
(«Время», 1861, № 1)**

О. фон Шульц был первым, кто приписал Достоевскому статью «Подводный камень. Роман М. Авдеева. В двух частях. Современник, 1860, № X и XI». Б. В. Томашевский атрибутировал ее Н. Н. Страхову [Томашевский: 609]. Не согласившись с Томашевским, В. С. Нечаева указала автором статьи М. П. Погодина (под вопросом) [Нечаева, 1975: 234]. В. Н. Захаров принял атрибуцию О. фон Шульца и включил в корпус текстов Достоевского (см.: *Д. Θ.* и *Д18*). На основании 14 из 15 лингвостатистических параметров по методике Г. Хетсо статью можно атрибутировать Достоевскому [СМАЛТ]. В результате анализа с помощью нейросети «Трансформер» обнаружилось 35% текста, которые могут принадлежать Ф. М. Достоевскому, и 64% — другому автору [СМАЛТ]. Использование методики определения авторства «Лес решений» в паре «Ф. М. Достоевский против Н. Н. Страхова» дало следующий результат: Ф. М. Достоевский может быть автором 91% текста статьи, возможность авторства Н. Н. Страхова равна 0% [СМАЛТ].

**«Литературные воспоминания И. Панаева»
(«Время», 1861, №№ 3 и 12)**

Статья «Литературные воспоминания И. Панаева. Часть первая. Современник 1861. № 1 и 2» получила 7 из 15 лингвостатистических параметров по методике Г. Хетсо за ее атрибуцию Ф. М. Достоевскому [СМАЛТ]. По второй статье «Литературные воспоминания И. Панаева. Часть вторая (Соврем. 1861 г. кн. IX, X, XI)» авторство Ф. М. Достоевского допускается по 10 из 15 лингвостатистическим параметрам, согласно методике Г. Хетсо [СМАЛТ]. Эти результаты можно понять как указание на соавторство. В. С. Нечаева со ссылкой на Б. В. Томашевского атрибутирует эту статью Н. Н. Страхову (под вопросом) [Нечаева, 1975: 262]. Обе статьи включены в раздел редакторской работы Достоевского с указанием на возможное соавторство Страхова в изданиях *Д. Θ.* и *Д18*.

В результате анализа с использованием нейросети «Трансформер» в первой статье о литературных воспоминаниях И. Панаева Ф. М. Достоевскому можно атрибутировать 56% текста, другому автору — 38% [СМАЛТ]. Похожий результат получен при использовании методики определения авторства «Лес решений» в паре «Ф. М. Достоевский против Н. Н. Страхова»: Ф. М. Достоевскому принадлежит 65% текста, Н. Н. Страхову — 27% [СМАЛТ]. В результате анализа с использованием нейросети «Трансформер» из рецензии на

вторую часть воспоминаний Панаева неизвестному автору можно атрибутировать 65% текста, Ф. М. Достоевскому — 24% [СМАЛТ]. Похожий результат получен при использовании методики определения авторства «Лес решений» в паре «Достоевский против Страхова»: Н. Н. Страхову принадлежит 70% текста, Ф. М. Достоевскому — 27% [СМАЛТ]. Результаты исследования позволяют рассматривать обе рецензии на «Литературные воспоминания И. Панаева» как редакторскую работу писателя или текст, написанный в соавторстве.

«Бесцветные явления. Быль молодцу не укор»

(«Время», 1861, № 8)

«Критики-этнографы. Малороссийский писатель Гоголь...»

(«Время», 1862, № 1)

В этот же раздел «Редакторская работа» могут быть включены статьи «Бесцветные явления. Быль молодцу не укор. Новая комедия г. Н. Потехина. “Отеч. Записки”, № 7 Июль» и «Критики-этнографы. Малороссийский писатель Гоголь по гг. Кулишу и Максимовичу. (“Основа”, 1861, кн. 4, 5 и 9; “День” № 3, 5, 7 и 9)» (см.: Д. Θ. и Д18). Первая статья по 14 из 15 лингвостатистическим параметрам по методике Г. Хетсо может быть приписана Ф. М. Достоевскому [СМАЛТ]. По результатам нейросети «Трансформер» в тексте статьи о комедии Н. Потехина Ф. М. Достоевскому можно атрибутировать 38% текста, другому автору — 48% [СМАЛТ]. Данный текст не проверялся по методике «Лес решений», так как отсутствует его атрибуция другому автору.

Статья «Критики-этнографы» может быть атрибутирована Достоевскому по 8 из 15 лингвостатистическим параметрам по методике Г. Хетсо [СМАЛТ]. По результатам нейросети «Трансформер» Ф. М. Достоевскому можно атрибутировать 96% текста статьи [СМАЛТ]. Текст не проверялся по методике «Лес решений», так как отсутствует его атрибуция другому автору. Полученные данные могут свидетельствовать либо о редакторской переработке текста, либо о соавторстве с кем-то из сотрудников журнала.

«Некоторые размышления по поводу некоторых вопросов»

(«Время», 1861, № 4)

Л. П. Гроссман указал, что фельетон «Некоторые размышления по поводу некоторых вопросов» написан в манере Ф. М. Достоевского, которого Катков посчитал автором этого фельетона [Гроссман; 23: 102]. В. С. Нечаева отметила, что авторство П. Кускова раскрыто Достоевским в статье «Литературная истерика» [Нечаева, 1972: 262]. Тем не менее по 14 из 15 параметрам лингвостатистического анализа по методике Г. Хетсо фельетон можно атрибутировать Ф. М. Достоевскому [СМАЛТ]. В исследовании с использованием нейросети «Трансформер» в фельетоне можно обнаружить участие Ф. М. Достоевского, которому может принадлежать 55% текста, другому автору — 37% [СМАЛТ]. Текст не проверялся по методике «Лес решений».

**«Стихотворения А. Н. Плещеева»
(«Время», 1861, № 4)**

Предположение о принадлежности Ф. М. Достоевскому статьи «Стихотворения А. Н. Плещеева» высказал Оскар фон Шульц [Schoultz: 7]. В. С. Нечаева приписала статью М. М. Достоевскому. Основанием для ее атрибуции стало письмо А. Н. Плещеева к А. П. Милюкову от 8 июля 1861 г., в котором поэт с некоторым оттенком обиды приписывал рецензию М. М. Достоевскому [Кийко: 286]. Атрибуцию О. фон Шульца отверг Г. М. Фридлиндер (Д30; 27: 175–176). Статья по всем 15 лингвостатистическим параметрам по методике Г. Хетсо может принадлежать Ф. М. Достоевскому [СМАЛТ]. В результате анализа с использованием нейросети «Трансформер» 66% рецензии может принадлежать Ф. М. Достоевскому, другому автору — 23% [СМАЛТ]. По методике определения авторства «Лес решений» возможность атрибуции статьи М. М. Достоевскому оценена отрицательно (0%), Ф. М. Достоевский может быть автором 92% рецензии [СМАЛТ].

**«Сочинения К. С. Аксакова»
(«Время», 1862, № 3)**

Статья «Сочинения К. С. Аксакова. Т. I. Москва. 1861» ранее атрибутировалась М. М. Достоевскому. По 14 из 15 лингвостатистическим параметрам по методике Г. Хетсо ее можно рассматривать на предмет атрибуции Ф. М. Достоевскому [СМАЛТ]. Этот результат противоречит стилю статьи, для которой характерно последовательное линейное развитие мысли. Статья не имеет особенностей стиля Ф. М. Достоевского: в ней дана спокойная, ровная, лишенная эмоциональной выразительности критика в адрес славянофилов. После слов: «Главное, что Аксаков обратил внимание...» — стиль меняется, происходит некоторое оживление повествования, но без индивидуальной выразительности, характерной для Ф. М. Достоевского. Концептуальные положения, высказанные в конце статьи, могли быть следствием не только редактирования статьи, но и ее обсуждения. По результатам исследования с использованием нейросети «Трансформер» авторство Ф. М. Достоевского отвергается на 100% [СМАЛТ]. «Лес решений» допустил его участие в небольшом фрагменте (около 13% текста), 83% принадлежат М. М. Достоевскому [СМАЛТ].

«Пожары. Статья первая»

Статья «Пожары. Статья первая» была запрещена цензурой 1 июня 1862 года. По мнению В. С. Нечаевой, «нельзя определить, кто был ее автор, но, несомненно, она выражала позицию редакции журнала» [Нечаева, 1972: 298]. Она обращает внимание на смелость, с которой автор вступает за молодежь, издевается «над паническими страхом верховной бюрократии», указывает на «злостный характер соединения факта появления прокламации

с последовавшими почти тотчас после петербургскими пожарами» [Нечаева, 1972: 299]. Эти слова в равной мере можно отнести к М. М. Достоевскому. Его пометы, исправления, вставки имеются на гранках статьи, представленной в цензурный комитет [ЛН, 1976: 16–54]. По результатам исследования согласно методике Г. Хетсо (13 из 15 параметров) ее можно рассматривать на предмет атрибуции Ф. М. Достоевскому [СМАЛТ]. В результате анализа с использованием нейросети «Трансформер» Ф. М. Достоевскому принадлежит 100% текста [СМАЛТ]. По методике определения авторства «Лес решений» текст проверялся в паре «Ф. М. Достоевский против М. М. Достоевского». В результате исследования Ф. М. Достоевскому возможна атрибуция 100% текста [СМАЛТ].

**«Несколько слов о Ристори»
(«Время», 1861, № 2)**

Авторство статьи «Несколько слов о Ристори» В. С. Нечаева вслед за Б. Ф. Егоровым приписала А. А. Григорьеву [Нечаева, 1975: 235]. Эту атрибуцию опроверг В. А. Туниманов, который назвал автором статьи Е. А. Моллера [Туниманов, 1976: 204]. По 12 из 15 лингвостатистическим параметрам по методике Г. Хетсо можно рассматривать принадлежность статьи Ф. М. Достоевскому [СМАЛТ]. По результатам исследований с использованием нейросети «Трансформер» Ф. М. Достоевскому принадлежит 10% текста, «другому автору» — 89% [СМАЛТ]. Принадлежность текста Е. А. Моллеру не проверялась по методике «Лес решений» ввиду отсутствия эталонных текстов этого автора.

**«Гадательные книжки и снотолкователи»
(«Время», 1861, № 2)**

Статью «Гадательные книжки и снотолкователи» В. С. Нечаева приписала А. Н. Майкову (под вопросом) [Нечаева, 1975: 235]. Поводом для такой атрибуции стала запись в гонорарной книге от 12 февраля 1861 г.: «За разбор в № 2 “Времени” А. Майкову — 21 р. 88 к.». По свидетельству В. С. Нечаевой, есть подобная запись в приходно-расходном журнале: «Майкову за № 2 — 21 р. 88 к.» [Нечаева, 1975: 262]. По 12 из 15 лингвостатистическим параметрам согласно методике Г. Хетсо статья может принадлежать Ф. М. Достоевскому [СМАЛТ]. В результате исследования с использованием нейросети «Трансформер» Ф. М. Достоевскому можно атрибутировать 100% текста [СМАЛТ]. Это явно ошибочный результат искусственного интеллекта. Принадлежность этой статьи А. Н. Майкову подтверждается суммой и подписью автора в гонорарной ведомости. Данный текст не проверялся по методике «Лес решений» ввиду отсутствия в СМАЛТ эталонных текстов А. Н. Майкова.

**«По поводу одной драмы. (“Ребенок”, драма г. Боборыкина)»
 («Время», 1861, № 5)**

Статью «По поводу одной драмы. (“Ребенок”, драма г. Боборыкина. Библиотека для Чтения. Январь. 1861 года)» О. фон Шульц атрибутировал Ф. М. Достоевскому [Schoultz: 7]. Б. В. Томашевский отметил, что, так как к статье есть редакционное примечание, атрибуция О. фон Шульца маловероятна. Он предположил, что статья написана А. А. Григорьевым [Томашевский: 610]. Согласившись с суждением Б. В. Томашевского, что Ф. М. Достоевский не мог быть автором статьи, Б. Ф. Егоров поставил под сомнение и авторство А. А. Григорьева и включил ее в список «неверно приписываемых Ап. Григорьеву статей» [Егоров: 245]. Б. Ф. Егоров привел следующие доказательства своей точки зрения: оценка пушкинской Татьяны, которую «никогда бы не допустил Григорьев», в споре западников и славянофилов автор отдает «предпочтение западничеству», статья написана от лица автора, который в 1844–1845 гг. был студентом, стиль статьи «фельетонный, легковесный» не характерен для Григорьева [Егоров: 245]. В росписи «Времени» В. С. Нечаева дала атрибуцию статьи А. А. Григорьеву под вопросом [Нечаева, 1975: 237]. Г. М. Фридлиндер отверг гипотезу О. фон Шульца (*ДЗ0*; 27: 176). По 13 из 15 лингвостатистическим параметрам по методике Г. Хетсо статью можно рассматривать на предмет атрибуции Ф. М. Достоевскому [СМАЛТ]. В результате исследования с использованием нейросети «Трансформер» Ф. М. Достоевскому можно атрибутировать 92% текста, другому автору — 3% [СМАЛТ]. По методике определения авторства «Лес решений» текст проверялся в паре «Ф. М. Достоевский против А. А. Григорьева». В результате Ф. М. Достоевскому возможна атрибуция 60% текста, Григорьеву — 36% [СМАЛТ].

**«Несколько слов о г. Писемском по поводу его сочинений»
 («Время», 1861, № 7)**

На наш взгляд, сомнительны результаты атрибуции статьи «Несколько слов о г. Писемском по поводу его сочинений. Том I. Изд. Стелловского. Спб. 1861 г.». Ее приписывали Н. Н. Страхову на основании включения ее во второй том его «Критических статей». Несмотря на возможность отнесения статьи Ф. М. Достоевскому по всем 15 из 15 лингвостатистических параметров по методике Г. Хетсо [СМАЛТ], в статье преобладает менторский стиль, в начале абзацев присутствует страховская неопределенность. Результат лингвостатистического анализа данной статьи можно рассматривать как ошибку второго рода. Стилистический анализ опровергает выводы лингвостатистического исследования по методике Хетсо. В результате исследования с использованием нейросети «Трансформер» Ф. М. Достоевский не может быть автором статьи (результат — 0%) [СМАЛТ]. По методике определения авторства «Лес решений» текст проверялся в паре «Ф. М. Достоевский против Н. Н. Страхова». В результате исследования Ф. М. Достоевскому возможна атрибуция 27% текста, Н. Н. Страхову — 66% [СМАЛТ].

**«О постепенном, но быстром и повсеместном распространении
невежества и безграмотности...»
(«Время», 1861, № 3)**

Среди результатов есть сомнительная атрибуция Ф. М. Достоевскому статьи А. А. Григорьева «О постепенном, но быстром и повсеместном распространении невежества и безграмотности в российской словесности (Из заметок ненужного человека)», подписанная псевдонимом А. А. Григорьева *Один из ненужных людей* [Масанов; 2: 291]. Она получила 10 из 15 лингвостатистических параметров по методике Г. Хетсо в пользу авторства Ф. М. Достоевского [СМАЛТ]. В результате исследования с использованием нейросети «Трансформер» 20% текста можно атрибутировать Ф. М. Достоевскому, другому автору — 57% [СМАЛТ]. По методике определения авторства «Лес решений» текст проверялся в паре «Ф. М. Достоевский против А. А. Григорьева»: Достоевскому возможна атрибуция 32% текста, Григорьеву — 65% [СМАЛТ].

**«Записки князя Талейрана»
(«Время», 1862, № 2)**

В. С. Нечаева атрибутировала М. И. Владиславлеву статью «Записки князя Талейрана. (Собранные и изданные графиней О... дю К..., перевод с французского. Четыре части. Москва 1861 года)» на основании гонорарной книги и письма М. М. Достоевского М. И. Владиславлеву [Нечаева, 1975: 265]. Однако по 14 из 15 параметрам лингвостатистического анализа ее можно приписать Ф. М. Достоевскому [СМАЛТ]. В результате исследования с использованием нейросети «Трансформер» атрибутировать текст Ф. М. Достоевскому нельзя, так как 100% текста приписывается «другому автору» [СМАЛТ]. По методике определения авторства «Лес решений» текст не проверялся. Несмотря на противоречивые статистические данные, полученные по методике Г. Хетсо, документальные источники и результаты анализа с использованием нейросети «Трансформер» являются достаточным основанием для признания авторства М. И. Владиславлева по отношению к этой статье.

**«Политическое обозрение»
(«Эпоха», 1864, № 9)**

Заслуживают внимания отрицательные вердикты. Так, В. С. Нечаева предположила, что «Политическое обозрение» могло быть написано в соавторстве Ф. М. Достоевского (под вопросом) с А. А. Головачевым [Нечаева, 1975: 258]. Ф. М. Достоевскому исследовательница приписывает начало обозрения, основанием для атрибуции статьи А. А. Головачеву является запись в гонорарной книге от 27 ноября: «Головачеву 81 р. 25» [Нечаева, 1975: 270]. По 12 из 15 лингвостатистическим параметрам по методике Г. Хетсо отвергнуто авторство Ф. М. Достоевского «Политического обозрения» [СМАЛТ].

В результате исследования с использованием нейросети «Трансформер» атрибутировать текст Достоевскому нельзя, так как 100% приписывается другому автору [СМАЛТ]. По методике определения авторства «Лес решений» текст не проверялся.

**«Выставка в Академии художеств за 1860–1861 год»
(«Время», 1861, № 10)**

Статью «Выставка в Академии художеств за 1860–1861 год» приписали Ф. М. Достоевскому Л. П. Гроссман и О. фон Шульц, их атрибуцию поддержал Г. М. Фридендер. По мнению Шульца, она имеет «большую художественную ценность для всех исследователей творчества Достоевского»² [Schoultz: 12]. На анализе этой статьи Шульц останавливается подробно и разъясняет свой метод доказательств авторства Достоевского. Шульц представляет Достоевского не только талантливым писателем, но и тонко чувствующим знатоком, ценителем музыкальных и живописных произведений. В доказательство своей правоты он приводит рисунки Достоевского на полях рукописи «Жизнь великого грешника», описание картин в романах «Подросток», «Бесы», «Преступление и Наказание», «Идиот» и т. д. В пользу авторства Достоевского Шульц приводит и другие аргументы: знакомство автора статьи с жизнью заключенных, которое обнаруживается в описании картины Якоби «Привал арестантов», язык и содержание статьи. Шульц обращает внимание на особенность личности писателя, который был спокойным, сдержанным и погруженным в свои мысли лишь до тех пор, пока речь не заходила до волновавших его вещей, после чего он становился страстным: «...рвение и вдохновение, злоба и негодование овладевали им» [Schoultz: 31]. Такие же перемены обнаруживаются в языке Достоевского: «...в рвении доказать другим, что самому видится так ясно, он придавал словам новую окраску с помощью аугментативных (увеличительно-усиливающих. — О. З.) или диминутивных (уменьшительно-ласкательных. — О. З.) форм, повторял их, употребляя синонимичные слова и выражения. Приходя в такой пыл, он писал сбивчивыми фразами, наполненными повторами и уточнениями разного рода. Из-за этого язык казался каким-то вычурным и тяжелым. Если есть повод думать, что статья принадлежит Достоевскому и по другим причинам, частью которых являются подобные преобразования слова, то справедливо было бы говорить о Достоевском действительно как об авторе этой статьи. Анализ ее с этой точки зрения показал, что статья просто переполнена эмоционально-оценочной лексикой» [Schoultz: 31]. Далее исследователь приводит список эмоционально-оценочных слов, схожих по смыслу или синонимичных слов, выражений и предложений. Еще одна особенность языка публицистических статей Достоевского, которая была отмечена В. Л. Комаровичем, — «рвение и пыл» писателя выражается «постоянно возвращающимися обращениями во 2 лице, которые иногда переходят в настоящий диалог» [Schoultz: 34]. Эта

особенность языка присутствует и в данной статье. Еще одним аргументом Достоевского является то, что, дав нам описание картины, автор представляет продолжение этой сцены: в результате мы видим «искусного романиста и искусственного психолога» [Schoultz: 35]. Шульц заключает, что «автор статьи по профессии не живописец, а писатель. Это заметно по его многочисленным сравнениям художников и картин с писателями и различными литературными произведениями» [Schoultz: 36]. Для Достоевского характерна любовь к Пушкину и Гоголю. Шульц отмечает особое отношение автора статьи к Гоголю, который упоминается в ней три раза. Есть в этой статье совпадения со статьей «По поводу выставки» («Гражданин», 1873, № 13). Образ мерзкого и гадкого, ужасного паукообразного животного встречается во многих произведениях Достоевского [Schoultz: 38–40].

Оспаривая выводы Б. В. Томашевского об атрибуции этой статьи П. А. Кускову, В. С. Нечаева выделяет в ней небольшую часть, принадлежащую Достоевскому, и вторую часть, написанную другим автором (по ее мнению, Я. П. Полонским). Она замечает: «...считая Ф. М. Достоевского автором первых пяти страниц статьи о “Выставке в Академии художеств за 1860–1861 год”, т. е. описания и критики картины Якоби “Партия арестантов на привале”, мы думаем, что следующие 22 страницы написаны лицом, близко стоявшим к современной художественной жизни, следившим за ней (автор вспоминает выставки прежних лет), свободно ориентировавшимся в ее направлениях и специфике творчества разных авторов» [Нечаева, 1972: 264]. Она приводит ряд аргументов: Полонский сам был художником, был хорошо знаком с швейцарским и русским искусством. Главным аргументом принадлежности второй части Я. П. Полонскому В. С. Нечаева считает запись о выплате гонорара в 50 рублей за прозу 2 ноября 1861 г. [Нечаева, 1972: 264]. В примечании к статье в росписи содержания номеров «Времени» приведены еще два аргумента: первый — «он был автором статьи “О выставке в Академии художеств”, помещенной в “Русском слове” (1860, № 10, 11, 12)», второй — ему были свойственны «суждения о пейзажистах, в частности швейцарских», об этом «свидетельствует реплика одного из персонажей его пьесы “Свет и его тени” (“Эпоха”, 1865, № 1): “Вообрази, Aline, видит пейзаж Каляма, а уверяет, что Айвазовский”» [Нечаева, 1975: 264]. Пока принадлежность второй части Полонскому остается личным мнением исследовательницы, его необходимо проверить, а далее подтвердить или отклонить. Основанием атрибуции данной статьи стали многочисленные характерные приметы стиля Достоевского: «частые обращения к упоминаемым (или воображаемым) лицам», «повторение одинаковых или близких по смыслу слов и понятий с целью усиления эмоционального эффекта», «уточнения внутри фразы, придающие ее течению как бы нервный, “спотыкающийся” характер» (Д30; 19: 315), тематическая близость к «Запискам из Мертвого Дома».

Первый лингвостатистический анализ провел Г. Хетсо, в результате которого он отверг принадлежность ее писателю. Повторив исследование

Г. Хетсо, мы получили 13 из 15 лингвостатистических параметров против принадлежности статьи Ф. М. Достоевскому [СМАЛТ]. По результатам исследования с использованием нейросети «Трансформер» Достоевскому можно атрибутировать 10% текста, 88% — приписывается другому автору [СМАЛТ]. По методике определения авторства «Лес решений» текст не проверялся.

При разделении статьи на три части получаются другие результаты. Первая часть начинается со слов: «На выставке есть одна картина перед...», вторая: «Где взять натуру чтобы написать тело...» и третья: «Знаменитый герой охотничьих карикатур Хама барон...». Ранее В. Н. Захаров атрибутировал первую часть Ф. М. Достоевскому, третью — П. М. Ковалевскому [Захаров; 2004: 706], вторая часть — отредактированный Достоевским чужой текст. При проверке эксперимента 2002 г. были получены следующие результаты: первая часть по 14 из 15 лингвостатистическим параметрам по методике Г. Хетсо могла принадлежать Достоевскому, вторая часть — по 13 из 15, третья, несмотря на ее стилистическую чужеродность Достоевскому, может атрибутироваться по 12 из 15 параметрам [СМАЛТ]. Таким образом, каждая из частей может принадлежать Достоевскому, несмотря на то, что по эксперименту 2002 г. Достоевскому могла быть атрибутирована только первая часть статьи [Сидоров]. По результатам исследования с использованием нейросети «Трансформер» Ф. М. Достоевскому может быть атрибутирована первая часть, вторая и третья части принадлежат другому автору [СМАЛТ]. Пока не удалось разобраться в противоречивых данных экспериментов разных лет.

«По поводу годичной выставки в Академии художеств»
(«Время», 1862, № 10)

По 14 из 15 лингвостатистическим параметрам по методике Г. Хетсо статья П. Ковалевского «По поводу годичной выставки в Академии художеств» не содержит признаков стиля Ф. М. Достоевского [СМАЛТ]. Этот результат подтверждает атрибуцию текста П. Ковалевскому В. С. Нечаевой, основанием для которой стала запись в приходно-расходной книге: «1863, 7 январь. За прошлый год. Ковалевскому — 138» [Нечаева, 1975: 267]. При исследовании с использованием нейросети «Трансформер» Достоевскому можно атрибутировать 7% текста, 90% — приписывается другому автору [СМАЛТ]. По методике определения авторства «Лес решений» текст не проверялся.

«Наши домашние дела. Старый год и его судьбы»
(«Эпоха», 1864, № 12)

В росписи номеров «Эпохи», подготовленной В. С. Нечаевой, обозрение «Наши домашние дела. Старый год и его судьбы» атрибутировано Ф. М. Достоевскому (под вопросом) [Нечаева, 1975: 259]. Она приписала Достоевскому «первые шесть страниц», «остальные — о железной дороге, возможно

Порецкому» [Нечаева, 1975: 259]. По 12 из 15 лингвостатистическим параметрам по методике Г. Хетсо обозрение не может быть атрибутировано Достоевскому [СМАЛТ]. По результатам исследования с использованием нейросети «Трансформер» Достоевскому можно атрибутировать 75% текста, 19% — приписывается другому автору [СМАЛТ]. По методике определения авторства «Лес решений» текст не проверялся.

«Взгляд на книги и журнальные статьи, касающиеся истории русского народного быта»
(«Время», 1861, № 4)

В обсуждении атрибуции статьи «Взгляд на книги и журнальные статьи, касающиеся истории русского народного быта» Б. Ф. Егоров обнаружил повторение идей, высказанных А. А. Григорьевым в подписанных им статьях «Западничество в русской литературе» («Время», 1861, № 3) и «Белинский и отрицательный взгляд в литературе» («Время», 1861, № 4) [Егоров: 237]. По его мнению, «идеи, стиль и термины характерны только для Григорьева» [Егоров: 237]. Эту атрибуцию поддержала В. С. Нечаева [Нечаева, 1975: 236]. По 12 из 15 лингвостатистическим параметрам по методике Г. Хетсо статья «Взгляд на книги и журнальные статьи» не принадлежит Ф. М. Достоевскому [СМАЛТ]. В результате исследования с использованием нейросети «Трансформер» можно атрибутировать Достоевскому 43% текста, 52% — приписывается другому автору [СМАЛТ]. По методике определения авторства «Лес решений» текст проверялся в паре «Ф. М. Достоевский против А. А. Григорьева». В результате исследования Ф. М. Достоевскому возможна атрибуция 25% текста, А. А. Григорьеву — 73% [СМАЛТ].

«Политическое обозрение»
(«Эпоха», 1864, № 8)

В росписи номеров «Эпохи», подготовленной В. С. Нечаевой, автором «Политического обозрения» назван А. А. Головачев [Нечаева, 1975: 257]. Основанием такой атрибуции является запись в приходно-расходной книге от 23 октября 1864 г.: «Головачеву — 112 —» [Нечаева, 1975: 270]. По 13 из 15 лингвостатистическим параметрам по методике Г. Хетсо данную статью из рубрики «Политическое обозрение» нельзя атрибутировать Ф. М. Достоевскому [СМАЛТ]. В результате исследования с использованием нейросети «Трансформер» Ф. М. Достоевскому можно атрибутировать 41% текста, 44% — приписывается другому автору [СМАЛТ]. По методике определения авторства «Лес решений» текст не проверялся.

«Политическое обозрение. Общий обзор главнейших политических событий прошедшего года»
(«Эпоха», 1864, № 12)

Не исключая участие Ф. М. Достоевского в «Политическом обозрении. Общий обзор главнейших политических событий прошедшего года»,

В. С. Нечаева атрибутирует его К. Немшевичу (под вопросом) [Нечаева, 1975: 259, 271]. Основанием для такой атрибуции являются записи в гонимой и приходно-расходной книгах: от 10 февраля 1865 г.: «За статью в декабре 1864 получил сто рублей. Константин Немшевич», от 16 февраля: «Немшевичу — 100» [Нечаева, 1975: 271]. Предположение о возможном участии Достоевского в этом обозрении В. С. Нечаева аргументирует тем, что в нем встречается редакционное «мы», в содержании его есть рассуждения о папе и роли католичества в Европе, которые близки Достоевскому [Нечаева, 1975: 84]. Принадлежность Ф. М. Достоевскому данного «Политического обозрения» отрицается по 15 лингвостатистическим параметрам по методике Г. Хетсо [СМАЛТ]. В результате исследования с использованием нейросети «Трансформер» Достоевскому можно атрибутировать 41% текста, 44% — приписывается другому автору [СМАЛТ]. По методике определения авторства «Лес решений» текст не проверялся.

В исследовании 2000–2002 гг., когда проблема атрибуции ставилась «или Достоевский, или не Достоевский» и решалась на ограниченном материале, результаты были более однозначными и определенными. Расширение источниковой базы с включением текстов М. М. Достоевского, А. А. Григорьева, Н. Н. Страхова и других авторов обнаружило, что ряд их текстов оказался в спектре лингвостилистических параметров Ф. М. Достоевского. Полученные результаты обостряют проблему атрибуции и разделения ряда текстов между Ф. М. Достоевским и М. М. Достоевским, Ф. М. Достоевским и Н. Н. Страховым, Ф. М. Достоевским и А. А. Григорьевым. Следует разобраться в этом казусе. Необходимы комплексные исследования документальных источников, стилистических особенностей, лингвостатистических параметров, методов математической статистики (дерево решений, лес решений, трансформер и т. д.).

Нужна корреляция различных методик. Наличие результатов, которые могут быть учтены по принципу дополнительности, расширяет возможности методов атрибуции.

Источники

1. *Масанов* — Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: в 4 т. М.: Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1956–1960.

Примечания

- ¹ А. А. Григорьеву принадлежат следующие тексты в журнале «Время». Подписанные статьи: «Народность и литература», «Западничество в русской литературе», «Тарас Шевченко», «Белинский и отрицательный взгляд в литературе», «Оппозиция застоя. Черты из истории мракобесия»; анонимные статьи, приписываемые Григорьеву: «Знаменитые европейские писатели перед судом русской критики», «Явления современной литературы, пропущенные нашей критикой. Граф Л. Толстой и его сочинения», «О постепенном, но быстром и повсеместном распространении невежества и безграмотности

в российской словесности (из записок ненужного человека)», «Явления современной литературы, пропущенные нашей критикой. II. «Псковитянка», драма Л. Мея», «Взгляд на книги и журнальные статьи, касающиеся истории русского народного быта».

² Здесь и далее текст цитируется по неопубликованному переводу Н. В. Черепановой.

Список литературы

1. Викторovich В. А. Литератор-невидимка. Из цикла «Спутники Достоевского» // Лица: Биографический альманах. М.; СПб.: Феникс: Atheneum. 1994. Вып. 4. С. 72–94.
2. Виноградов В. В. Генслер и Достоевский — редактор «Гаванских сцен» // Русская литература. 1964. № 2. С. 71–91.
3. Гроссман Л. П. Комментарии. Дополнения: Забытые и неизвестные страницы // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 23 т. Пг.: Просвещение, 1918. Т. 22. 279 с.; Т. 23. 525 с.
4. Д1918 — Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 23 т. Пг.: Просвещение, 1918. Т. 22. 279 с.; Т. 23. 525 с.
5. Д30 — Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
6. Д18 — Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 18 т. М.: Воскресенье, 2003–2005.
7. Ө. Д. — Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: канонические тексты / изд. в авторской орфографии и пунктуации под ред. проф. В. Н. Захарова. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1995–2015.
8. Дубовик А. Р. Автоматическое определение стилистической принадлежности текстов по их статистическим параметрам // Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии: сб. науч. ст.: труды XX Международной объединенной научной конференции «Интернет и современное общество», IMS-2017 (Санкт-Петербург, 21–23 июня 2017 г.). СПб.: Университет ИТМО, 2017. Вып. 1. С. 29–45.
9. Егоров Б. Ф. Аполлон Григорьев — критик. Статья 1. Приложения: Библиография статей и писем Ап. Григорьева // Ученые записки Тартуского государственного университета. Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1960. Т. 98. С. 194–246.
10. Захаров В. Н. Примечания // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: канонические тексты. Петрозаводск: ПетрГУ, 2004. Т. 5. С. 693–925.
11. Захаров В. Н. Имя автора — Достоевский. Очерк творчества. М.: Индрик, 2013. 456 с.
12. Захаров В. Н. О статусе редакционных статей в изданиях Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2017. № 1. С. 3–17 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1493122152.pdf (20.09.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2017.3083
13. Кийко Е. И. Письма А. Н. Плещеева А. П. Милюкову // Литературный архив: материалы по истории литературы и общественного движения: в 6 т. М.; Л.: АН СССР, 1961. Т. 6. С. 272–295.
14. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского, 1821–1881: в 3 т. СПб., 1999. Т. 1. 1821–1864. 544 с.
15. ЛН — Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1973. 790 с. (Литературное наследство; т. 86).
16. Марусенко М. А. Атрибуция анонимных и псевдонимных литературных произведений методами теории распознавания образов. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. 164 с.
17. Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». 1861–1863. М.: Наука, 1972. 316 с.
18. Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». 1864–1865. М.: Наука, 1975. 302 с.

19. Рогов А. А., Абрамов Р. В., Бучнева Д. Д., Захарова О. В., Кулаков К. А., Лебедев А. А., Москин Н. Д., Отливанчик А. В., Савинов Е. Д., Сидоров Ю. В. Проблема атрибуции в журналах «Время», «Эпоха» и еженедельнике «Гражданин». Петрозаводск: Острова, 2021. (в печати)
20. Рогов А. А., Абрамов Р. В., Кулаков К. А., Лебедев А. А., Москин Н. Д. Применение деревьев решений для анализа сильных позиций текста в задаче атрибуции произведений Ф. М. Достоевского // Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии: сб. науч. ст.: труды XXIII Международной объединенной научной конференции «Интернет и современное общество» (IMS-2020) (Санкт-Петербург, июнь 17–20, 2020). СПб.: Университет ИТМО, 2020. Вып. 4. С. 118–127.
21. Сидоров Ю. В. Математическая и информационная поддержка методов обработки литературных текстов на основе формально-грамматических параметров: дис. ... канд. техн. наук: 05.13.18 «Математическое моделирование, численные методы и комплексы программ» / Санкт-Пет. ин-т информатики и автоматизации. СПб., 2002. 127 с.
22. СМАЛТ — ИС «СМАЛТ» («Статистические методы анализа литературных текстов») / Рогов А. А., Абрамов Р. В., Бучнева Д. Д., Захарова О. В., Кулаков К. А., Лебедев А. А., Москин Н. Д., Отливанчик А. В., Савинов Е. Д., Сидоров Ю. В. [Электронный ресурс]. URL: <http://smalt.karelia.ru/methods/> (25.05.2021).
23. Томашевский Б. В. Достоевский-редактор // Достоевский Ф. М. Полн. собр. худож. произведений: в 13 т. Л.: Гос. изд-во, 1930. Т. 13. С. 559–614.
24. Туниманов В. А., Фридлиндер Г. М. Монография о журнале «Время» // Русская литература. 1973. № 3. С. 238–242.
25. Туниманов В. А. Завершение многолетнего труда // Русская литература. 1976. № 2. С. 199–206.
26. Хетсо Г. Принадлежность Достоевскому: к вопросу об атрибуции Ф. М. Достоевскому анонимных статей в журналах «Время» и «Эпоха». Oslo: Solum Forlag A. S., 1986. 82 с.
27. Radford A., Wu J., Child R., Luan D., Amodi D., Sutskever I. Language models are unsupervised multitask learners // OpenAI Blog. 2019. Vol. 1. № 8.
28. Schoultz O. von. Ein Dostojewskij-Fund. Helsingfors: Helsingfors Centraltryckeri, 1924. 56 p.

References

1. Viktorovich V. A. An Invisible Writer. From the Series “Dostoevsky’s Companions”. In: *Litsa: Biograficheskij al'manakh [Persons: Biographic Almanac]*. Moscow, St. Petersburg, 1994, issue 4, pp. 72–94. (In Russ.)
2. Vinogradov V. V. Ivan Gensler and Fyodor Dostoevsky as the Editor of “Havana Scenes”. In: *Russkaya literatura*, 1964, no. 2, pp. 71–91. (In Russ.)
3. Grossman L. P. Comments. Additions: Forgotten and Unknown Pages. In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: v 23 tomakh [Dostoevsky F. M. The Complete Works: in 23 Vols]*. Petrograd, Prosveshchenie Publ., 1918, vol. 22. 279 p.; vol. 23. 525 p. (In Russ.)
4. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 23 tomakh [The Complete Works: in 23 Vols]*. Petrograd, Prosveshchenie Publ., 1918, vol. 22. 279 p.; vol. 23. 525 p. (In Russ.)
5. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh [The Complete Works: in 30 Vols]*. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
6. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 18 tomakh [The Complete Works: in 18 Vols]*. Moscow, Voskresen'e Publ., 2003–2007. (In Russ.)

7. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: kanonicheskie teksty* [The Complete Works: Canonical Texts]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1996–2015. (In Russ.)
8. Dubovik A. R. Automatic Determination of Stylistic Belonging of Text at Their Statistical Parameters. In: *Komp'yuternaya lingvistika i vychislitel'nye ontologii: trudy XX Mezhdunarodnoy ob'yedinennoy nauchnoy konferentsii «Internet i sovremennoe obshchestvo», IMS-2017 (Sankt-Peterburg, 21–23 iyunya 2017 g.)* [Computer Linguistics and Computing Ontologies: Proceedings of the 20th International Joint Scientific Conference “Internet and Modern Society”, IMS-2017 (St. Petersburg, June 21–23, 2017)]. St. Petersburg, ITMO University Publ., issue 1, pp. 29–45. (In Russ.)
9. Egorov B. F. Apollon Grigoriev is a Critic. Article 1. Appendices: Bibliography of Articles and Letters of Ap. Grigoriev. In: *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. Trudy po russkoy i slavyanskoy filologii* [Tartu riikliku ülikooli toimetised. Works on Russian and Slavic Philology]. Tartu, 1960, vol. 98, pp. 194–246. (In Russ.)
10. Zakharov V. N. Notes. In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: kanonicheskie teksty* [Dostoevsky F. M. The Complete Works: Canonical Texts]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2004, vol. 5, pp. 693–925. (In Russ.)
11. Zakharov V. N. *Imya avtora — Dostoevskiy. Ocherk tvorchestva* [The Author's Name Is Dostoevsky. An Essay on Creative Works]. Moscow, Indrik Publ., 2013. 456 p. (In Russ.)
12. Zakharov V. N. On the Status of Editorials in Dostoevsky's Periodicals. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2017, no. 1, pp. 3–17. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1493122152.pdf (accessed on May 20, 2021). DOI: 10.15393/j10.art.2017.3083 (In Russ.)
13. Kiyko E. I. Letters of A. N. Pleshcheev to A. P. Milyukov. In: *Literaturnyy arkhiv: materialy po istorii literatury i obshchestvennogo dvizheniya: v 6 tomakh* [Literary Archive: Materials on the History of Literature and Social Movement: in 6 Vols]. Moscow, Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1961, vol. 6, pp. 272–295. (In Russ.)
14. *Letopis' zhizni i tvorchestva F. M. Dostoevskogo, 1821–1881: v 3 tomakh* [The Chronicle of Dostoevsky's Life and Works, 1821–1881: in 3 Vols]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1999, vol. 1: 1821–1864. 544 p. (In Russ.)
15. *F. M. Dostoevskiy. Novye Materialy i issledovaniya* [Fedor Dostoevsky. New Materials and Studies]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 790 p. (Ser. “Literary Heritage”; vol. 86) (In Russ.)
16. Marusenko M. A. *Atributsiya anonimnykh i psevdonimnykh literaturnykh proizvedeniy metodami teorii raspoznavaniya obrazov* [Attribution of Anonymous and Pseudonymous Literary Works Using Methods of the Pattern Recognition Theory]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1990. 164 p. (In Russ.)
17. Nechaeva V. S. *Zhurnal M. M. i F. M. Dostoevskikh «Vremya». 1861–1863* [The Journal of Mikhail and Fyodor Dostoevsky “Vremya”. 1861–1863]. Moscow, Nauka Publ., 1972. 316 p. (In Russ.)
18. Nechaeva V. S. *Zhurnal M. M. i F. M. Dostoevskikh «Epokha». 1864–1865* [The Journal of Mikhail and Fyodor Dostoevsky “Epokha”. 1864–1865]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 302 p. (In Russ.)
19. Rogov A. A., Abramov R. V., Buchneva D. D., Zakharova O. V., Kulakov K. A., Lebedev A. A., Moskin N. D., Otlivanchik A. V., Savinov Ye. D., Sidorov Yu. V. *Problema atributsii v zhurnalakh «Vremya», «Epokha» i ezhenedel'nike «Grazhdanin»* [The Problem of Attribution in the Journals “Vremya”, “Epokha” and the Weekly “Grazhdanin”]. Petrozavodsk, Ostrova Publ., 2021. (In Print). (In Russ.)

20. Rogov A. A., Lebedev A. A., Abramov R. V., Moskin N. D., Kulakov K. A. Application of Decision Trees for Analyzing the Strong Positions of the Text in the Problem of Attribution of Works by F. M. Dostoevsky. In: *Komp'yuternaya lingvistika i vychislitel'nye ontologii: trudy XXIII Mezhdunarodnoy ob'yedinennoy nauchnoy konferentsii «Internet i sovremennoe obshchestvo», IMS-2017 (St. Petersburg, June 17–20, 2020)* [Computer Linguistics and Computing Ontologies: Proceedings of the 23rd International Joint Scientific Conference “Internet and Modern Society”, IMS-2017 (St. Petersburg, June 17–20, 2020)]. St. Petersburg, ITMO University Publ., 2020, issue 4, pp. 118–127. (In Russ.)
21. Sidorov Yu. V. *Matematicheskaya i informatsionnaya podderzhka metodov obrabotki literaturnykh tekstov na osnove formal'no-grammaticheskikh parametrov: dis. ... kand. tekhn. nauk* [Mathematical and Informational Support of Literary Text Processing Methods Based on Formal Grammatical Parameters. PhD. techn. sci. diss.]. St. Petersburg, 2002, 127 p. (In Russ.)
22. SMALT — INFORMATION SYSTEM “SMALT” («Statisticheskie metody analiza literaturnykh tekstov») [“Statistical Methods for the Analysis of Literary Texts”]. Available at: <http://smalt.karelia.ru/methods/> (accessed on May 25, 2021). (In Russ.)
23. Tomashevskiy B. V. Dostoevsky is the Editor. In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie khudozhestvennykh proizvedeniy: v 13 tomakh* [Dostoevsky F. M. The Complete Works of Fiction: in 13 Vols]. Leningrad, Gosizdat Publ., 1930, vol. 13, pp. 559–614. (In Russ.)
24. Tunimanov V. A., Fridlender G. M. Monograph About the Journal “Vremya”. In: *Russkaya literatura*, 1973, no. 3, pp. 238–242. (In Russ.)
25. Tunimanov V. A. Completion of Many Years of Work. In: *Russkaya literatura*, 1976, no. 2, pp. 199–206. (In Russ.)
26. Kjetsaa G. *Prinadlezhnost' Dostoevskomu: k voprosu ob atributsii F. M. Dostoevskomu anonimnykh statey v zhurnalakh «Vremya» i «Epokha»* [Attributed to Dostoevsky: The Problem of Attributing to Dostoevsky Anonymous Articles in «Vremya» (“Time”) and «Epokha» (“Epoch”)]. Oslo, Solum Forlag A. S. Publ., 1986. 82 p. (In Russ.)
27. Radford A., Wu J., Child R., Luan D., Amodei D., Sutskever I. Language Models Are Unsupervised Multitask Learners. In: *OpenAI Blog*, 2019, vol. 1, no. 8. (In English)
28. Schoultz O. von. *Ein Dostojewskij-Fund* [A Dostoevsky Find]. Helsingfors, Helsingfors Centraltryckeri Publ., 1924. 56 p. (In German)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Захарова Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики Института филологии, Петрозаводский государственный университет (пр. Ленина, 33, г. Петрозаводск, Российская Федерация, 185910); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0426-4145>; e-mail: ovzakh05@orcid.org

Olga V. Zakharova, PhD (Philology), Associate Professor of the Department of Classical Literature, Russian Literature and Journalism, Petrozavodsk State University (pr. Lenina 33, Republic of Karelia, Petrozavodsk, 185910, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0426-4145>; e-mail: ovzakh05@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 03.04.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 15.05.2021

Принята к публикации / Accepted 01.06.2021

Дата публикации / Date of publication 05.07.2021

Неустановленные имена в «первой» записной тетради Ф. М. Достоевского (1864–1865 гг.)

М. В. Заваркина

*Петрозаводский государственный университет,
(г. Петрозаводск, Российская Федерация)*

e-mail: mvnikulina@mail.ru

Аннотация. В записных книжках и тетрадях Ф. М. Достоевского содержатся личные имена и названия произведений, многие из которых остались без комментариев или были воспроизведены по рукописи неверно. В статье рассмотрены имена реальных лиц из «первой» записной тетради Достоевского, датируемой 1864–1865 гг. (РГАЛИ. Ф. 212.1.3), атрибуция которых стала проблемной для предшествующих исследований. Среди них не только академические издания, такие, как Полное собрание сочинений в 30 томах (*Д30*) или 83-й том серии «Литературное наследство» (*ЛН*), но и некоторые современные электронные публикации. Иногда в комментариях наблюдается смешение имен, например, Пантелеев / Пантелеева / братья Пантелеевы; похожую путаницу наблюдаем и с братьями Филипповыми. Некоторые имена предполагают иное прочтение: Благосветлов, а не Благоева, Воронов, а не Воронин. Часто вместо имен и фамилий авторов Достоевский указывал названия их произведений. В первую очередь таким способом он фиксировал в своей тетради будущих авторов журнала «Эпоха». Многие из этих произведений так нигде и не были опубликованы, поэтому установление личности авторов представляет сложность для исследователя. В рамках данной статьи отдельные записи из «первой» записной тетради прочитаны с учетом характерных особенностей почерка писателя, предложены новые, уточняющие комментарии к ним, выявлены несостоявшиеся авторы журнала «Эпоха» (Б. А. Павлович, В. А. Слепцов, В. М. Сикевич, Н. А. Неклюдов и др.). Так как прочтение и атрибуция некоторых записей носят дискуссионный характер, исследование призвано обратить внимание на существующие пробелы для дальнейшей разработки темы.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, описание рукописей, записная тетрадь, автограф, комментарии, атрибуция, имена, журнал «Эпоха», Благосветлов, Пантелеев, братья Филипповы

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90028 Достоевский («Рукописное наследие Ф. М. Достоевского: систематизация, исследование, описание»).

Для цитирования: Заваркина М. В. Неустановленные имена в «первой» записной тетради Ф. М. Достоевского (1864–1865 гг.) // *Неизвестный Достоевский*. 2021. Т. 8. № 2. С. 107–121. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5461

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2021.5461

Unidentified Names in the “First” Notebook of F. M. Dostoevsky (1864–1865)

Marina V. Zavarkina

*Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)*

e-mail: mvnikulina@mail.ru

Abstract. The notebooks of F. M. Dostoevsky contain personal names and titles of works, many of which were left without comment or were reproduced incorrectly from the manuscript. The article examines the names of real persons from the “first” notebook of Dostoevsky in 1864–1865 (presently at The Russian State Archive of Literature and Arts. F. 212.1.3), the attribution of which was problematic for preceding researchers. In addition to academic publications, such as the Complete Works in 30 volumes or the series of Literary Heritage (vol. 83), the same issues arise in some modern electronic publications. Sometimes there is a confusion of names in the comments, for example, Panteleev / Panteleeva / the Panteleev brothers; we observe a similar confusion is observed with the Filippov brothers. Some names suggest a different reading: Blagosvetlov instead of Blagoeva, Voronov instead of Voronin. Dostoevsky often indicated the names of works instead of the names and surnames of the authors. This applies primarily to the entries in the *Epoch* magazine. Many of these works have never been published anywhere, thus, establishing the identity of the authors is difficult for the researcher. Within the framework of this study, individual entries from the “first” notebook of Dostoevsky were read with regard to the typical features of the writer’s handwriting, and new explicatory comments to them were proposed, the failed authors of the *Epoch* magazine were identified (B. A. Pavlovich, V. A. Sleptsov, V. M. Sikevich, N. A. Neklyudov). The interpretation and attribution of personal names from Dostoevsky’s notebook of 1864–1865 presented in the article are of a debatable nature and require further elaboration.

Keywords: F. M. Dostoevsky, description of manuscripts, notebook, autograph, comments, attribution, names, the “Epoch” magazine, Blagosvetlov, Panteleev, the Filippov brothers

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 18-012-90028.

For citation: Zavarkina M. V. Unidentified Names in the “First” Notebook of F. M. Dostoevsky (1864–1865). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2021, vol. 8, no. 2, pp. 107–121. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5461 (In Russ.)

В первой половине 1860-х гг. Достоевский вел несколько записных книжек и тетрадей, которые содержат наброски художественных произведений, заметки литературного и литературно-критического характера, автобиографические записи и записи для памяти, деловые и хозяйственные расчеты. Особое место занимают записи, связанные с его редакторской и издательской деятельностью 1861–1865 гг. Среди них встречаются имена собственные, названия статей и художественных произведений. Многие имена прочитаны исследователями неверно, некоторые из них остались без комментария. Ряд личных имен из записей Достоевского указанного периода и вовсе отсутствует в указателях — это произошло по причине их спорного прочтения и / или из-за невозможности дать комментарий.

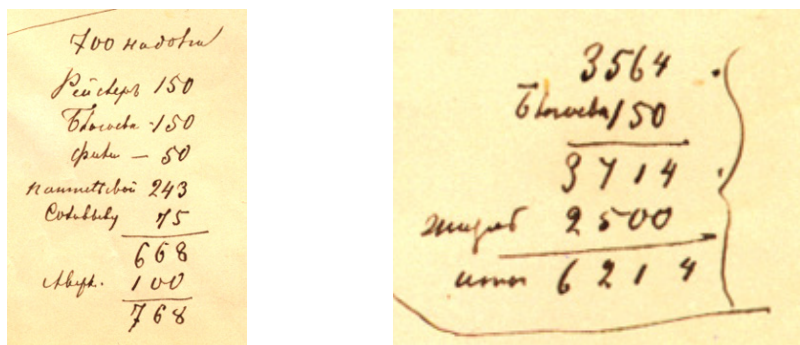
В 1920–1930 х гг. под руководством А. Л. Бема Р. В. Плетневым, Д. И. Чижевским, С. В. Завадским был составлен «Словарь личных имен у Достоевского», вошедший в сборник 1933 г. и включавший имена как героев художественных произведений, так и реальных лиц (см.: [О Достоевском, 1933], републ.: [О Достоевском, 2007: 288–361]). Продолжением его стал «Словарь личных имен к “Дневнику Писателя”» Ф. М. Достоевского, составленный лично А. Л. Бемом и опубликованный только в 1972 г. (см.: [О Dostojevském: 287–331]; подробнее см.: [Магидова: 225–227]). «Словарь...» Бем включал имена действующих и реальных лиц, упоминаемых в текстах писателя не только прямо, но и косвенно: через цитирование, аллюзии, отсылки к тем или иным художественным произведениям. С одной стороны, как отметил Б. Н. Тихомиров, это усложняет работу исследователя, обратившегося к указателю, с другой — данный материал «сохраняет свою собственную научную ценность, в частности оказывается незаменимым источником для комментаторов произведений писателя» [Тихомиров, 2006: 248]. Работа над составлением словаря личных имен у Достоевского была продолжена редакторами Полного собрания сочинений писателя в 30-ти томах¹, но носила вспомогательный характер (ДЗ0; 27: 430–452; 28₂: 543–607; 29₂: 326–367; 30₁: 416–448; 30₂: 137–389). В дальнейшем С. В. Беловым был составлен двухтомник «Ф. М. Достоевский и его окружение» [Белов], положенный также в основу электронного сайта «Федор Михайлович Достоевский: антология жизни и творчества»², многие биографические статьи которого были исправлены Б. Н. Тихомировым [Тихомиров, 2003, 2018].

Именно в «первой»³ записной тетради 1864–1865-х гг. (РГАЛИ. Ф. 212.1.3; далее ЗТ₁)⁴, по сравнению с остальными тетрадями Достоевского 1860-х гг., больше всего записей, связанных с издательской деятельностью писателя, в частности — с изданием журнала «Эпоха» (1864–1865): росписи номеров, листажы статей, гонорарные списки, многочисленные записи долгов писателя. Рядом с ними записаны фамилии и имена, некоторые из которых проанализируем далее.

1. «Благосвь<тловъ>»

На с. 128 ЗТ₁ среди записей долгов, которые датируются второй половиной 1864 г., дважды записана фамилия, которая в ЛН была прочитана как «Благоева» [ЛН, т. 83: 216]⁵ (см. Илл. 1). Это же прочтение сохранено в публикации записных книжек и тетрадей в Полном собрании сочинений Ф. М. Достоевского в 18 т. (2007 г.)⁶, а также в новой расшифровке данной тетради, осуществленной в 2019 г.⁷ (далее — ЗТД). При этом личность Благоевой или Благоева не была установлена. Комментарий к фамилии отсутствует. По всей вероятности, перед нами не фамилия «Благоева», а сокращение фамилии «Благосвь<тловъ>», которая писалась через букву «ѣ». В почерке писателя наблюдаем разнообразное начертание данной буквы: с поперечным штрихом и без него, в некоторых случаях (при быстрой записи) буква «ѣ» напоминает буквы «а» и «ъ»

(см. слова «процвѣтанія» и «теткѣ» на Илл. 2). Обратим внимание на варианты написания фамилии «Благосвѣтловъ» в зависимости от скорости письма (см. Илл. 3). Единственное исключение: букву «л» в нашем случае Достоевский написал «не классически» (как в примерах на Илл. 3), а с верхним выносным штрихом, что тоже, однако, не редкость в почерке писателя (см. третий вариант написания данной фамилии на Илл. 3: «БлагосвѣтЛовъ»)⁸.

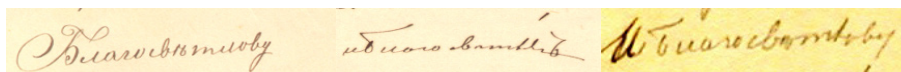
Илл. 1. Фрагменты с. 128 ЗТ₁

Fig. 1. A fragment of the page with a list of the writer's debts

Илл. 2. Фрагменты с. 46 записной книжки 1860–1862 гг.
(ОР РГБ. Ф. 93.1.2.6) и с. 131 записной книжки 1862–1864 гг.
(ОР РГБ. Ф. 93.1.2.7)

Fig. 2. A fragment of the page with the letters ѣ written in a manner typical for Dostoevsky's handwriting

Илл. 3. Фрагменты с. 127, 143 ЗТ₁ и с. 12 записной книжки 1864–1865 гг.
(ОР РГБ. Ф. 93.1.2.8)

Fig. 3. A fragment of the page with the writing of the last name Blagosvetlov

Благосветлов не публиковался ни во «Времени», ни в «Эпохе». Однако в редакционном портфеле находилась его рукопись «Несколько заметок на старую тему»⁹. Личное знакомство Достоевского с Г. Е. Благосветловым состоялось, скорее всего, в 1864 г., так как именно к этому времени относится

дата просроченного векселя Достоевского к Благовсетлову на сумму 250 руб. (см.: [Летопись, I: 446]). 26 октября 1864 г. Благовсетлов писал Достоевскому: «Если Васъ не особенно стѣснитъ моя просьба, то удовлетворите ее и выдайте подателю этого письма 100 р., которые означены въ прилагаемой здѣсь распискѣ. Въ уплатъ этихъ денегъ потрудитесь расписаться на другой сторонѣ вашей расписки. Вы очень обяжите меня, потому что нужда въ презрѣнномъ металлѣ великая» (ОР РГБ. Ф. 93. II. 1. 97. Л. 2)¹⁰. Видимо, письмо получено раньше того времени, как были сделаны расчеты в записной тетради, так как остаток долга (после уплаченных испрашиваемых в письме 100 руб.) как раз составляет 150 руб.

2. «Выс. Оф.»

На с. 125 ЗТ₁ записаны «долги на слово», среди имен имеется сокращение, которое в публикации ЛН было прочитано как «Вас. Оф.» без расшифровки и комментария [ЛН, т. 83: 219] (см. Илл. 4). В ЗТД прочитано уже как «Вос. Оф.» и предложен следующий комментарий: «Вероятно, долг Е. П. Ковалевскому за статью “Эпизод из войны черногорцев с австрийцами. (Из воспоминаний очевидца о войнах за независимость Черногории и Италии)” (Эпоха. 1864. № 5. С. 169–193)»¹¹.

The image shows a handwritten list of debts on aged paper. At the top, there is a heading in cursive: "Долги на слово" (Debts on word). Below it, several entries are listed with names and corresponding amounts in rubles. The entries are: "Аверкиеву" (400), "Корчакин" (600), "Выс. Оф." (400), "Фитинкову" (75), "Гасву" (250), "Соловьеву" (125), and "Ковалевскому" (150). The list is written in brown ink with horizontal lines separating the entries.

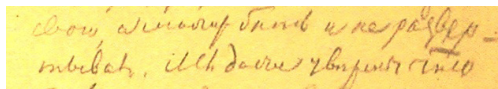
Имя	Сумма (руб.)
Аверкиеву	400
Корчакин	600
Выс. Оф.	400
Фитинкову	75
Гасву	250
Соловьеву	125
Ковалевскому	150

Илл. 4. Фрагмент с. 125 ЗТ₁

Fig. 4. A fragment of the page with a list of the writer's debts

Запись относится ко времени смерти брата писателя Михаила, когда на Достоевского обрушились кредиторы по долгам табачной фабрики и журнала «Время», многим писатель верил на слово (позже это подтверждала и Анна Григорьевна). В представленном списке — имена тех, кто печатался в журнале «Эпоха» в последний год его существования. Прочтение начала имени как «Вас.» или как слово «Вос<поминания>» (возможно, некоего «Оф<ицера>»)

вызывает сомнения, так как второй буквой в первом слове является «ы» (см. слово «развертЫваль» на Илл. 5).

Илл. 5. Фрагмент с. 46 записной книжки 1860–1862 гг. (ОР РГБ. Ф. 93.1.2.6)

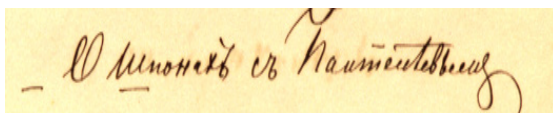
Fig. 5. A fragment of the page with the letter "ы" written in the writer's handwriting

Возможно, первое слово вовсе и не имя, а сокращенная фамилия (тем более что в перечне только фамилии), однако в номерах «Эпохи» за 1864 — начало 1865 г. не было публикаций под такой фамилией или именем, поэтому данное лицо отнесено нами к неустановленным.

3. Пантелеева, Пантелеев, братья Пантелеевы

На с. 127 (1 раз), с. 128 (2 раза) и с. 145 (2 раза) $3T_1$ встречаются имена однофамильцев: «Пантелеева» и «Пантелеев»; оба кредитеры Достоевского. На с. 127 и 128 записаны долги «Пантелѣевой», а на с. 145 находим две записи: «О шпионахъ съ Пантелѣевымъ» и «— Пантелѣеву о Токеръ и ея нумераціи и о нумераціи Мудрена<го> Дръла. —». Пантелеева была «петербургской ростовщицей, с которой Достоевский имел дела в 1865 и 1866 г.» [Белов, II: 83] (см. также: [Летопись, I: 460; II: 43, 51, 438]): фамилия написана полностью и достаточно четко. Однако комментарий к фамилии «Пантелеева» отсутствует и в ЛН, и в ДЗ0, нет этой фамилии и в «Указателе имен» в 30₂ т. ДЗ0, так как расчеты и записи долгов не были опубликованы в Полном собрании сочинений. До сих пор не удастся установить имя и отчество ростовщицы.

Во втором случае (с. 145) упоминается некто Пантелеев. В публикации ЛН, а также в расшифровке $3T_1$ допущена ошибка: вместо «О шпионахъ съ Пантелѣевымъ» прочитано: «О шпионах с Пантелеевым» [ЛН, т. 83: 201], хотя «шпон» — сугубо типографский термин — это гибкая пластина для увеличения промежутков между строками при наборе текста: «Если строки разгоняются, т. е. следуют одна за другою не тесно, то между строк вставляются линейки более или менее толстые (шпоны)»¹² (см. Илл. 6).

Илл. 6. Фрагмент С. 145 $3T_1$

Fig. 6. A fragment of the notebook page with an entry “About On slugs with Pantelev”

Кроме того, комментарий ЛН неточен: «Очевидно, речь идет о работниках типографии» [ЛН, т. 83: 236]. В ДЗ0 ошибка чтения уже исправлена, а комментарий немного расширен: «Речь идет об одном из братьев Пантелеевых, владельцев типографии» (ДЗ0; 27: 361). Но кто из братьев Пантелеевых имелся в виду? Их было двое: Григорий Фомич и Петр Фомич, однако, судя по переписке, которая относится к 1870-м гг., общение с братьями и публикация произведений писателя в их типографии случились гораздо позже. На с. 145 ЗТ₁, скорее всего, имелся в виду Пантелеев Лонгин Федорович (1840–1919), тоже крупный издатель и автор «Воспоминаний», в которых он рассказывает о своем знакомстве с Достоевским в начале 1860-х гг., а также о взаимодействии с писателем по делам «Эпохи»: «...в 1864 г. я печатал в типографии Н. Тиблена и К^о его “Эпоху”. Приходилось часто видеться; редкая встреча обходилась без разговора о текущих общественных делах»¹³ (подробнее о взаимоотношениях Достоевского и Л. Ф. Пантелеева см.: [Сосновская]). Надо отметить, что, несмотря на ошибочный комментарий в 27 т. ДЗ0, в «Указателе имен» этого же тома на с. 444 указан (однако под вопросом) именно Л. Ф. Пантелеев, но в «Указателе имен» в 30₂ т. ДЗ0 в отсылке на 27 т. уже снова дана «размытая» информация — братья Пантелеевы (292).

4. Братья Филипповы

Похожая путаница произошла и с братьями Филипповыми, печатавшимися в журналах «Время» и «Эпоха». Трудность в их разграничении возникает из-за того, что оба были юристами и писали статьи по схожим вопросам. Так, Михаил Абрамович (Авраамович) Филиппов (1828–1886) — автор статьи «О коммерческих судах и о делах торговой несостоятельности» (вышла в 1–2 номере «Эпохи» за 1864 г.), а также статьи «Об особых родах гражданского судопроизводства», опубликованной в 10-м номере «Эпохи» за 1864 г., вторая статья на эту тему не вышла по цензурным соображениям (см.: [Нечаева: 58]). Его брат — Осип Абрамович (Авраамович) Филиппов (?—1868) был сотрудником редакции и выполнял редакционные поручения по издательским и типографским делам (см.: [Нечаева: 58], [Белов, II: 347]). Кроме того, он опубликовал во 2-м номере «Времени» за 1862 г. статью «Выдержки из русского законодательства», в 12-м номере «Эпохи» за 1864 г. статью «Мотивы русского уголовного права», в 1-м номере «Эпохи» за 1865 г. — «Мотивы исправительных наказаний», во 2-м — «Системы русских исправительных наказаний». Кроме того, подготовил раздел «Наши домашние дела» в двух номерах Эпохи (1864. № 9 и 10), в первом случае — в соавторстве с А. У. Порецким [Нечаева: 257–258]. В октябрьском номере данный раздел атрибутирован В. С. Нечаевой уже только О. А. Филиппову, исходя из того, что «ему, как юристу, вероятно, принадлежит статья этого отдела в октябрьской книге о судебной реформе» [Нечаева: 270]. Известно, что Достоевский был недоволен обозрениями О. А. Филиппова, «до нас дошло письмо к Порецкому Ф. М. Достоевского (конец ноября — начало декабря 1864 г.), в котором он “умоляет” Порецкого поскорее написать “Внутреннее обозрение” для ноябрьской

книги, так как Филиппов “написал ужасную дичь”, а номер надо “выдать до Рождества”» [Нечаева: 33].

Однако в ЛН в комментарии к записи на с. 135 ЗТ: «16 <ноября>. Оттиски “Объ уголовныхъ наказаніяхъ”» — допущена ошибка, вызванная смешением информации: «Очевидно, речь идет об оттисках статьи О. Филиппова “Об особых родах гражданского судопроизводства”, напечатанной в “Эпохе”, 1864, № 10. Достоевский всюду в наметке планов номеров именуется эту статью “Об уголовных наказаниях”» [ЛН, т. 83: 238]. На самом деле статья «Об особых родах гражданского судопроизводства» принадлежала М. А. Филиппову. Братья писали о совершенно разных областях права: один — о гражданском (М. А. Филиппов), второй — об уголовном (О. А. Филиппов). Да, 10-й номер «Эпохи» готовился к печати в ноябре (цензурное разрешение получено 24 ноября), а именно этим месяцем датируется запись в записной тетради: возможно, Достоевский планировал пустить в номер статью О. А. Филиппова «Мотивы уголовного права» (сокращенное название «Об уголовных наказаниях» относится именно к ней), но сделал это позже, в 12-м номере. Это подтверждает и комментарий ДЗ0: «Вероятно, имеются в виду оттиски статьи О. А. Филиппова “Мотивы русского уголовного права” из готовившегося 12-го номера “Эпохи”. Автор ее излагал “главные основания” Уложения о наказаниях» (ДЗ0; 27: 365); см. также: [Нечаева: 58–59]. Соответственно и запись на с. 131: «Угол<овные> Филипова» — тоже можно отнести к О. А. Филиппову.

Почему данные уточнения важны? Достоевский нигде не пишет имени автора, а только фамилию одного из братьев. Так, на с. 2, 3, 4, 5 даны росписи номеров «Эпохи» с подзаголовками «Июль», «Август». Некоторые статьи могли переходить в следующий номер, некоторые — изымались. Поэтому, когда в росписи написано «Филиппов», то могла иметься в виду статья кого-то одного из братьев, тем более что в 10-м номере «Эпохи» они публиковались оба: первый выпустил статью «Об особых родах гражданского судопроизводства», второй — «Наши домашние дела». На с. 125 и 128 записаны долги по изданию журнала, здесь под фамилией «Филиппов», скорее всего, имеется в виду Осип Абрамович: именно он выполнял поручения Достоевского по типографским делам. На с. 138 под записью «Филиппову написать» мог иметься в виду и тот, и другой брат. На с. 139 в записи «— Заголовокъ статьи Григорьева (Григоровичъ) или Филипова (NB. {Поставить.} Статья первая)» имеется в виду, скорее всего, М. А. Филиппов, так как предполагалось, что он напишет две статьи «Об особых родах гражданского судопроизводства», но вторая была запрещена цензурой (см. выше). То же самое имеется в виду и на с. 135: «— Статью Филипова 2^ю часть пересмотрѣть и въ наборъ». Данная запись датируется Достоевским 22 декабря, именно в это время готовился выход ноябрьского номера (первая статья М. А. Филиппова, напомним, вышла в октябрьском номере и была обозначена как «статья первая»).

Комментарии в ЛН и ДЗ0 к записи на с. 135 разнятся: «Очевидно, речь идет о второй статье О. Филиппова “Системы русских исправительных

наказаний», опубликованной в «Эпохе», 1864, № 2; первая же статья «Об особых родах гражданского судопроизводства» была напечатана в «Эпохе», 1864, № 10, с указанием «Продолжение следует». В журнале допущена опечатка: в № 10 — М. Филиппов, в № 2 — О. Филиппов» [ЛН, т. 83: 238]. В итоге снова смешение лиц. Во-первых, во 2-м номере «Эпохи» за 1864 г. была опубликована совсем другая статья и другого брата — М. А. Филиппова «О коммерческих судах и о делах торговой несостоятельности» [Нечаева: 255], во-вторых, статья «Об особых родах гражданского судопроизводства» была также написана М. А. Филипповым, в-третьих, именно он предполагал написать вторую статью на эту тему (см. выше).

В Д30 видим другой комментарий: «В № 12 “Эпохи” печаталась статья О. А. Филиппова “Мотивы русского уголовного права”. Возможно, Достоевский собирался ознакомиться со следующей статьей этого автора “Мотивы исправительных наказаний”, предназначенной для следующего номера журнала (Э, 1865, № 1). Не исключено также, что имеется в виду статья “О смертной казни”, возвращенная автору» (Д30; 27: 366)¹⁴. Этот комментарий ближе к истине, но и он вызывает некоторые возражения. Во-первых, 12-й номер готовился к печати в январе (цензурное разрешение было получено 25 января 1865 г.), а запись на с. 135 датируется 22 декабря, когда готовился 11-й номер с ожидаемой второй статей от М. А. Филиппова. Во-вторых, в редакционном портфеле действительно хранится рукопись под названием «О смертной казни», но без указания имени автора, только фамилии — Филиппов. Хотя, судя по названию, речь может идти именно об О. А. Филиппове, который занимался вопросами уголовного наказания. Но так как запись в редакционном портфеле журнала не датирована, мы склоняемся к тому, что в записи на с. 135: «— *Статью Филиппова 2^ю часть пересмотреть и въ наборъ*» — имелся в виду все-таки М. А. Филиппов, статья которого так и не прошла цензуру.

5. «О Земскихъ учрежде<нiяхъ>»

Иногда Достоевский вместо фамилии автора записывал название произведения или его основную тему, что сильно затрудняет атрибуцию, так как требуется восстановить фамилию автора, чьи произведения, возможно, так и не были опубликованы. Особенно это касается записей по журналу «Эпоха». Так, на с. 131 ЗТ₁ дана роспись сентябрьского и октябрьского номеров «Эпохи» за 1864 г. Среди названий значится «О Земскихъ учрежде<нiяхъ>». В Д30 какой-либо комментарий отсутствует, в ЛН дан ошибочный комментарий: «В № 12 <были опубликованы> политическое обозрение и статья о земских учреждениях — “Одна из настоятельных потребностей для многостороннего изучения России”, принадлежащая Воронину» [ЛН, т. 83: 239–240]. На самом деле указанная статья в 12-м номере «Эпохи» принадлежала Николаю Ильичу Воронову (1832–1888), ученому, общественному деятелю, педагогу. Он занимался изучением народов России, Северного Кавказа и Закавказья

(подробнее см.: [Бекоева, Айларова]). Однако, судя по содержанию статьи Воронова и датировке записи на с. 131 ЗТ₁ (октябрь 1864 г.), вовсе не ее имел в виду Достоевский. Скорее всего, под записью «*О земскихъ учрежде<ніяхъ>*» подразумевалась анонимная статья, появившаяся как раз в сентябрьском номере «Эпохи» за 1864 г. (номер готовился к печати в октябре, ц. р. получено в ноябре): «Несколько слов по поводу книги Г. Лохвицкого “Губерния, ее земские и правительственные учреждения”» (с. 1–8). Диссертация Лохвицкого вышла в 1864 г. и вызвала критический отклик анонимного автора (подробнее о рецензии см.: [Нечаева: 53–54]).

В комментарии к ЗТД находим альтернативный комментарий: «Вопроса о земских учреждениях России Достоевский касался ранее в “Объявлении” об издании “Эпохи” в 1865 г., которое было опубликовано в № 8 журнала (вышедшем 27 октября 1864 г.). Достоевский писал: “Разработка и изучение наших общественных и земских явлений в направлении русском, национальном по-прежнему будут составлять главную цель нашего издания” (20, 217). Однако в октябрьском номере журнала такого рода материал не появился, он был перенесен в январский номер 1865 года: “Записки служившего по мировым учреждениям”. Публикация эта, подготовленная писателем и публицистом Николаем Александровичем Демертом (1835–1876), состоит из трех глав...»¹⁵.

6. Несостоявшиеся авторы «Эпохи»

В ЗТ₁ встречаются имена и названия произведений «несостоявшихся» авторов «Эпохи». Так, на с. 2 дана роспись июльского и августовского номеров за 1864 г., среди записей есть следующая: «*Нъжная мать, Между двухъ огней*». В редакционном портфеле находим названия указанных произведений под № 253: «*Между двухъ огней. Пов<ѣсть> Павловича. Доставлена Чужб<инскимъ>. Нъжная мать Пов<ѣсть> С—ва*»¹⁶. Комментарий к обоим названиям отсутствует. Можно предположить, что Павлович, знакомый А. С. Афанасьева-Чужбинского (1817–1875) и тоже украинец по происхождению, — это писатель и преподаватель русской истории и педагогики в университетах Петербурга Павлович Борис Анатольевич (1848–1878). Он писал рассказы для детей по русской истории, печатался в журналах «Семья и школа», «Педагогический Листок», «Женское образование», «Северном Вестнике» и других¹⁷.

Повесть «Нежная мать» могла принадлежать писателю В. А. Слепцову, который писал о правах женщин, был создателем коммуны и в 1863 г. напечатал в «Современнике» рассказ «Питомка», о матери, близкие которой потребовали отдать внебрачного ребенка в воспитательный дом, но «она предпочла порвать со своей прежней средой и оставила ребенка при себе, добывая средства на его пропитание скудной литературной работой» [Нечаева: 136]¹⁸.

Проблемным остается вопрос о фамилии «Ауэрбах». На с. 136 она звучит дважды: «*Ауэрбахъ (Бурдину) Справиться о письмахъ, которыя надо написать*»

и «— Спросить о статье Г^{жи} Ауэрбахъ». Комментарий в ЛН как к первому, так и ко второму упоминанию фамилии отсутствует, в ДЗ0 в первом случае указан Бертольд Ауэрбах (1812–1882), немецкий писатель и поэт: «...в портфеле редакций “Времени” и “Эпохи” находилось несколько переводов его рассказов, оставшихся ненапечатанными» (ДЗ0; 27: 365). Однако какое отношение данный Ауэрбах имел к актеру Федору Алексеевичу Бурдину (1826–1887), до сих пор не установлено. Что касается госпожи Ауэрбах, то комментарий ДЗ0 является неточным: «Речь может идти об одной из сестер Ауэрбах — писательнице Юлии Федоровне (1827–1871) или Анастасии Федоровне, выпустившей в 1864 г. книгу “Первое чтение для крестьянских детей”» (ДЗ0; 27: 365). В ЗТД на этот счет сделано ошибочное наблюдение, которое почему-то следует за записью: «— Спросить о статье Г^{жи} Ауэрбахъ»: «Бертольд Ауэрбах (нем. Berthold Auerbach; 1812–1882) — немецкий писатель и поэт. <...> В некоторых случаях в реестрах журнала помечено, что переводы “получил В. Слепцов”. Возможно, словосочетание “Г-жа Ауэрбах” относится к переводчице, одному из членов Слепцовской коммуны Е. И. Цениной (впоследствии Жуковской), письма которой сохранились в архиве Достоевского, или А. Г. Маркеловой, переводившей для журнала братьев Достоевских роман Э. Гаскелл “Руфь” (Часть первая // Время. 1863. № 4. С. 112–248). Возможно также, что Достоевский рассчитывал на сотрудничество с писательницей Юлией Федоровной Ауэрбах (1827–1871), в 1860-е годы получившей известность своими произведениями, проникнутыми любовью к простому народу: “В дороге”, “Простой случай” (Русский Вестник. 1859. 20, 21, 24). Кроме того, издателя журнала “Эпоха” могла заинтересовать в роли автора сестра Юлии Федоровны Анастасия (?—1891), которая в 1864 г. издала книгу “Первое чтение для крестьянских детей”»¹⁹.

Нужно учитывать, что на с. 136 имеется в виду не перевод, а *статья* госпожи Ауэрбах. Важно также, что записи, которые в комментарии ЗТД ошибочно сведены в единой целое (статья г-жи Ауэрбах и переводы произведений Б. Ауэрбаха), Достоевским были записаны на одной странице, т. е. писатель уделил им *отдельное* внимание, поэтому объединять их и давать один общий комментарий нельзя.

На с. 84 упоминается некто Кошкарев и его произведение «Поступление в студенты». В редакционном портфеле находилась еще одна рукопись Кошкарева «Всякому свое» с припиской «Ореховский»²⁰, а в указателе имен Нечаева записала: «Ореховский (Кошкарев)» [Нечаева: 297]. Однако установить личность Кошкарева, как Ореховского (возможно, это одно и то же лицо), не удалось.

На с. 84 значатся также «Греческие трагедии» Сикевица. Скорее всего, имеется в виду Владимир Мелентьевич Сикевич (? — после 1913), драматург, поэт, театральный критик, печатался в «Русском Мире», «Северной пчеле» и других изданиях. В 1865 г. редактировал «Петербургский Листок». Он также был автором пьес. Оставил книгу воспоминаний «Былые встречи»²¹.

На с. 135 записана фамилия «Стрекалов» (без названия произведения). Возможно, это Н. Стрекалов, выпустивший в 1837 г. «Очерк русской словесности XVIII в.».

На с. 143 находим фамилию «Неклюдов». Записана также тема или название «утерянного», как отмечает Достоевский, произведения: «*Неклюдова о вліяніи возраста на уголов<ная> преступл<енія>*». В ЛН комментарий отсутствует, в ДЗ0 установлены ошибочные инициалы — В. С. Неклюдов (ДЗ0; 27: 361). Имелся в виду другой Неклюдов — Николай Адрианович (1840–1896) — правовед, известный криминалист, защитивший в 1865 г. магистерскую диссертацию по уголовному праву. В 1865 г. выходит его первая книга, название которой пересекается с записью Достоевского: «Уголовно-статистические этюды: Рассуждение, написанное для получения магистра уголовного права. Этюд первый. Статистический опыт исследования физиологического значения различных возрастов человеческого организма по отношению к преступлению» (СПб.: Типография Н. Тиблена и К^о)²².

На с. 7 сделана запись с учетом листажа: «Учитель — 1½». Перед нами либо предполагаемое название, либо условное обозначение автора. Под таким именем / псевдонимом никто в «Эпохе» не публиковался, однако в портфеле редакции значатся два произведения, которые не были опубликованы: «*Из учительскаго быта. Казанскаго*» и «*Деревенскій учитель (Перев. Изъ Ауэрбаха)*»²³. В комментарии к ЗТД высказано предположение, что имеется в виду статья «Заметки по истории книжного (школьного) просвещения в России (статья первая)» И. Г. Долгомостьева, опубликованная в августовском номере «Эпохи» за 1864 г. под псевдонимом Ив. Григорьев²⁴. Однако этот комментарий кажется немотивированным, более того, Долгомостьев в записной тетради упоминался Достоевским чаще всего либо под своей настоящей фамилией, либо под псевдонимом. Нужно также иметь в виду, что выходил журнал «Учитель», интерес к которому был проявлен еще в публикациях «Времени».

Назовем некоторые неустановленные имена и произведения (с указанием страницы ЗТ) других несостоявшихся авторов «Эпохи», которые остались и до сих пор остаются без комментария: «Прогрессист поручик» (4), «Сила личности» (14, 138), «Пустозерские фарисеи» (14, 139), «Китайская царица» (16), «О козаках» (135), Булкин, драма (135), «Три наследника» (137), «Дети Корчмаря» (141), Торчинский, повесть «Выкредст» (142), Луганьян, «История билета в ложу» (143), «Лесная часть» (135), «Прихоть» (137, 145)²⁵.

В других записных книжках и тетрадях Ф. М. Достоевского остались неустановленные или установленные ошибочно имена его современников. Среди них имена людей, которые являются возможными прототипами произведений, многочисленные книготорговцы и книгоиздатели, с которыми имел дело писатель, работодатели, юристы и предприниматели. В данной статье затронута лишь малая часть имен. Представленные в статье расшифровка, атрибуция, а также комментарии имеют дискуссионный характер и требуют дальнейшей разработки темы.

Примечания

- ¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Д30* и указанием тома (полутома — нижним индексом) и страницы в круглых скобках.
- ² См.: <https://fedordostoevsky.ru/around/> (01.02.2021).
- ³ Первой данная тетрадь называется условно — вслед за нумерацией А. Г. Достоевской (на внутренней обложке записной тетради). Ранее этой тетради в Омске и Семипалатинске Достоевский вел так называемую «Сибирскую тетрадь».
- ⁴ Расшифровка записных книжек и тетрадей вслед за *ЛН* и *Д30* была осуществлена И. С. Андриановой, Е. Н. Вяль, М. В. Заваркиной, Т. В. Панюковой. При работе над статьями внесли ряд исправлений в эти расшифровки.
- ⁵ В *Д30* расчеты и записи долгов не были опубликованы.
- ⁶ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 18 т. Приложение: Том 5. Записные книжки и тетради. М.: Воскресенье, 2007. С. 158, 159.
- ⁷ См.: «Записная книжка (1-ая) Ф. М. Достоевского». Дипломатическая транскрипция [Электронный ресурс]. URL: http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/Dipl.transkr/%D0%A7_4_%D1%81.181-242.pdf (01.02.2021) (руководитель проекта — К. А. Баршт).
- ⁸ Более подробно о почерке Достоевского см.: [Тарасова, Заваркина, Панюкова], [Заваркина, Панюкова, Тарасова].
- ⁹ ОР РГБ. Ф. 93.III.14.60. Л. 12. См. также: [Нечаева: 284].
- ¹⁰ Эпистолярное наследие Ф. М. Достоевского // <https://philolog.petsu.ru/fmdost/letters/blage/otblagosvetlov26101864.htm> (01.02.2021).
- ¹¹ См. Историко-литературный комментарий к дипломатической транскрипции (*ЗТД*) // <http://old.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10084> (01.02.2021) (руководитель проекта — К. А. Баршт).
- ¹² [Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А.] Энциклопедический словарь: в 86 т. / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1901. Т. XXXIII. Типографское дело. С. 209.
- ¹³ Пантлеев Л. Ф. Воспоминания. М.: ГИХЛ, 1958. С. 225–226.
- ¹⁴ ОР РГБ. Ф. 93.III.14.60. Л. 7. См. также: [Нечаева: 281].
- ¹⁵ Историко-литературный комментарий к дипломатической транскрипции (*ЗТД*).
- ¹⁶ ОР РГБ. Ф. 93.III.14.60. Л. 16. См. также: [Нечаева: 288].
- ¹⁷ Подробнее см.: [Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А.] Энциклопедический словарь: в 86 т. / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1897. Т. XXIIa. С. 561.
- ¹⁸ Подробнее см.: Чуковский К. И. Собр. соч.: в 15 т. М., 2012. Т. 9. Люди и книги. С. 165–202.
- ¹⁹ Историко-литературный комментарий к дипломатической транскрипции (*ЗТД*).
- ²⁰ ОР РГБ. Ф. 93.III.14.60. Л. 16. См. также: [Нечаева: 288].
- ²¹ Подробнее см.: Антонов В. В. М. Сикевич — забытый литератор Коломны // Петербург: вы это знали? Личности, события, архитектура [Электронный ресурс]. URL: <https://culture.wikireading.ru/7629> (01.02.2021).
- ²² Подробнее см.: [Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А.] Энциклопедический словарь: в 86 т. / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1897. Т. XXa. С. 856–857.
- ²³ ОР РГБ. Ф. 93.III.14.60. Л. 9, 10. См. также: [Нечаева: 282].
- ²⁴ Историко-литературный комментарий к дипломатической транскрипции (*ЗТД*).
- ²⁵ Относительно двух последних записей можно добавить, что на с. 136 дважды записано: «Въ Уфу Львничему» и «Отвѣчать Львовику». А рукопись под названием «Прихоть» в редакционном портфеле значилась под фамилией Чичагов, личность которого не установлена (ОР РГБ. Ф. 93.III.14.60. Л. 13). См. также: [Нечаева: 285].

Список литературы

1. Бекоева Т. А., Айларова С. А. Жизненный путь и научно-просветительская деятельность Н. И. Воронова // *Экономические и гуманитарные исследования регионов*. 2016. № 6. С. 10–16.
2. Белов С. В. Ф. М. Достоевский и его окружение: в 2 т. СПб.: Алетейя, 2001.
3. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
4. Заваркина М. В., Паниюкова Т. В., Тарасова Н. А. Графические особенности рукописей Достоевского (по материалам записных книжек и тетрадей 1862–1865 гг.) // *Неизвестный Достоевский*. 2019. № 4. С. 84–138 [Электронный ресурс]. URL: https://www.unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1576766460.pdf (01.02.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2019.4301
5. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. 1821–1881: в 3 т. СПб.: Академический проект, 1999. Т. 1: 1821–1864. 544 с.; Т. 2: 1865–1874. 587 с.
6. ЛН — Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради 1860–1881 гг. М.: Наука, 1971. 727 с. (Сер. «Литературное наследство»; т. 83.)
7. Магидова М. К истории создания «Словаря личных имен у Достоевского» // *Достоевский и мировая культура: альманах*. СПб.: Серебряный век, 2006. Вып. 21. С. 225–245.
8. Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха» (1864–1865). М.: Наука, 1975. 303 с.
9. О Достоевском: сб. ст. / под ред. А. Л. Бема. Прага, 1933.
10. О Достоевском: сб. ст. / под редакцией А. Л. Бема / сост., вступ. ст. и коммент. М. Магидовой. М.: Русский путь, 2007. Т. 1. 576 с.
11. Сосновская О. Мемуарист Л. Ф. Пантелеев — издатель и кредитор Ф. М. Достоевского // *Неизвестный Достоевский*. 2019. № 4. С. 159–172 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1589238216.pdf (01.09.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2019.4321
12. Тарасова Н. А., Заваркина М. В., Паниюкова Т. В. Графические особенности рукописей Достоевского: материалы для информационной базы данных // *Неизвестный Достоевский*. 2018. № 4. С. 17–69 [Электронный ресурс]. URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1545737853.pdf. (01.09.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3788
13. Тихомиров Б. Н. Ф. М. Достоевский и другие // *Русская литература*. 2003. № 1. С. 254–269.
14. Тихомиров Б. Н. О практической ценности пражского «Словаря личных имен у Достоевского». Заметки по поводу публикации М. Магидовой // *Достоевский и мировая культура: альманах*. СПб.: Серебряный век, 2006. Вып. 21. С. 246–253.
15. Тихомиров Б. Н. Петербургские адреса и адресаты Достоевского (К проблеме краеведческого комментирования адресных записей писателя). Статья вторая // *Неизвестный Достоевский*. 2018. № 3. С. 56–105. [Электронный ресурс]. URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1541001296.pdf (01.09.2020). DOI 10.15393/j10.art.2018.3701
16. O Dostojevském: Sborník statí a materiálů. Praha, 1972. 357 p.

References

1. Bekoeva T. A., Ayilarova S. A. Life and Scientific Educational Activities of N. I. Voronov. In: *Ekonomicheskie i gumanitarnye issledovaniya regionov [Economic and Humanitarical Researches of the Regions]*, 2016, no. 6, pp. 10–16. (In Russ.)
2. Belov S. V. F. M. *Dostoevskiy i ego okruzhenie: entsiklopedicheskiy slovar': v 2 tomakh [F. M. Dostoevsky and His Ambience: Encyclopedic Dictionary: in 2 Vols]*. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2001. (In Russ.)
3. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh [The Complete Works: in 30 Vols]*. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
4. Zavarkina M. V., Panyukova T. V., Tarasova N. A. Graphical Peculiarities of Dostoevsky's Manuscripts: Based on the Materials of the Notebooks and Workbooks of the Years 1862–1865.

- In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2019, no. 4, pp. 84–138. Available at: https://www.unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1576766460.pdf (accessed on February 1, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2019.4301 (In Russ.)
5. *Letopis' zhizni i tvorchestva F. M. Dostoevskogo, 1821—1881: v 3 tomakh* [*The Chronicle of Dostoevsky's Life and Works, 1821–1881: in 3 Vols.*]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1993, vol. 1. 544 p. (In Russ.)
 6. LN — *Neizdannyy Dostoevskiy. Zapisnye knizhki i tetradi 1860—1881 godov* [*The Unpublished Dostoevsky. Notebooks and Workbooks of 1860—1881*]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 727 p. (Ser. “The Literary Heritage”; vol. 83). (In Russ.)
 7. Magidova M. The History of Creation of the Dictionary of Personal Names in Dostoevsky's Works. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura: al'manakh*. [*Dostoevsky and World Culture: Almanac*]. St. Petersburg, Serebryanyy vek Publ., 2006, issue 21, pp. 225–245. (In Russ.)
 8. Nechaeva V. S. *Zhurnal M. M. i F. M. Dostoevskikh «Epokha» (1864–1865)* [*The Journal of Mikhail and Fyodor Dostoevsky “Epokha” (1864–1865)*]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 303 p. (In Russ.)
 9. *O Dostoevskom* [*About Dostoevsky*]. Prague, 1933. (In Russ.)
 10. *O Dostoevskom: sb. statey* [*About Dostoevsky: Collection of Articles*]. Moscow, Russian Way Publ., 2007, vol. 1. 576 p.
 11. Sosnovskaya O. Memoirist L. F. Panteleev — Publisher and Creditor of F. M. Dostoevsky. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2019, no. 4, pp. 159–172. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1589238216.pdf (accessed on February 1, 2021). DOI: 10.15393/j10.art.2019.4321 (In Russ.)
 12. Tarasova N. A., Zavarkina M. V., Panyukova T. V. Graphical Peculiarities of Dostoevsky's Manuscripts: Materials for the Information Database. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2018, no. 4, pp. 17–69. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1545737853.pdf (accessed on February 1, 2021). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3788 (In Russ.)
 13. Tikhomirov B. N. F. M. Dostoevsky and Others. In: *Russkaya literatura*, 2003, no. 1, pp. 254–269. (In Russ.)
 14. Tikhomirov B. N. On the Practical Value of the Prague “Dostoevsky's Dictionary of Personal Names”. Notes on the Publication of M. Magidova. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura: al'manakh* [*Dostoevsky and World Culture: Almanac*], 2006, issue 21, pp. 246–253. (In Russ.)
 15. Tikhomirov B. N. Dostoevsky's addresses and addressees in Petersburg (On the Problem of Regional Commentary of Address Records of the Writer). Article Two. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2018, no. 3, pp. 56–105. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1541001296.pdf (accessed on February 1, 2021). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3701 (In Russ.)
 16. *O Dostojevském: Sborník statí a materiálů* [*About Dostoevsky: Collection of Articles and Materials*]. Praha, 1972. 357 p. (In Czech, In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Заваркина Марина Владимировна, кандидат филологических наук, специалист WEB-лаборатории Института филологии, Петрозаводский государственный университет (пр. Ленина, 33, г. Петрозаводск, Российская Федерация, 185910); ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7972-2265>; e-mail: mvnikulina@mail.ru

Marina V. Zavarkina, PhD (Philology), Specialist, Web-laboratory of Institute of Philology, Petrozavodsk State University (pr. Lenina 33, Petrozavodsk, 185910, Russian Federation); ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7972-2265>; e-mail: mvnikulina@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 01.03.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 10.05.2021

Принята к публикации / Accepted 15.06.2021

Дата публикации / Date of publication 05.07.2021

Научная статья

УДК 070

DOI: 10.15393/j10.art.2021.5362

Эффект «Пушкинской речи» в русской журналистике

В. А. Викторович

*Государственный социально-гуманитарный университет
(Коломна, Российская Федерация)*

e-mail: VA_Viktorovich@mail.ru

Аннотация. В статье предпринят системный анализ русской прессы 1880 г., активно отзывавшейся на «Пушкинскую речь» Достоевского. Интерпретационный бум вокруг его выступления представляет особый интерес для исследования процессов формирования общественного и национального самосознания в России. В истории журналистики состоявшиеся тогда дебаты могут рассматриваться как аналог современных информационных войн. В то же время данный эпизод — один из решающих для «проблемы Достоевского» в критике и, шире, в русском общественном сознании. «Пушкинская речь» носила очевидно объединительный характер, однако она, а еще более «Дневник Писателя» 1880 г. вызвали жесточайший раскол в журналистике, отражавшей состояние умов русского общества. Поначалу в телеграммах и корреспонденциях происходит смена смысловых акцентов, а затем в оппонировавших Достоевскому изданиях ключевое понятие «всечеловечность» преподносится исключительно как «мечта», не только не совместимая с реальностью, но еще и отвлекающая от насущных общественно-экономических проблем. Происходит также наращивание смысла в виде пресловутого «мессианизма» Достоевского. Наиболее употребительным концептом враждебной писателю журналистики становится «мистицизм» как эвфемизм «веры». Параллельно в некоторых изданиях («Мысль», «Неделя», «Новое время», чуть позже «Русь») формируется иное понимание «Пушкинской речи» как вербализации национальной идеи в ее направленности ко «всечеловеку» как реально достижимому идеалу. Завязавшийся вокруг речи Достоевского спор вел к самоопределению ведущих направлений русской мысли.

Ключевые слова: рецепция «Пушкинской речи» Достоевского, история русской журналистики, проблемы интерпретации, аксиология, всечеловек

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90012 («Ф. М. Достоевский в русской критике. 1845–1881»).

Для цитирования: Викторович В. А. Эффект «Пушкинской речи» в русской журналистике // *Неизвестный Достоевский*. 2021. Т. 8. № 2. С. 122–156. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5362

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2021.5362

The Effect of the Pushkin Speech in Russian Journalism

Vladimir A. Viktorovich

*State Social and Humanitarian University
(Kolomna, Russian Federation)*

e-mail: VA_Viktorovich@mail.ru

Abstract. The article presents a systematic analysis of the Russian press of 1880, which actively responded to Dostoevsky's Pushkin Speech. The interpretive boom around his speech is of particular interest for the study of the formative processes of public and national consciousness in Russia. In the history of journalism, the debates that took place at that time can be equated with modern information wars. At the same time, this episode is one of the decisive ones for the 'Dostoevsky problem' in criticism and, more broadly, in the Russian public consciousness. The "Pushkin Speech" was obviously of a unifying nature, but it, and even more so the 1880 "A Writer's Diary," caused a severe split in journalism, which reflected the mindset of the Russian society. At first, there is a change of semantic accents in telegrams and correspondence, and then the key concept of «panhumanity» is presented exclusively as a "dream" in publications opposing Dostoevsky, one that is not only incompatible with reality, but also distracts from pressing socio-economic problems. There is also an expansion in meaning in the form of the notorious "messianism" of Dostoevsky. The most commonly used concept used by journalists that are hostile to the writer is mysticism as a euphemism for faith. In parallel, a different understanding of the Pushkin speech is being formed in some publications (*Mysl'*, *Nedelya*, *Novoe Vremya*, a little later — *Rus'*). It views it as a verbalization of the national idea in its focus on the panhuman as a feasible ideal. The dispute that ensued around Dostoevsky's speech led to the self-determination of the leading trends of Russian thought.

Keywords: reception of Dostoevsky's Pushkin Speech, history of Russian journalism, problems of interpretation, axiology, panhuman

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR, project number 18-012-90012 ("F. M. Dostoevsky in Russian Criticism. 1845–1881").

For citation: Viktorovich V. A. The Effect of "Pushkin Speech" in Russian Journalism. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2021, vol. 8, no. 2, pp. 122–156. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5362 (In Russ.)

«Пушкинская речь» Ф. М. Достоевского, сказанная 8 июня 1880 г. на открытом заседании Общества любителей российской словесности в зале московского Благородного собрания, сразу же стала объектом беспрецедентного внимания множества средств массовой информации, газет и журналов. Отклики на нее рассматривались в научных исследованиях (см. «Список литературы»), однако в настоящее время назрела необходимость как расширения источниковой базы вплоть до включения в нее всех печатных отзывов, так и системного их анализа. Мы рассмотрим три этапа рецепции «Пушкинской речи»: 1) от момента произнесения до публикации в «Московских ведомостях», 2) от газетной публикации до выхода «Дневника Писателя» 1880 г., 3) после выхода «Дневника Писателя».

1

Самые ранние отклики на выступление Достоевского появились в печати на следующий день после события. Их значение в том, что по ним большинство русских читателей (исключая непосредственных слушателей речи), впервые узнавали о ее содержании до того момента, когда она была опубликована полностью в «Московских ведомостях» (13 июня)¹. Первое впечатление бывает крайне важным, иногда предопределяющим, в данном случае интересно также, что именно услышали, поняли и понесли читателям русские журналисты.

Первыми были телеграммы. Две основные принадлежали Международному телеграфному агентству (МТА) и корреспонденту газеты «Голос» (хозяином и там, и там был А. А. Краевский), и обе, как бы дополняя друг друга, сначала были напечатаны в «Голосе» 9 июня. Вскоре они были опубликованы в других газетах (их полный список см.: [Викторovich, 2020: 49–50], к этому списку следует добавить газету «St. Petersburger Zeitung», в которой перевод телеграммы «Голоса» на немецкий язык был напечатан в тот же день, 9 июня, что и в самом «Голосе»; как это могло произойти, нам пока не ясно). Телеграмма «Голоса» имела значительно больший успех в других газетах предположительно еще и потому, что перепечатка из газеты была бесплатная, а телеграфному агентству надо было платить.

Приведем текст наиболее растиражированной телеграммы «Голоса», выразившей (а для читателей по всей России и создававшей) первое впечатление от речи Достоевского.

«Москва, воскресенье, 8-го июня. Сегодня, в 2 часа пополудни, состоялось, при громадном стечении публики, второе заседание Общества любителей российской словесности. Заседание открылось речью второго председателя Общества, г. Чаева, после которого читал Ф. М. Достоевский. Это было мастерское, полное силы, остроумия и задушевной теплоты чтение. Разделив поэтическую деятельность Пушкина на три периода, г. Достоевский, прежде всего, заметил, что уже в первом периоде, несмотря на проявляющуюся у Пушкина подражательность европейским поэтам, Андре Шенье и Байрону, довольно ярко выразилась самостоятельность творчества. Через оба первые периода проходит один тип: сначала Алеко в “Цыганах”, потом Евгений Онегин — тип русского скитальца, скучающего мировой тоской, скитальца, которому, чтобы успокоиться, нужно всемирное счастье. Тип этот еще существует и в настоящее время. Проследив историческое происхождение и историческую необходимость этого типа в русской жизни и рассмотрев все его стороны, оратор перешел к другому, созданному Пушкиным, также чисто русскому типу, типу положительной красоты — Татьяне, которая представляет собою апофеоз русской женщины. “Весь второй период деятельности Пушкина, — продолжал г. Достоевский, — отмечен тем, что мы называем народностью. В творчестве его проявилось высшее выражение народной жиз-

ни и оттого все созданные им типы так глубоко правдивы: они стоят, как изваянные. Наконец, третий период представляет собою выражение идей всемирных. Здесь Пушкин является даже чудом. В европейской литературе нет гения, который обладал бы такою отзывчивостью к страсти всего мира. Пушкин один владеет этим даром и в этом заключается его высокое значение как русского народного поэта, так как в нем во всей своей полноте выразился характер русского народа. Всемирность, общечеловечность — цель русской народности; стать русским значит, в конце концов, стать братом всех людей, всечеловеком. Для настоящего русского Европа и вообще успехи арийского племени так же дороги, как сама Россия. Кто не согласится, что даже в государственной политике Россия в последние два века служила Европе более, чем самой себе. Историческое призвание России в том, чтобы изречь слово примирения, указать исход европейской тоске. Пусть наша земля — нищая в экономическом отношении, но почему же не ей суждено сказать последнее слово истины? Это предположение может быть названо смелой фантазией, но существование у нас Пушкина дает надежду, дает нам право предполагать, что эта фантазия осуществится. И это было бы еще ближе, возможнее, если б Пушкин жил более; но он умер и унес с собою в гроб великую тайну”. Может быть, никогда еще стены залы Благородного собрания не были потрясемы таким громом рукоплесканий, какой раздался вслед за заключительными словами г. Достоевского. Члены Общества вскочили со своих мест, пожимали ему руки. Через несколько минут председатель заявил, что Общество тут же постановило избрать Федора Михайловича своим почетным членом. После этого заявления рукоплескания сделались еще восторженнее» («Голос», 9 июня и мн. др. газеты).

Некий либеральный журналист вскоре не без яда заметит, что «краткость телеграммы вызвала предположения, возбуждала воображение, заставляла предполагать что-то гораздо большее, чем было в действительности. Краткое извлечение из речи убило самую речь» («Молва», 15 июня, анонимный обзор «Из газет и журналов»). Так или иначе, но можно действительно представить некоторое недоумение читателей телеграфного сообщения: описывалось небывалое потрясение слушателей, а пересказ потрясшего всех текста не мог объяснить причину удивительного перевозбуждения. Таков был первый парадокс «Пушкинской речи».

Репортер «Голоса», как видим, довольно невнятно толкует заявленную Достоевским пушкинскую «способность всемирной отзывчивости» (*МВед.*) как «отзывчивость к страсти <?> всего мира». Верно поставлено ключевое слово «всечеловек» (как и у Достоевского, вслед за «братом всех людей» (*МВед.*)), но вне контекста речи оно могло действительно произвести странноватое впечатление. К тому же не объяснено, что представляет собою то «последнее слово истины», которое «укажет исход европейской тоске», т. е. не раскрыта ударная концовка «Пушкинской речи». Международное телеграфное агентство рискнуло сказать чуть больше:

«Оратор перешел затем к вопросу о великой мировой будущности России. “Она, — он верит, — призвана разрешить недоразумения, волнующие духовный мир наших братьев на всем пространстве Европы! Чистая сердцем, обильная любовью, она объединит народы в духе братской любви, завещанной миру Христовою заповедью”...» («Голос» 9 июня и др. газеты).

Характерны здесь отстраняющая оговорка «он верит» и абстрактно-благодное определение России как «чистой сердцем, обильной любовью». В пересказах потускнело восходящее к Тютчеву откровение («эту нищую землю “в рабском виде исходил благословляя” Христос») и как-то затерлось, усреднилось заявленное «великое указание» Пушкина на «всемирность стремления русского духа» (*МВед.*).

Поэтому-то Достоевский в письме С. А. Толстой 13 июня сетовал: «Главное же, я, в конце речи, дал формулу, слово примирения для всех наших партий и указал исход к новой эре. Вот это-то все и почувствовали, а корреспонденты газет не поняли или не хотели понять» (*ДЗ0*; т. 30₁: 188).

К «формуле» ближе всех, кажется, подошел тогда Н. П. Гиляров-Платонов, на следующий день после речи в передовой статье издаваемой им газеты сказавший: «Никогда с такою глубиной не анализирован был наш великий поэт отчасти, а отчасти и идеалы русского народа». И далее:

«...на идеалах, которые он [Достоевский] вывел из его [Пушкина] творений, одинаково примирились лица разногласных, по-видимому, направлений. Это был праздник действительно совершившегося единства в сознании. <...> самый анализ характеров и положений, выводы нравственных оснований, вот что поражало необыкновенной силой и глубиной...» («Современные известия», 9 июня).

Сказано пронизательно и заявлено ключевое слово «идеалы», но уж очень конспективно; автор обещал впоследствии развернуть намеченное, однако обещания, увы, не выполнил. Последовавший на другой день в «Современных известиях» более подробный отчет мало чем отличался от приведенного выше отчета «Голоса». Впоследствии Гиляров в своих суждениях и вовсе отошел от первоначального своего посыла, укоряя Достоевского в гадательном «мессианизме» [Викторovich, 2013: 93].

Провозглашенная Достоевским «всечеловечность» русского гения трактуется «Русской газетой» (10 июня) не очень вразумительно — как «уменьше всенародного воплощения своего гения», — а вот автор «Нового времени» (очевидно, В. П. Буренин) в тот же день по-своему объясняет заявленную Достоевским способность русского человека к «перевоплощению своего духа в дух чужих народов» (*МВед.*): это значит якобы «не делать различия между племенами» и тем самым «угадывать будущее всемирное братство» («Новое время», 10 июня).

Если до сих пор мы имели дело только с неточностями изложения и с недопониманием при общем положительном восприятии, то уже 10 июня прозвучала и первая опровергающая реплика в анонимном обзоре «Из газет и журналов», напечатанном в либеральной газете «Молва». Автором, вероятно, был Э. К. Ватсон (давний оппонент Достоевского крайне западных взглядов), из Петербурга не выезжавший и Речь не слышавший. Он оттолкнулся от приведенного выше телеграфного пересказа, следующим образом передав ключевое предложение:

«Всемирность, общечеловечность, — так говорил г. Достоевский, — цель русской народности; стать русским значит стать всечеловеком» («Молва», 10 июня).

Как видим, телеграфное сообщение было подвергнуто неслучайному сокращению. В полном виде, напомним: «...стать русским значит, в конце концов, *стать братом всех людей, всечеловеком*» (*здесь и далее выделено нами.* — В. В.). На этот усеченный тезис журналист бойко возразил:

«Всё это очень заносчиво и потому фальшиво. Что это за выделение России в какую-то мировую особь, в избранный Богом народ? Мы то же, что и другие. Будем воспитывать в себе всечеловеческие идеалы, будем стремиться к общему сближению и умиротворению, будем трудиться наравне с другими и будем радоваться, если Господь поможет нам не отставать от других и идти на одном уровне с другими по пути общечеловеческого развития и совершенствования» («Молва», 10 июня).

Эту отрезвляющую мысль неоднократно будут выдвигать оппоненты Достоевского: нам, русским, хотя бы не слишком отстать, а не то чтобы вести за собой. Через два дня, очевидно, тот же автор вновь и с еще большим азартом потешался над цитатами из речи Достоевского, которые растиражировали газетчики:

«Если, вращаясь в атмосфере полицейского участка, мы можем помышлять об уничтожении “европейской тоски” и за обедом московской думы примиряться с тем, что “наша земля нищая в экономическом отношении”; если мы помышляем теперь о том, какой “исход указать” Европе, а не о том, как бы нам самим избавиться от гнетущей нас тоски, как бы освободить и окрылить полную умственную работу, прекратить насильственные вторжения в сферу совести; если мы не заботимся по крайней мере о том, чтобы хотя цены на мясо не делали его мало доступным даже для среднего класса населения и четверть пшеницы не достигала 17 рублей, — то какого же добра ждать от оживления “добрых чувств”, которым служила муза чествуемого поэта?»

Нет, не об Европе, не о мировых задачах, полагали мы, должен напомнить истинно национальный пушкинский праздник. Мы были уверены и до сих пор убеждены, что воспоминание о великом поэте, безвременно угасшем и много пострадавшем от нашей внутренней неурядицы, воскресит в нас любовь к самой России и заботу о ее насущных потребностях. Наши представления о нашей родине и о наших задачах гораздо скромнее. Они также основываются на уважении и любви к России, но не отрицают и уважение к другим народам. Мы полагаем, что не нам еще спасать и поучать других. В нас теплится вера, что русский народ окажет услуги общечеловеческому развитию, но для этого он прежде всего должен умственно и материально дорасти до тех ступеней, на которых стоят более образованные и передовые народы» («Молва», 13 июня).

Достоевский вполне предвидел такого рода обвинения и опережающе ответил на них в Речи: «Почему же нам не вместить последнего слова Его [Христа]? Да и сам он не в яслях ли родился?» (*МВед.*). Однако в глазах оппонентов этот аргумент ничего не стоил: Россия как «полицейский участок», «цены на мясо» и заветный пример «передовых народов» явно перевешивали. Намек же на участие, в числе других гостей праздника, в сытном и даже роскошном думском обеде в честь открытия памятника Пушкину в виду «нищей земли» низводил Достоевского в разряд жирующих адвокатов угнетателей. Пока это был только намек, но совсем скоро в спорах о «Пушкинской речи» он дорастет до прямых оскорблений «запродавшегося» автора «Записок из Мертвого Дома». Подобный шаг при обострении идейной борьбы делается почти незаметно, на него толкает соблазн легкой победы над идейным противником.

Но вернемся к первым дням после произнесения «Пушкинской речи». После «Молвы» другие либеральные издания также пошли в наступление. Одни — пока еще довольно осторожно, например В. А. Гольцев, сделавший акцент на актуальности русского скитальца: «Тип <...> необходимый исторически, до сих пор не утратил своего значения» («Русский курьер», 11 июня)². Иные контрмеры принял анонимный автор «Русских ведомостей» (11 июня): он объяснил читателям, что скиталец, по Достоевскому, «является продуктом русской “бессмысленной” (sic) интеллигенции». Так, якобы дословно (на что указывали кавычки и скобочное sic), передано было замечание Достоевского о «сбивчивой и нелепой жизни нашего русского интеллигентного общества» (*МВед.*). Так было услышано или так хотелось услышать? Та же газета впервые высказала повторявшееся затем негативное объяснение грандиозного успеха Достоевского:

«Сказать массе в глаза, да притом в художественно-восторженной форме, напоминающей страницу из апокалипсиса, что масса эта составляет “избранный Богом народ”, из которого должен выйти новый мессия для

спасения человечества, что она сама коллективный мессия, — значит обеспечить себе ее энтузиазм» («Русские ведомости», 11 июня).

Это был сильный ход — обвинение в мессианизме. Услышанное или как-то вычитанное «избранный Богом народ» (опять же в предательских кавычках) — вольный перевод слов Достоевского «назначение», «удел», «предназначено» (*МВед.*), также и в телеграммах и первых корреспонденциях ничего не было об «избранности», это уже *прибавка* либеральной газеты, имевшая, впрочем, продолжение: и до сих пор в литературе о «Пушкинской речи» неугомонно муссируется ее «мессианизм».

На следующий день в газете «Страна» появилась передовая статья, вероятно, принадлежащая литературному критику, историку литературы А. И. Введенскому (в последующих публикациях «Страны» 26 июня и 10 июля, подписанных его именем, повторяется высказанное здесь неприятие идеи «всечеловека», правда более злобное). Опять же судя речь Достоевского по пересказам, автор статьи усомнился в том, что «всечеловечность» принадлежит только русскому гению. Показав свою эрудицию (Шекспир, Гюго, немецкие писатели тоже проявили «всечеловечность»), критик на этом не остановился.

«Но главное — к чему всё это? Представим себе общество, которое сочло бы себя удовлетворенным такой программой, какая заключается в “стремлении к великой гармонии”; это было бы общество мечтателей, а не деятелей. Оставался бы все-таки открытым вопрос о том, “как” стремиться к общей гармонии? Нужным ли окажется для этой цели начать с того, чтобы улучшить условия своего собственного быта? Но в таком случае ближайшая программа вовсе не заключается в стремлении к всечеловечности. Или же ничего у себя переменять не следует, а просто надо пылать любовью ко всему человечеству и утешать себя тем, что такова задача, специально возложенная на Россию Провидением? Но в таком случае — это есть программа застоя в настоящем с мечтою о “гармонии” в будущем» («Страна», 12 июня).

Акценты, как видим, расставлены вполне определенно и прокладывают дорогу к ударной статье А. Д. Градовского в «Голосе» 25 июня, так и названной: «Мечты и действительность» (о ней речь впереди). «Всечеловечность» — только мечта, не более, к тому же отвлекающая от насущных общественно-экономических проблем, главнейшая из которых далее и сформулирована автором в назидательном тоне:

«Русская мысль, уважаемый г. Достоевский, не есть стремление к всечеловеческой гармонии, но, как мысль каждого иного народа, она есть сознание главных потребностей народа и настоятельности их удовлетворения; русская мысль теперь заключается в том, что русское общество уже вполне созрело для прямого влияния на ход дел страны» («Страна», 12 июня).

Последнее утверждение отнюдь не было исключительным мнением автора «Страны», оно солидаризировалось с «мечтами» либеральной прессы вообще: Пушкинский праздник рассматривался ею как едва ли не начаток русского парламентаризма. Двигаясь в том же направлении, современные интерпретаторы в тогдашнем устремлении русской интеллигенции к демократизации общественного устройства усматривают исключительное значение Пушкинского праздника как эпохального события, не получившего, однако, своего развития (наиболее последовательно и объемно — [Левитт]). В таком прочтении есть, конечно, определенная часть истины, но только часть, и не самая большая. Так, невозможно с этих позиций понять значение «Пушкинской речи» и секрет ее потрясающего воздействия на слушателей. Было в ней нечто превышающее надежды на либерализацию страны; с высоты, на которую поднялся Достоевский, эти задачи, пусть даже и насущные, не выглядели стратегическими.

Как дальше развивались события в информационном поле русской печати?

Наиболее адекватными и сочувственными Достоевскому пересказами отметились два издания: «Новое время» (11 июня) и «Journal de St.-Pétersbourg» (13 июня), газета на французском языке, издававшаяся в Петербурге, полуофициальный орган министерства иностранных дел. Как мы полагаем, автором первой статьи был развернувшийся недавно в сторону Достоевского В. П. Буренин, исправивший указанную выше оплошность газеты (скорее всего, собственную, происшедшую от спешки). Автор второй статьи «Pouschkine jugé par les écrivains russes modernes» («Пушкин в оценке современных русских писателей») — редактор внутреннего отдела франкоязычной газеты М. А. Загуляев. И тот, и другой были аккредитованы на празднике (первый — вместе с редактором и возможным соавтором А. С. Сувориным), т. е. были непосредственными слушателями Достоевского. «Новое время» с этого момента становится деятельным апологетом Речи; несколько иная история у М. А. Загуляева, давнего защитника Достоевского, достаточно вспомнить его выступление против «башибузучества» («l'élément bachibouzouk») русской печати, нападавшей на автора «Бесов» и «Гражданина» (Загуляев). Точно так же и в указанной статье он пытается занять независимую, объективную позицию по отношению к одаренному писателю и глубокому мыслителю. В результате из-под пера Загуляева выходит одна из самых пронизательных интерпретаций и всего Пушкинского праздника как доказательства — перед лицом Европы — «мощной витальности нации» («Les journées des 6, 7 et 8 juin sont un de ces indices de la robuste vitalité d'une nation...»), которая сильнее всего дала себя знать именно в речи Достоевского. Журналист прогнозировал соответствующую реакцию Запада:

«Наверняка вызовет всеобщее удивление известие о том, что страна, которую считали погруженной исключительно в социальные и политические проблемы, с энтузиазмом организовала национальный праздник в честь самого любимого и самого знаменитого из своих писателей» (*Journal de St.-Petersbourg*», 13 июня).

Следует признать, что большинство журналистов, бывших слушателями Достоевского, передавали читателям некое спонтанное ощущение чего-то очень значительного, но не до конца понятного. Один из них, А. М. Дмитриев, зафиксировал довольно характерный отклик:

«— Я не знаю, что со мною! — говорил нам один петербургский литератор, наш дорогой гость. Только воду я пил сегодня, а между тем я пьян, я не владею своею головою! В ней до сих пор еще шумят и бунтуют эти святые мысли. До боли жгучие, они не дают мне покоя, но я... я и не хочу его!..» («Русская газета», 12 июня).

Столь же откровенно о потрясшем умы и сердца события высказались другие издания: «Чувствовалось, что на душе светло и хорошо, чувствовалось, что за эти дни стал лучше, выше, чище, но что, как и почему — оставалось неясным...» («Неделя», 15 июня); «не вполне ясное явление в настоящие смутные дни» («Нива», 21 июня).

В. О. Михневич дал тогда двоякое объяснение. С одной стороны, Достоевский всех «наэлектризовывал», действуя наподобие «средневекового вдохновенного аскета-проповедника, непременно фанатика вроде типичного Петра-пустынника. В нем чувствуется та же беззаветная вера в себя, в свою миссию и в свою истину, та же искренность и тот же оттенок фанатизма, готового за свою идею пойти на костер, а при случае посадить на него и противника, даже если он — родной брат». А с другой стороны, русская публика была внутренне готова и как бы ожидала слов, прозвучавших в Речи: «не могла она в данном настроении не принять восторженно учения, проповедовавшего мир и любовь, льстившего при этом нашему национальному самолюбию как народу, избранному некоторым образом Еговой» («Новости», 13 июня). Как водится, журналист своей иронией прикрывал очевидную растерянность перед свершившимся и не очень ему понятным явлением. Упрек в национальной «избранности», в одночасье растиражированный, в данном случае позволял обрести некое превосходство над оппонентом, хотя бы и мнимое.

На следующий день другой известный журналист, И. Ф. Василевский (Буква), подхватит удачные словечки своего коллеги («электризовал», «Петр-пустынник»), но уже без иронии, с чрезмерным пафосом: «фантастическая, неисчерпаемая, надо всем царствующая вера в правду, красоту и величие своих идеалов» («Молва», 14 июня). Слово как будто сказано («величие идеалов»), но не растолковано и подведено под определение «фантастическая

вера», предвиденное Достоевским («слова мои могут показаться <...> фантастическими» — *МВед.*). У него самого слово «вера» звучало вполне конкретно: «наша вера в нашу русскую самостоятельность» (*МВед.*).

Наступало время угасания «электричества» Речи. Начитавшись газет, «очнулся» от «гипноза» И. С. Тургенев и 13 июня послал наставительное (с точки зрения современного исследователя, «проницательное» — [Рибель: 270]) письмо редактору «Вестника Европы» М. М. Стасюлевичу: «Эта очень умная, блестящая и хитроискусная, при всей страстности, речь всецело покоится на фальши, но фальши крайне приятной для русского самолюбия» (*Тургенев*). Фрагмент письма Тургенева почти без изменений и без указания на его авторство будет вставлен в статью о Пушкинском празднике в «Вестнике Европы» (Пыпин, 1880а: XXXIII).

Таков дуализм восприятия «Пушкинской речи»: свершившийся в момент ее произнесения акт национального самосознания позднее был истолкован либеральной прессой как «фальшь русского самолюбия». Достоевский легко распознал здесь подлог: «Неужели восторг был оттого, что мы всех могущественнее и длинноголовее» (*ДЗ0*; т. 26: 223). Подлог, тем не менее, в определенных кругах обретал силу непререкаемо авторитетного суждения. Речь Достоевского начинала обрастать искажающей ее мифологией.

2

После публикации текста речи в «Московских ведомостях» (13 июня) недоумение достигает значительную часть читателей, что выразил, к примеру, один из них (А. А. Майков, славист, педагог, публицист, двоюродный брат поэта): «Речь Достоевского полумистическая и если она произвела, как говорят, потрясающее действие, то конечно не содержанием, но произношением»³. «Мистицизм» — ярлык, давно (со времен «Бесов») навешенный на Достоевского. Как заклинание, повторяет его и В. О. Михневич, вернувшийся к своим впечатлениям от Речи в другом издании («Живописное обозрение», 21 июня).

«Мистицизм», «фанатизм», «фантастичность» — после таких слов можно уже и не допытываться о смысле. О каких-то не вполне понятных «идеалах», как мы видели, заговаривал Василевский. Также с готовностью отдавая должное «смело начертанным идеалам» в речи Достоевского, В. А. Гольцев сразу же ограничивал их начертание: «либеральные и гуманные идеи <...> должны быть ясны и определены: они не должны расплываться в бесформенном мистицизме» («Русский курьер», 18 июня). Сам Гольцев тут же и продемонстрировал эту «определенность» уже знакомым нам образом: «Русская интеллигенция прежде всего должна завоевать себе в государстве ту независимость и влияние, какими она пользуется на Западе». Речь Достоевского была, очевидно, не о том.

Были и другие интерпретации. Так, А. С. Суворин (Незнакомец) в своих «Недельных очерках и картинках» назвал речь Достоевского «апофеозом

праздника», объяснив потрясающий эффект возросшей значимостью «писателя-художника» («Новое время», 29 июня). Это и по сей день живучая трактовка «секрета» Речи (см. прежде всего: [Волгин: 354–356]), ведущая начало от слов П. В. Анненкова в первые минуты после ее произнесения: «Вот что значит гениальная художественная характеристика! Она разом порешила дело!» (*Страхов*).

Натиск на «Пушкинскую речь» после ее публикации постоянно нарастал. Двойственную позицию занял Г. И. Успенский: явно увлеченный Речью, он в своем отчете объяснил эту увлеченность тем, что для внимавшей оратору прогрессивной молодежи (и для него самого) «могли иметь значение сказанные Достоевским слова о неизбежности для всякого русского человека — жить, страдая скорбями о всечеловеческих страданиях» (*Успенский 1880а*: 189), хотя в тексте Речи, уже напечатанной, публицист «Отечественных записок» нашел отклонения («заячьи прыжки») от этой дорогой ему самому мысли. В. П. Буренин довольно язвительно и местами остроумно прошелся по «фантазиям» Успенского и поставил вопрос об «общем смысле» Речи и всего Пушкинского праздника: «русская жизнь и литература снова, после временного блуждания околицей, должны возродиться и принять национальное развитие» («Новое время», 27 июня). Идейные разногласия определили раскол вокруг «Пушкинской речи», но сегодня стоило бы заметить, что и в пересказе Глеба Успенского не всё было «фантазией»: услышанное им у оратора «беспокойство о несчастьи ближнего» действительно входило в состав «всецеловечности», но на более широком, универсальном, т. е. христианском основании. Отвергнув его, Успенский и за ним другой публицист «Отечественных записок», Михайловский, вволю потешились над финальным поступком Татьяны Лариной в интерпретации Достоевского, и в ряде изданий перелицовка «другому отдана — век ему верна» на «нанялся — проданся» (*Успенский 1880а*: 196) имела шумный успех. Достоевский и его оппоненты говорили на разных языках.

Особенно очевидно это стало после статьи А. Д. Градовского «Мечты и действительность» в газете «Голос» (25 июня). Уже само заглавие выдержано в назидательном тоне. Профессор-правовед Петербургского университета (выразитель именно профессорско-университетской оппозиции Достоевскому)⁴ как бы прочитал лекцию, толково и терпеливо внушая нерадивому студенту правильный образ мыслей. По поводу слов Достоевского «не вне тебя правда, а в тебе самом» и т. д. (*МВед.*), ученый уверенно заметил, что в них «г. Достоевский выразил “святая святых” своих убеждений, то, что составляет одновременно и силу, и слабость автора “Братьев Карамазовых”». В этих словах заключен великий *религиозный* идеал, мощная проповедь *личной* нравственности, но нет и намек на идеалы *общественные*» (*Градовский*). В дифференцировании личных и общественных идеалов состоял главный пункт полемики профессора с писателем, вокруг этого вопроса выстраивались и все остальные.

Последовательная проработка проблемы в области философии, этики и, как бы сейчас сказали, политологии, в конечном счете вела ученого-публициста к тезису, уже звучавшему в либеральной прессе, а теперь получавшему дополнительную научно-авторитетную прибавку:

«...Общественные идеалы нашего народа находятся еще в процессе образования, развития. Ему еще много надо работать над собою, чтоб сделаться достойным имени великого народа. Еще слишком много неправды, остатков векового рабства засело в нем, чтоб он мог требовать себе поклонения и, сверх того, претендовать еще на обращение всей Европы на путь истинный, как это предсказывает г. Достоевский» (*Градовский*).

В. П. Буренин в ответ жестко парировал: «В этом-то и заключается до наших дней суть российско-западнического либерализма: у нас всё скверно и ничего нельзя сделать без помощи европейских “идей”» («Новое время», 27 июня). В то же время знакомая нам уже газета «Молва» 26 июня перепечатала пространные выдержки из статьи Градовского в качестве «ответа г. Достоевскому на мистические фантазии» и дополнительно прокомментировала пророчество писателя о внесении русским человеком «примирения в европейские противоречия» как «пифическое прозрение в область будущего, выраженное галлюцинационным бредом». Всё это 27 июня продублировала «Вечерняя газета» — «двойник» «Молвы». Выдержки из статьи Градовского перепечатали 29 июня «Современные известия» и «Правда» (Одесса). В последней иронически замечалось, что «г. Достоевский навязывает нам миссию указать “исход европейской тоске в своей русской душе”»⁵. Мы наблюдаем, как вокруг «Пушкинской речи» продолжал расти частокोल навязчивых дефиниций: «мистические фантазии», «галлюцинации», «бред», «пифические прозрения»...

Положительное значение статьи Градовского заключалось в том, что она вывела споры вокруг «Пушкинской речи» на сущностные, фундаментальные основания разногласий. В свою очередь, это обстоятельство дало повод самому Достоевскому высказаться в субстанциальном ключе в «единственном выпуске» «Дневника Писателя» 1880 г. (цензурное разрешение 1 августа). «Гражданские идеалы, — отвечал Достоевский, — всегда прямо и органически связаны с идеалами нравственными, а главное то, что несомненно из них только одних и выходят. <...> А стало быть, “самосовершенствование в духе религиозном” в жизни народов есть основание всему <...>. Оно объемлет, зиждет и сохраняет организм национальности, и только оно одно» (*МВед.*).

Следует заметить, что Достоевский в предпринятом им онтологическом прорыве не оказался в одиночестве. Незадолго до «Дневника Писателя» вышел июльский номер журнала «Мысль» со статьей Л. Е. Оболенского «А. С. Пушкин и Ф. М. Достоевский как объединители нашей интеллигенции». Оболенский, недавний ишутинец, начитавшийся Достоевского⁶

и запальчиво отвергнувший «народопрезирающий либерализм»⁷ (его самого относят к правому крылу либерального народничества), дал наконец адекватный ответ обвинениям «Пушкинской речи» в пресловутом «мессианизме»:

«Если вы поняли меня, а, если вы только русский, вы не можете не понять, то вы поймете и то, что каждая нация обязана иметь такой “огненный столб”, который вел в пустыне племя Израиля, без этого знамени оно заблудится в степи, оно не захочет идти дальше, томимое жаждой и палимое зно-ем. Идеал нации — великая сила, великий библейский огненный столб: пока он светит, люди идут, даже умирая, идут, потому что видят *его*, потому что *верят*, потому что он светит, значит он есть, значит — придем. Этот идеализм есть и величайший реализм, ибо что ж реальнее, что же проще даже с физиологической точки зрения того, что уверенный в своих силах сильнее того, который убежден, что он бессилён: прочтите любого реалистического психолога, как Карпентер, и он убедит вас в этом. Стало быть, идеал есть реальная, физическая сила, и эту-то силу Ф. М. Достоевский пробудил в русских сердцах, показал ее воочию, и его не забудут вовеки, как не забыт Моисей и его огненные столбы» (*Оболенский 1880а: 79*).

Далеко не всё принял затем Оболенский в «Дневнике Писателя» 1880 г., особенно его не устраивал, как ему казалось, чрезмерно воинственный тон полемики, заданный Достоевским (*Оболенский 1880b: 93*), отголоски этих упреков мы слышим и доныне. Трудно сказать, мог ли быть другим стиль публициста, спасающего от утилизации краугольные камни своих убеждений, но следует признать, что наступательный стиль августовского «Дневника Писателя» заметно отличался от примирительного пафоса июньской речи. Причиной была не только статья Градовского, но и другие выступления русской печати в промежуточные летние месяцы. Среди них выделяются отклики толстых журналов.

Наиболее основательной была статья А. Н. Пыпина «С пушкинского праздника» в июльском «Вестнике Европы» (вышел 1 июля). Она содержала обзор основных выступлений и ставила проблему исторического изучения творчества Пушкина. Речь Достоевского представлялась ученому и журналисту не адекватной строгим принципам историзма. Однако следовало объяснить беспрецедентный успех Речи у слушателей, и Пыпин предлагает толкование в духе формирующейся мифологии «обольщения»:

«...она подействовала — без сомнения, в значительной степени — потому, что сказана была перед аудиторией уже приготовленной к крайнему увлечению: несколько дней, проведенных в непрекращавшемся ряде сильных впечатлений, сообщили этой аудитории почти нервическое возбуждение, — по степени этого возбуждения ей требовалось всё больше увлекающих и обольстительных слов. Их предложил г. Достоевский» (*Пыпин 1880а: XXXI*).

Самым большим обманом, по указанию Пыпина, было «национальное самопрославление», которым оратор сумел увлечь аудиторию. Кстати, в стройные ряды трезвомыслящих настойчиво просится еще один автор, подтрунивающий над Достоевским:

«...он тут вознес нас, русских слушателей, на такую поднебесную высоту, с которой всё земное мелькало лишь крошечною, ничтожною точкою. У всех присутствовавших от таких похвал русскому народу на момент захватило дыханье...» (*Депутат*).

Анонимный «Депутат» верно-таки заметил «полетность» Речи, но поспешил осадить увлеченных ею подозрением в самопоклонении, в национальной автофилии. У этой мифологии и сегодня достаточно адептов, искренне убежденных, что «Пушкинская речь» несла в себе «фальшь», заключающуюся «в опасном, имевшем катастрофическое продолжение в европейской истории возведении русских в ранг всечеловеков» [Ребель: 274]. Эти наветы давно бьют мимо подлинного Достоевского, но мифологии подлинность и не нужна.

Пыпин решительно переосмыслил заявленную Достоевским русскую «всечеловечность»: в отличие от таковой в Европе, она обличает нацию, отставшую от ушедшего вперед культурного мира и вынужденную заимствовать чужие достижения. Равнять ее с западным вариантом, убежден автор, «непозволительно», поскольку у нас «народ остается без школ, общество — без возможности самодеятельности, литература — без элементарных условий, которые бы дали ей право считаться истинным выражением своего общества и народа» (*Пыпин 1880а: XXXII*). Если верить Пыпину, русская литература на момент 1880 г. не получила еще такого права. Также утверждалось, не в первый и не в последний раз, что Достоевский выступил против общественного прогресса, в то время как автор «Пушкинской речи» предложил *иную формулу* его (христианскую). Школы для народа и самодеятельность общества в этом контексте, разумеется, не отвергались, напротив, под них подводился реальный, если угодно, антропологический фундамент: люди в их истинном нравственном качестве, а не институции сами по себе являются основанием прогресса. Так, к примеру, институт местного самоуправления в виде земства был введен в эпоху реформ, проблема же заключалась, увы, в остром дефиците людского ресурса.

На критику Пыпина мгновенно отреагировал неутомимый В. П. Буренин:

«Почтенная редакция как будто хочет сказать <...>, что праздник — праздником, поэт — поэтом, а либерализм превыше всего: без либерализма несть спасения, а с ним всё приложится («Новое время», 4 июля).

Свое объяснение «всечеловечности» дал автор журнала «Слово», оставившийся перед указанием, что «русская народность <...> “не помирится дешево”, как на идеале всемирности, всечеловечности»: «Очевидно,

положение это старается убить зараз двух зайцев и одним глазом подмигнуть московским славянофилам и петербургским западникам» (*Корончевский?*: 158)⁸. В этом же направлении разоблачения двуличности Достоевского пошли автор журнала «Русское богатство» (*Очевидец*) и публицисты «Отечественных записок» (*Успенский 1880b*; *Михайловский 1880a*)⁹, выступившие тандемом в июльском номере журнала. Михайловский подытожил высказывания однопартийцев:

«...Речь эта пустая и не совсем умная шутка. Да, пустая, потому что человек не дал ни одного твердого вывода, ни одной неколеблящейся мысли, и не совсем умная, потому что “не можно век носить личин”» (*Михайловский 1880a*: 132).

Критик процитировал известное стихотворение Г. Р. Державина «Вельможа». Приведем контекст цитаты, чтобы понять, на что намекал ироничный журналист:

Осел останется ослом,
Хотя осыпь его звездами;
Где должно действовать умом,
Он только хлопает ушами.
О! тщетно счастья рука,
Против естественного чина,
Безумца рядит в господина
Или в шумиху дурака,
Каких ни вымышляй пружин,
Чтоб мужу бую умудриться,
Не можно век носить личин,
И истина должна открыться.

Не столь язвителен был публицист «Дела» К. М. Станюкович. Ему, как и Глебу Успенскому, слышались в «Пушкинской речи» сердечно-близкие ноты, но при этом отталкивающее впечатление произвели очевидные христианские мотивы, пронизывающие последние произведения писателя (и прежде всего печатавшийся тогда роман «Братья Карамазовы»):

«Это — какое-то туманно-неопределенное искание “правды”, проповедь смирения и любви с оттенком мистицизма и с некоторым запахом постного масла. <...> Несомненная любовь к народу чувствуется в его речи и вместе с тем, когда вы прочтете речь, у вас остается некоторое недоумение и вы остаетесь в каком-то тумане. Вы не знаете, что именно хочет сказать художник, вы не можете, так сказать, перевести его идеалов на понятный язык. <...> у него мистицизм затемняет и те проблески истины, которые порой являются, хотя и в фантастическом виде. И вот почему речь его, производившая потрясающее впечатление на слушателей, в чтении производит далеко не то впечатление, несмотря на талантливость» (*Станюкович*)¹⁰.

Критика подобного рода особо настаивала на «фантастичности» «Пушкинской речи», что, по существу, означало неприятие утверждаемого писателем идеала как противоречащего законам действительности, известным этой критике (бессильной «перевести его идеалы на понятный язык»). Дискуссия приобретала аксиологическое значение. В спорах вокруг Речи и под воздействием ее противоборствующие стороны получили возможность более глубокой самоидентификации. То же самое происходило и с самим Достоевским при формировании уже «Дневника Писателя», «единственного выпуска на 1880», хотя сама Речь изначально носила очевидно объединительный характер. Сфера культуры, как представляется, проходит через процесс идейного дифференцирования, чтобы в итоге в ней проявилась интегративная природа идеала, как она и проявилась в «Пушкинской речи». «Пришел с прощением всех увлечений и крайностей. (Это я усиленно подчеркиваю.)» — так сам Достоевский определял скрытую интенцию Речи (ДЗ0; т. 26: 209). Эта ситуация отдает парадоксом, но культура и не знает линейного развития¹¹. Она прекрасно подходит к формуле: «единство без смешения и различие без разлучения» [Соловьев].

3

Ответ критикам Достоевский дал в моножурнале «Дневник Писателя. Единственный выпуск на 1880. Август», имевшем большой успех у публики, так что через месяц пришлось печатать второе издание. Вместе с тем наступательный настрой автора вызвал волну куда большей, чем ранее, агрессивной полемики.

Выпишем наиболее характерные перлы журналистики в хронологической последовательности, чтобы представить ход и основное значение встречного удара:

«В действительности он всех [западников] к “смердам” причисляет и нецеремонно отваливает по щекам. Это, извольте видеть, по-христиански и в народном духе! <...> православие, о котором вы так много кричите, числится больше на бумаге, в журнальных статейках разных “охранителей”, да в епархиальных отчетах» (Гр. Градовский, «Молва», 16 августа).

«Чего-чего не наговорил только г. Достоевский! И Европа-то гниет, и просвещения-то у нее нет, и рухнет-то она вся послезавтра, не позже, если русский человек не обновит ее своим “новым словом”! И говоря это, г. Достоевский даже не подозревает, что проповедывает невежество, сеет зло!» («Голос», 17 августа).

«Ф. М. больше крестится, чем рассуждает» (Ар. Введенский, «Страна», 17 августа).

«Перед вами болезненно мечется какой-то “блажен муж”, то гордо вскакивающий на риторические ходули богословского витийства, то ползающий в прахе пошлепкинского сплетничества самого пошлого злоязычия» (Коломенский Кандид <В. О. Михневич>, «Новости», 19 августа).

«Мистицизм — безжизнен и бессилён для общества, и неужели умственные и нравственные силы высокодаровитого автора “Записок из мертвого дома” и “Преступления и наказания” подавятся окончательно этим мистицизмом!» (А. Налимов, «Современность», 20 августа).

В том же духе выступили газеты «Петербургский листок» (21 августа), «Страна» (31 августа), «Молва» (3 сентября). Нетрудно заметить, как то и дело выступает вперед раскручиваемый журналистами термин «мистицизм» в качестве эвфемизма к слову «вера». Как со всей прямотой заметил автор «Дневника писателя» 1880 г. и «Братьев Карамазовых» (их параллельные публикации поддерживали друг друга и давали лакомую пищу отменно секуляризованной критике): ругают «за Бога» (*ДЗ0*; т. 30₁: 235). Следом за газетами поспешали журналы. Про «деревянное масло» или «лампадное» (ходовая по поводу Достоевского метонимия), коим «помадится» автор «Дневника», не преминул съязвить Н. К. Михайловский в сентябрьском номере «Отечественных записок» (*Михайловский 1880b*: 126). В другом передовом журнале читаем:

«Это бред какого-то юродивого мистика, а отнюдь не суждение здравомыслящего человека. Мы уважаем в г. Достоевском религиозного человека, но зачем же доводить религиозность до абсурда, до отрицания необходимости научного образования. Ведь никто не станет возражать, что религиозное чувство, доведенное до абсурда, породило инквизицию и скопчество» (*Insident*).

Кардинальное заявление взял на себя автор «Русского богатства», вышедшего 13 сентября: «г. Достоевский не уважает человека» (*Протопопов*: 15). По мнению представителя левого народничества, «весь вопрос человечества <...> сводится к следующему: каким образом примирить права каждого с правами всех?» Необходимый исторический процесс эмансипации личности привел к тому, что она утратила «чувство своей солидарности с обществом». Отстав от западной цивилизации, русский народ сохранил в себе способность «класть душу свою за други своя», однако, увы, так и «не выработал сознания личности» (*Протопопов*: 17).

«Для г. Достоевского, очевидно, в особенности дорога эта приниженность личности перед общею волею, приниженность, прекрасно гармонирующая с проповедью г. Достоевского о “смирении”. Он ставит эту приниженность в особую заслугу нашему народу» (*Протопопов*: 18).

Само слово «смирение» с выхолощенным из него христианским содержанием стало в рецепции «Пушкинской речи», где оно прозвучало с особенной силой, камнем преткновения для тогдашней и всей последующей «прогрессивной» критики: в ложном понимании слова Достоевского со всей очевидностью проявился глубинный конфликт ценностей (см.: [Викторович, 1991]).

«Господин, именующий себя восторженным любителем народа и из-за начальства не видящий этого самого народа» — так размашисто трактует автора «Дневника Писателя» один из тогдашних «властителей дум» (*Михайловский 1880b*: 128). С ним солидарен и другой, стыдящий Достоевского: «Ваш “талант” таскает каштаны для них», угнетателей народа (*Протопопов*: 27). Даже сочувствующий Достоевскому автор, поддавшись общему «веянию», задается вопросом: «Почему с крепостниками, действительно заслуживающими эпитета “обагрющих руки”, он живет душа в душу» (*Оболенский 1880b*: 95). В этой же плоскости лежит обвинение Достоевского в том, что он игнорирует «материальную сторону существования в народной жизни» («Русский курьер», 28 сентября). Против «елейных взглядов г. Достоевского» продолжало горячо выступать и «Русское богатство» (*Паночини*).

Для финала своей многословной статьи ведущий публицист «Отечественных записок» приберет главный и, как ему, очевидно, представлялось, неотразимый аргумент против Достоевского:

«Ах, господа, дело, в сущности, очень просто. Если мы в самом деле находимся накануне новой эры, то нужен прежде всего свет, а свет есть безусловная свобода мысли и слова, а безусловная свобода мысли и слова невозможна без личной неприкосновенности, а личная неприкосновенность требует гарантий. <...> А искать себя в себе под собой — это просто пустяки» (*Михайловский 1880b*: 140).

Как видим, предлагая отличную от Достоевского шкалу ценностей, Михайловский не слишком далеко ушел от обоих Градовских и Пыпина. Речь велась именно о шкале, т. е. иерархии ценностей, ведь Достоевский ни в коей мере не покушался на собственное значение так называемых либеральных ценностей, которые кинулись защищать от него его оппоненты.

Удивительно, но остроумнейший противовес одномерному Михайловскому мы находим в том же самом сентябрьском номере «Отечественных записок», и не в очерке Глеба Успенского (до некоторой степени сочувствовавшего Достоевскому), а в сочинении яростного противника «Пушкинской речи» (судя по личной переписке) — я имею в виду М. Е. Салтыкова-Щедрина и его «пьесу» «Мальчик в штанах и мальчик без штанов» из цикла «За рубежом». Выпишем из журнального варианта финальную часть диалога между немецким мальчиком («в штанах») и русским («без штанов»):

Мальчик в штанах. (Хочет что-нибудь выдумать, но долгое время не может; наконец выдумывает). Я полагаю, что вам без немцев не обойтись!

Мальчик без штанов. Натко, выкуси!

Мальчик в штанах. Опять это слово! Русский мальчик! я подаю вам благой совет, а вы затвердили какую-то глупость, и думаете, что это ответ. Поймите меня. Мы, немцы, имеем старинную культуру, у нас есть солидная наука, блестящая литература, свободные учреждения, а вы делаете вид, как

будто все это вам не в диковину. У вас ничего подобного нет, даже хлеба у вас нет — а когда я, от имени немцев, предлагаю вам свои услуги, вы отвечаете мне: выкуси! Берегитесь, русский мальчик! это с вашей стороны высокоумие, которое положительно ничем не оправдывается! <...> Вот уже двадцать лет, как вы хвастаетесь, что идете исполинскими шагами вперед, а некоторые из вас даже и о каком-то “новом слове” поговаривают — и что же оказывается? — что вы беднее, нежели когда-нибудь, что сквернословие более, нежели когда-либо, регулирует ваши отношения к правящим классам, что Колупаевы держат в плену ваши души, что никто не доверяет вашей солидности, никто не рассчитывает ни на вашу дружбу, ни на вашу неприязнь... ах!

Мальчик без штанов. Ахай, немец! а я тебе говорю, что это-то именно и есть... занятное!

Мальчик в штанах. Решительно, ничего не понимаю!

Мальчик без штанов. Где тебе понять! Сказывал уж я тебе, что ты за грош черту душу продал — вот он теперь тебе и застит свет!

Мальчик в штанах. “Сказывал”! Но ведь и я вам говорил, что вы тому же черту задаром душу отдали... кажется, что и эта афера не особенно лестная...

Мальчик без штанов. Так то за даром, а не за грош. Задаром-то я отдал — стало быть, и опять могу назад взять... Ах, колбаса, колбаса!» (*Салтыков-Щедрин 1880: 326–328*).

Нетрудно заметить, что в фантастическом диалоге, отзывающемся на споры вокруг «Пушкинской речи» Достоевского и его «Дневника Писателя», все преимущества сытной и хорошо организованной жизнедеятельности — на стороне «мальчика в штанах», однако скучно и не «занятно» «мальчику без штанов» купленное у чёрта благополучие. Преимущество подлинной свободы от чёрта остается в конечном счете за бесштаным. Такой вот сюрприз преподнес своим соратникам «сатирический старец»!

Наиболее разнузданную критику на себя Достоевский мог прочесть в сентябрьском номере «Дела» (журнал как бы дезавуировал предыдущее цитированное нами куда более уважительное выступление К. М. Станюковича) под глумливым названием «Романист, попавший не в свои сани». Авторство этой статьи до сей поры либо никак не определялось ([Фридлендер, Крыжановский: 488], [Летопись: 477]), либо приписывалось Г. Е. Благосветлову [Левитт: 237]. Последний, оставаясь до смерти, последовавшей 7 ноября 1880 г., формальным редактором журнала, в то время (номер вышел 25 сентября) уже отошел от дел по болезни, и фактическим редактором «Дела» был радикальный публицист и критик Н. В. Шелгунов. Кроме этого обстоятельства, главными приметами его авторства можно считать следующие:

- 1) в литературно-общественных кругах Шелгунов прославился как «пламенный западник»¹², убежденный в том, что свет мог распространяться только из Европы;
- 2) содержащийся в статье подробный экскурс в русскую историю для обличения отечественного «рабства» и «звериной дикости» (коих он не замечает в европейской истории) — любимый конек Шелгунова;
- 3) сказанное в статье об истории Великого Новгорода повторяет ранее опубликованные Шелгуновым соображения о том, что «действительного народоправства в Новгороде никогда не было», что «Новгород был русским окном в Европу, и, однако, через это окно не прошло к нам ни единого луча света, ни одной европейской идеи» (*Радюкин*: 97, 102). Настоящая русская история, по Шелгунову, началась только с Петра Великого, поэтому и отыскание здоровых национальных корней в истории Древней Руси у Достоевского представляется публицисту-европоману абсолютным невежеством.

В общей оценке «Пушкинской речи» и «Дневника Писателя» Шелгунов ничуть не стесняется в выражениях:

«В этом непроглядном, полумистическом, полупророческом и чревоушатательском тумане ничего не разберешь; никакая логика и никакой здравый смысл неприменимы к этой литературной кабалистике. А между тем все это говорится с самоуверенностью глашатая великих откровений, с пафосом фанатика или с келейным смирением псалмовщика. <...> страшно не за повсеместную гибель Европы, а... за патологические симптомы мозга самого прорицателя» (*Шелгунов*).

К справедливости и хотя бы минимальной объективности призвал процитированных выше журналистов редактор и ведущий автор либерально-народнической «Недели» (к слову сказать, ближайший сосед Достоевского по Старой Руссе) П. А. Гайдебуров:

«Этот самый дневник вызвал ожесточенные нападки <...> в двух <...> журналах: в “Деле” и “Русском богатстве”. Сущность этих нападок уловить трудно, да, строго говоря, в них никакой сущности и нет: это просто сплошное издевательство над г. Достоевским, без малейшей попытки отделить в его взглядах зерно от мякины» (*Гайдебуров*: 1285–1286).

Гайдебуров довольно тонко прочувствовал тогда природу публицистического слова Достоевского, приблизившись в этом к упомянутому выше Л. Е. Оболенскому:

«Его воззрения страдают недостатком практичности, в них нет переходных ступенек, которые, конечно, необходимы. Но ведь он и не претендует на практичность; идеалистический радикал, если можно так выразиться, он смотрит далеко вперед, видит там яркую звезду и зовет к ней; указывать

пути совсем не его дело: он только носитель идеала. Дурен этот идеал в своей основе, очищенный от случайных примесей? Заслуживает ли нареканий, или, напротив, имеет полное право на уважение этот идеал светлой, беззаветной любви? Господа, бросать грязью в такие вещи значит пачкать самих себя!..» (*Гайдебуров*: 1286).

Увы, далек оказался от такого понимания даже автор солидного «Вестника Европы», укрывшийся за криптонимом «В. В.». До недавнего времени статья эта приписывалась В. П. Воронцову (см.: [Фридлиндер, Крыжановский: 489], [Летопись: 480]), однако недавно был документально выявлен подлинный автор — А. Н. Пыпин (см.: [Китаев]). Причина строгой секретности, когда известный автор спрятался за чужой криптоним, кроется, вероятно, в том, что агрессивно-публицистический стиль статьи, переходящий на личности, не соответствовал желанному для Пыпина статусу солидного академического ученого (в 1871 г. он был избран, но не утвержден адъюнктом Академии наук, куда-таки вошел в 1891). Во взятой им на себя миссии «остановить Достоевского» действительно не было ничего академического:

«Что сказать об этом походе против “либерализма”? Первое, что спорить правильно против г. Достоевского нет никакой возможности; потому что изложение его не есть вовсе последовательное развитие какой-либо мысли, а раздражительное словоизвержение, ясно показывающее, что автор резонов слушать не намерен, что им овладела страсть и то жестокое настроение, при котором аргументация невозможна и бесполезна. Эта страсть — крайне неумеренное самолюбие, это настроение — мистицизм» (*Пыпин 1880b*: 812).

«Вестник Европы» на время оставил должность либеральной полиции нравов, когда следом опубликовал на своих страницах «Письмо Ф. М. Достоевскому» К. Д. Кавелина. (Впрочем, в том же номере во «Внутреннем обозрении» «Дневник Писателя» назван «картонным мечом» «реакционной печати» (*Арсеньев*: 377–378)). Философ-правовед с первых же строк отрекся от способа ведения полемики подавляющим большинством оппонентов Достоевского, а в их числе и соседей по журналу:

«Вы произнесли слово: примирение партий. Да, кончить личные счеты, прекратить литературные турниры, вертящиеся на остроумии, оставить дрянные, плоские и пошлые взаимные обвинения — пора, давно пора! Пора спокойно, отбросив личности и взаимное раздражение, откровенно и прямо объясниться по всем пунктам. <...> Наши русские споры отравлены при самом их начале тем, что мы редко спорим против того, что человек говорит, а почти всегда против того, что он при этом думает, против его предполагаемых намерений и задних мыслей» (*Кавелин*: 433).

Призыв к объективности вызвал в русской печати неоднозначную реакцию: А. И. Введенский («Страна», 6 ноября) и Г. К. Градовский («Молва», 14 ноября) не вняли ему и остались при своих жестких оценках Достоевского, а вот В. В. Чуйко («Новости», 7 ноября) и анонимный автор «Недели» (16 ноября), возможно, тот же П. А. Гайдебуров, воздали должное «спокойной» речи ученого.

Освободившись от «негодного придатка» крайнего субъективизма, Кавелин повел диалог с идейным противником по всем правилам научного диспута. Он прежде развернул собственное понимание «европеизма», отчасти соглашаясь с Достоевским в том, что «европеизм, орудие образования, по мысли Петра и государственных деятелей его школы, превратился в орудие угнетения», «в гнетущую, заскорузлую формалистику» (Кавелин: 435–436). Следует остерегаться как «рабского поклонения перед Европой», так и квасной «самоуверенности и задора» (Кавелин: 441–442). Однако и «нравственные качества русского простого народа» вызывают у Кавелина желание оспорить Достоевского:

«Вы будете превозносить простоту, кротость, смирение, незлобивость, сердечную доброту русского народа; а другой, не с меньшим основанием, укажет на его склонность к воровству, обманам, плутовству, пьянству, на дикое и безобразное отношение к женщине; вам приведут множество примеров свирепой жестокости и бесчеловечия. Кто же прав: те ли, которые превозносят нравственные качества русского народа до небес, или те, которые смешивают его с грязью? Каждому не раз случалось останавливаться в раздумьи перед этим вопросом. Да он и не разрешим!» (Кавелин: 442–443).

Православие, по убеждению Кавелина (отчасти чаадаевскому), не только не дает преимущества «душевному» русскому человеку сравнительно с «дрессированным» европейцем, но и формирует пренебрежение к «дейтельной, преобразовательной стороне христианства» (Кавелин: 447), утилизированной на Западе. Далее спор с Достоевским переводится на само понимание нравственной природы человека. В противоположность религиозному генезису добра у Достоевского Кавелин предлагает определять его как сугубо личностный настрой, образуемый однако «хорошими общественными условиями» (а не наоборот, как доказывал Достоевский). Эти условия, полагает он, надо «сперва выработать <...> в лаборатории строгой и точной науки», «силою доводов, аргументами современного знания поставить людей лицом к лицу с нравственной правдой и показать, что все пути неизбежно ведут к ней» (Кавелин: 441).

Таким образом, отвергнув «мистический» идеализм Достоевского, Кавелин на его место поставил идеализм просветительского сциентизма. «Казалось бы, Кавелин требует больше внимания к жизни, однако жизнь понимается им достаточно рассудочно», — пишет о диалоге профессора с писателем современный исследователь [Кантор]. Достоевский собирался

подробно отвечать своему оппоненту в «Дневнике писателя» 1881 г., однако смерть помешала продолжению в высшей степени знаменательной дискуссии. В записных тетрадах писателя остались наброски к полемике, среди которых мы находим и формулу последнего убеждения Достоевского: «Если мы не имеем авторитета в вере и во Христе, то во всем заблудимся» (*ДЗ*; т. 27: 85).

4

В истории восприятия «Пушкинской речи» нас поражает контраст между «слушателями» и «читателями». В течение очень короткого времени состоялся переход от единодушного согласия с оратором к непримиримому спору с писателем. В глазах большинства современников Достоевского и выражавших (и направлявших) их мнение органов печати «Пушкинская речь» предстала некоей, может быть и прекрасной, но уж точно несбыточной утопией, не имеющей ничего общего с земной неприглядной реальностью. Эффект небывалого воздействия Речи стали мотивировать талантом оратора, сумевшего угодить всем без исключения слушателям. «Хитроискусной» назвал ее И. С. Тургенев, как бы очнувшись от наваждения (*Тургенев*), а последовавший его указанию «Вестник Европы» предложил термин «обольстительные слова» (*Пытин 1880а: XXXI*). Это объяснение работает и сегодня, достаточно лишь сменить терминологию на более научную, например: «эмоциональная техника аргументации», «риторические фигуры», «психологическая игра» и т. п. [Смолененкова]. В цитируемом современном исследовании успех речи Достоевского объясняется тем, что оратор последовательно, шаг за шагом удовлетворял запросы собравшейся аудитории. Поначалу «добрая половина слушателей почувствовала себя причастной к числу “страдающих по всемирному идеалу”», затем наступила очередь подкупить «либерально настроенную интеллигенцию» и, наконец, решающий сигнал послан лучшей половине аудитории: «Татьянинская часть речи, с её тщательно продуманным риторическим построением (использованием фигур обращения, концессии, заимословия, предупреждения и др.), а главное, с однозначно положительной, возвышенной трактовкой образа пушкинской героини, неизбежно превратила всех слушательниц Достоевского в его фанатичных почитательниц» [Смолененкова]. Сквозь ограду ученых слов хорошо узнается фабула, давно предложенная Глебом Успенским: Достоевский «желал всех силою своего слова покорить, всем понравиться и быть приветствованным всеми», и потому после Речи писателя благодарят за совершенно разные вещи генерал и курсистка, Иван Аксаков и «социалист», а в довершение сама Татьяна Ларина как представительница русских женщин (*Успенский 1880b: 109–113*). Современный исследователь на основании «риторико-критического анализа» заново повторяет то, что отзвучало в западнически-ориентированной газетно-журнальной критике «Пушкинской речи»: «Последние сомнения рассеяны, каждый в зале чувствует себя

“вполне русским”, “братом всех людей”, “всечеловеком”. И это очень приятно для русского самолюбия (в этом Тургенев был прав). <...> Получается, что потрясающее впечатление, произведенное речью, оказалось основанным почти что на недоразумении, массовом психозе, минутном увлечении». вывод: после общего отрезвления «речь была обречена на неприятие и искажающее истолкование» [Смолененкова].

«Обреченность» эта явно вымышлена ввиду очевидных фактов, приведенных выше: к пониманию смысла Речи, как мы видели, ближе всех подошли Л. Е. Оболенский, П. А. Гайдебуров, В. П. Буренин, некоторый вклад в это приближение внесли Н. П. Гиляров-Платонов, М. А. Загуляев и некоторые другие. В этот ряд следовало бы поставить некоторых «непрофессиональных» толкователей, оказавшихся пронизательнее многих «профессионалов». Вот одно из таких объяснений происшедшего 8 июня 1880 г. в зале Благородного собрания: «И не великому поэту одному указали Вы его высокое место, Вы указали его и для России, подняли наш угнетенный дух, от той-то радости и заплакали Ваши слушатели» (*Штакенишнейдер*).

По поводу же рьяных критиков Достоевского можно было бы сказать, что впоследствии, возвращаясь к теме, некоторые из них всё же отошли от воинственной риторики (*Михневич*, *Введенский*). Скажем больше: поняли Речь и принципиальные оппоненты Достоевского, поняли, но не приняли. Так, тот же Глеб Успенский сформулировал в секулярных терминах ключевую позицию Достоевского: «отвлеченная (хотя и очень искусная) проповедь самосовершенствования», — а затем дал собственную «формулу сомнения»: «Решительно нельзя понять, почему на Руси люди будут только самосовершенствоваться...» (*Успенский 1880b*: 117, 118). Успенский был далеко не одинок в своем сомнении. Один из организаторов Пушкинского праздника, во многом сочувственный Достоевскому, также недоумевал:

«Послушать его, стать на его точку зрения — надо перестать думать и об экономических и о политических усовершенствованиях народной жизни, похерить все эти вопросы и ограничиться молитвой, христианскими беседами, монашеским смирением, сострадательными слезами и личными благодеяниями» (Юрьев).

Успенский гораздо короче, буквально в двух словах передал расхождение с Достоевским: тот говорит о «ниве», а мы — о «деле» (свой цикл очерков Успенский тем не менее назвал «На родной ниве»). Следом публицист рассказал назидательную историю о народном заступнике, которому общество не позволяет вершить благодеяния (*Успенский 1880b*: 118–121).

Призыв Достоевского «потрудиться на родной ниве» (*МВед.*) не означал «ограничиться молитвой», такое, опять же мифологическое, прочтение оппоненты навязывали «Пушкинской речи». Из того культурного контекста, в котором данный призыв означал «умное делание», они давно (или недавно) выпали, вернувшись в него лишь на краткий миг, как тот же Успенский,

когда был слушателем Речи. Но этот-то миг и был по-настоящему моментом истины, впоследствии заслоненной чужеродными словами.

Особое место во всей этой истории занимает выступление К. Н. Леонтьева «О всемирной любви. По поводу речи Ф. М. Достоевского на Пушкинском празднике» в газете «Варшавский дневник» 29 июля, 7 и 12 августа. Значительность этого выступления была замечена не сразу, но зато впоследствии судьба определит ему стать главным противовесом «Пушкинской речи» и в этой роли ее вечным спутником. В рамках нашего обзора отметим характерное для Леонтьева «системное» противоречие: с одной стороны, он «вернул» Речь в ее подлинный контекст христианской словесности, а с другой — осудил ее автора с позиции абсолютизированной надмирности евангельского учения. Поразительно, как при этом сошлись крайности: Леонтьев в унисон внехристианской журналистике обвинил Достоевского в утопизме. Искомая Достоевским гармония «всечеловечности», по Леонтьеву, не способна выдержать столкновения с «нестерпимым трагизмом жизни», с ее принципиальной «неисправимостью» (*Леонтьев*: 7 августа). Современный исследователь определил конфликт двух мыслителей как «расхождение в идеалах» [Бочаров]. Не приняв «всечеловека» как идеал земного миропорядка, Леонтьев проявил «неполноту христианского сознания», поскольку «христианство есть спасение жизни, а не спасение от жизни» [Зеньковский]. Один из участников развернувшихся затем в русской религиозной философии прений точно подметил: Леонтьев «досадно отмахнулся и от всего, что связано у Достоевского с личным отношением к Христу, для которого, странно сказать, как будто вовсе не находится места в леонтьевском православии» [Булгаков].

Центральное слово «Пушкинской речи» — «всечеловек» — было тем краеугольным камнем, который отвергли непричастные дому строители. Само это слово и его производные («всечеловеческий», «всечеловечный», «всечеловечность») в контексте Речи представляют сходящиеся к центру семантические поля, поначалу образуемые такими понятиями, как «всемирная отзывчивость» Пушкина как русского гения (см. подробнее: [Викторович, 2005]) и «всемирность стремления русского духа». В заключительной части Речи «всемирность» как бы возрастает до «всечеловечности», а эта последняя вступает в союз с родственным: «братство» (семь слов с этим корнем в небольшом фрагменте текста!). Самое сильное место здесь: «...изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского согласия всех племен по Христову евангельскому закону!» Следом Достоевский оговаривает предвиденную им реакцию секуляризованной общественности и в противовес — свою твердую позицию: «Знаю, слишком знаю, что слова мои могут показаться восторженными, преувеличенными и фантастическими. Пусть, но я не раскаиваюсь что их высказал. Этому надлежало быть высказанным» (*МВед.*). Заметим: восторженными и фантастическими «могут показаться» слова о «Христовом евангельском законе». Что,

собственно, и случилось как в секулярной, так и в квазихристианской журналистике. Однако слово было сказано, «и Слово было Бог». Концепт «всечеловек» попадал в тот смыслообразующий контекст, который, несомненно, был знаком аудитории, собравшейся в зале Благородного собрания, и потому был адекватно воспринят ее коллективной культурной памятью. Свидетельство тому — приведенные выше сравнения Достоевского с Петром-пустынником, а также сохранившаяся стенограмма агента III Отделения, тщательно фиксировавшего, в каких местах речь Достоевского прерывалась «рукоплесканиями», «дружными рукоплесканиями», «громом рукоплесканий» (дважды). Единственная ремарка «оглушительные рукоплескания» сопровождается именно словом «всечеловек» (*Агент*: 280). Ср.: «И к чему этот всечеловек, которому так неистово хлопала публика?» (*Тургенев*).

Что евангельские коннотации были не чужды данному слову, подтверждает рассуждение Н. Я. Данилевского в книге «Россия и Европа» (1869) о различении «общечеловеческого» и «всечеловеческого», завершающееся фразой: «...был только один Всечеловек — и тот был Бог» (*Данилевский*). Разумеется, Достоевский мог и не помнить этой фразы десятилетней давности, а в памяти слушателей Речи ее бытование тем более сомнительно. Однако есть неисследимые «воздушные пути» коллективной культурной памяти, и именно об этом слова Достоевского: «Можно очень много знать бессознательно», — сказанные, между прочим, по поводу «сердечного знания Христа» (*ДЗ0*; т. 21: 38). Слово «всечеловек» должно было «подождать», когда наступит время для его полной отрефлексированности — в трудах сербского святого Иустина (Поповича), рассматривавшего «Пушкинскую речь» как «самое евангельское пророчество о всечеловеке и о всечеловечестве» [*Иустин*: 226]. Приведем одно из суждений преподобного, имеющее прямое отношение к нашей теме:

«Для людей гуманистического, механического, римокатолического склада духа такое евангельское объединение людей во всечеловеческое братство представляется утопией, невозможным чудом на земле. Но для православного человека, обоженного и освященного Христом, такое объединение людей является не только горячим желанием веры и молитвы, но и необходимым евангельским ощущением жизни. Это одна из главных реалий, на которой стоит, существует и служит Христов человек в этом мире» [*Иустин*: 225].

Только недавно слово «всечеловек» вошло в тезаурус исследователей творчества Достоевского [*Буданова*], [*Захаров, 2009*], [*Захаров, 2013а*], [*Захаров, 2013б*], [*Шалина*], [*Захаров, 2021*], [*Литинская*].

Настала пора сказать несколько слов о современнике Достоевского, ближе других подошедшем к пониманию феномена «Пушкинской речи». Это Иван Сергеевич Аксаков. Именно он усилил эффект, произведенный Речью на слушателей, сразу же и во всеулышание назвав ее «событием»¹³, что вызвало «рукоплескания и крики: браво!» (*Агент*: 281). Вскоре публицист

подробно изложил свое видение «события» в переписке с современниками (Аксаков), и, наконец, дал самый, возможно, проницательный на то время духовный очерк Достоевского в некрологической передовой статье газеты «Русь» (1881, 7 февраля). Аксаков здесь исчерпывающе ответил на известные уже нам «политические» претензии оппонентов писателя: «Идея внешней, социальной равноправности бледнела и исчезала для него в *высшей* идее — в христианской идее *братства*». В происшедшем со многими слушателями «Пушкинской речи» перевороте острый взгляд знатока русской общественной жизни уловил главное:

«...увлеченные общим движением, сами подвигнутые проснувшейся в них правдою и вспыхнувшим русским народным чувством, — многие стали потом стыдиться своего увлечения и своих восторгов — может быть лучшей, искреннейшей минуты в своей жизни!» («Русь», 1881, 7 февраля).

Интересно все же, чем была бы наша история без таких «минут»? Аксаков провокативно-резко и открыто-парадоксально называет их — «наваждение истины». Его проникновение в суть исторического события «Пушкинской речи» позволяет нам поставить последнюю точку в предпринятом обзоре:

«...знаменательна и утешительна самая возможность таких минут в нашей русской общественной жизни, когда правда берет свое, является в торжестве, всё покоряет себе своею властью, все и всех единит собою: это правда христианская, это правда русского, глубоко-народного чувства...» («Русь», 1881, 7 февраля).

Избранные источники

Агент — Бельчиков Н. Пушкинские торжества в Москве в 1880 г. в освещении агента III Отделения // Октябрь. 1937. № 1. С. 271–282.

Аксаков — письма И. С. Аксакова 1880 года: предположительно Е. Ф. Тютчевой 14 июня (Русский архив. 1891. Кн. 2. Вып. 5. С. 96–99), О. Ф. Миллеру 14 июля и 17 августа (Литературное наследство: Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. Т. 86. М.: Наука, 1973. С. 511–512, 514–515), П. А. Кулаковскому 22 июля (Переписка П. А. Кулаковского и И. С. Аксакова 1880–1886 гг. // Славистика. Белград, 2014. Вып. XVIII. С. 572–573), Ф. М. Достоевскому 20 августа (ОР РГБ. Ф. 93.П. 1. 20. Л. 5–8 об.).

Арсеньев — <К. К. Арсеньев> Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1880. Ноябрь. С. 376–379.

Венок — <Ф. И. Булгаков> Венок на памятник Пушкину: Пушкинские дни в Москве, Петербурге и провинции: Адресы, телеграммы, приветствия, речи, чтения и стихи по поводу открытия памятника Пушкину. Отзывы печати о значении Пушкинского торжества. Пушкинская выставка в Москве. Новые данные о Пушкине. СПб.: Тип. и хромолит. А. Траншеля, 1880. 354 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003611373#?page=1>

Введенский — Введенский Арс. Критики Ф. М. Достоевского // Труд. 1889. № 19–20.

Гайдебуров — <П. А. Гайдебуров> Журнальные очерки // Неделя. 1880. 5 октября. С. 1285–1287.

Градовский — Градовский А. Мечты и действительность. По поводу речи Ф. М. Достоевского // Голос. 1880. 25 июня.

ДЗО — Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

Данилевский — Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. С. 123.

Депутат — С. Открытие памятника Пушкину в Москве. (Из записной книжки депутата) // Древняя и новая Россия. 1880. № 6. С. XIX.

Загуляев — Л. V. <М. А. Загуляев> Le Revues Russes // Journal de St. Petersburg. 1873. № 26. 28 янв.

Кавелин — Кавелин К. Д. Письмо Ф. М. Достоевскому // Вестник Европы. 1880. Ноябрь. С. 431–456.

Коропчевский? — <Д. А. Коропчевский?> По поводу открытия памятника Пушкину // Слово. 1880. Июнь. С. 155–160.

Леонтьев — Леонтьев К. О всемирной любви. По поводу речи Ф. М. Достоевского на Пушкинском празднике // Варшавский дневник. 1880. 29 июля, 7 и 12 августа.

МВед. — Достоевский Ф. Пушкин (Очерк) // Московские Ведомости. 1880. 13 июня. № 162.

Михайловский 1880a — М. Н. <Н. К. Михайловский> Литературные заметки // Отечественные записки. 1880. № 7. С. 122–134.

Михайловский 1880b — М. Н. <Н. К. Михайловский> Литературные заметки // Отечественные записки. 1880. № 9. С. 124–140.

Михневич — Коломенский Кандид <В. О. Михневич>. Вчера и сегодня // Новости и биржевая газета. 1881. 1 февраля.

Оболенский 1880a — Л. О. <Л. Е. Оболенский> А. С. Пушкин и Ф. М. Достоевский как объединители нашей интеллигенции // Мысль. 1880. № 7. С. 78–80. (a)

Оболенский 1880b — Л. О. <Л. Е. Оболенский>. Народники и г. Достоевский, бичующие либералов // Мысль. 1880. № 9. С. 82–96. (b)

Очевидец — Очевидец <О. А. Боровитинова?> Еще несколько слов о пушкинском празднике // Русское богатство. 1880. № 7. С. 27–52.

Паночини — Л. Алексеев <Л. А. Паночини>. Почему вскипел бульон и почему теперь только мы обращаем на это свое внимание // Русское богатство. 1880. № 12. С. 53–72.

Протопопов — Александр Горшков <М. А. Протопопов>. Проповедник нового слова // Русское богатство. 1880. Август. С. 1–28.

Пыпин 1880a — П. А. <А. Н. Пыпин> С пушкинского праздника // Вестник Европы. 1880. Кн. 7. С. XXI–XXXV.

Пыпин 1880b — В. В. <А. Н. Пыпин> Литературное обозрение // Вестник Европы. 1880. Кн. 10. С. 811–818.

Радюкин <Н. В. Шелгунов> Романтизм русский // Дело. 1873. № 8. С. 97, 102.

Салтыков-Щедрин 1880 — Н. Щедрин. За рубежом // Отечественные записки. 1880. № 9. С. 317–328.

Салтыков-Щедрин 1976 — [Письмо Н. К. Михайловскому 27 июня 1880 г.] // Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: в 20 т. М.: Худож. лит., 1976. Т. 19: письма 1876–1881. Кн. 1. С. 159.

Самарин — «А впечатление было поистине необычайное...» (письмо Ф. Д. Самарина о Пушкинской речи Достоевского) / публ. Б. Н. Тихомирова // Достоевский и мировая культура: альманах. М.: Классика плюс, 1997. № 9. С. 253.

Станюкович — О. П. <К. М. Станюкович> Пушкинский юбилей и речь г. Достоевского // Дело. 1880. № 7. С. 116.

Страхов — Страхов Н. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883. С. 310.

Тургенев — Тургенев И. С. Письмо М. М. Стасюлевичу 13 июня 1880 г. // Тургенев И. С. Полн. собр. соч.: в 28 т. Письма: в 13 т. Л., 1967. Т. 12. Кн. 2. С. 272.

Успенский 1880a — Г. У. <Г. И. Успенский> Пушкинский праздник. (Письмо из Москвы) // Отечественные записки. 1880. № 6. С. 173–196. (a)

Успенский 1880b — У. Г. <Г. И. Успенский> На родной ниве (очерки, заметки, наблюдения) // Отечественные записки. 1880. № 7. С. 109–121. (b)

Шелгунов — Г-Н. <Н. В. Шелгунов>. Романист, попавший не в свои сани // Дело. 1880. № 9. С. 160–161.

Штакеншнейдер — [Письмо Е. А. Штакеншнейдер Ф. М. Достоевскому 19 июня 1880 г.] Неизданные письма к Достоевскому. ... 10. / публ. А. М. Березкина // Достоевский: Материалы и исследования. Л.: Наука, 1983. [Т.] 5. С. 266.

Юрьев — [Письмо С. А. Юрьева О. Ф. Миллеру 3 ноября 1880 г.] Достоевский в неизданной переписке современников (1837–1881) / публ. Л. Р. Ланского // Литературное наследство: Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. Т. 86. М.: Наука, 1973. С. 520.

Insident — Insident Достоевский // Слово. 1880. Сентябрь. С. 97.

Примечания

- 1 Все цитируемые повременные издания относятся к 1880 г. (исключение составляет только газета «Русь» 1881 г.), поэтому отсылки на них в скобках здесь и далее даются без указания года.
- 2 «Русский курьер» — ежедневная газета, выходившая в Москве в 1879–1889 гг. С самого начала в ней активно сотрудничает публицист, литературный критик В. А. Гольцев, в 1880 г. — временный редактор. Участник Пушкинского праздника, он составил также отчет о нем в июньском номере журнала «Русская мысль»: ряд принципиальных и детальных совпадений с отчетами в «Русском курьере» позволяет с большой долей уверенности приписать ему и авторство последних.
- 3 Письмо А. Н. Майкову без даты, после 13 июня 1880 г. (ИРЛИ. 16.989. Л. 1 об.).
- 4 Сам по себе выразителен факт: после открытия памятника Пушкину основным официально-общественным событием считалось торжественное заседание в Московском университете, где главным героем после Пушкина стал И. С. Тургенев. Достоевский на

- это заседание не пошел, и о нем не было там сказано ни полслова. Да и впоследствии речь Достоевского не вызвала в университетских кругах большого энтузиазма.
- 5 Одесскую газету «Правда» на Пушкинском празднике представлял И. В. Майнов (*Венок*: 168).
 - 6 Что особенно очевидно в его повести «Спаситель человечества» (*Мысль*. 1880. № 8–12), своеобразной беллетристической реакции на «Пушкинскую речь» Достоевского, но о ней разговор должен быть особый. См. также: [Книгин].
 - 7 Русское богатство. 1884. № 4. С. 172.
 - 8 Журнал «Слово» выходил ежемесячно в Петербурге в 1878–1881 гг., издателем в 1880 г. был А. А. Головачев, а редактором (и автором внутренних обозрений) Д. А. Коропчевский, публицист и антрополог. Скорее всего, последний и был автором двух полемических по отношению к Достоевскому статей в июньском и сентябрьском номерах журнала.
 - 9 Михайловский в точности выполнил редакционное задание руководителя журнала — показать, «что и Дост<оевский> и Тург<енев> надувают публику и эскамотируют Пушкинский праздник в свою пользу» (*Салтыков-Щедрин*, 1976).
 - 10 Статья подписана криптонимом О. П., что означает «Откровенный писатель» — под этим псевдонимом в журнале «Дело» с 1879 г. печатался прозаик и публицист К. М. Станюкович. Ранее криптоним не был раскрыт (см.: [Фридендер, Крыжановский: 482], [Летопись: 453]).
 - 11 Глобалистское понятие парадокса как «выверта», открывающего безнадежный дуализм русской культуры, продвигает разработчик деструктивных прочтений: [Эпштейн]. Эпистемологическое значение предложено было авторами сборника [Парадоксы], где однако ряд статей выходит из заданных границ термина и стремится к более широкому его культурологическому применению. О парадоксе у Достоевского как «способе проявления истины» см.: [Захаров, 2013: 430].
 - 12 1 марта 1881 года. Казнь императора Александра II. Документы и воспоминания / сост. В. Е. Кельнер. Л.: Лениздат, 1991. С. 145.
 - 13 Аксаков также заявил, что речь Достоевского «как молния, озарила всех светом» (*Самарин*). Это сравнение было затем подхвачено журналистами, в первую очередь Н. П. Гиляровым-Платоновым («Современные известия», 9 июня), не сославшимся на первоисточник, так что теперь «молния» привычно приписывается Гилярову (см., напр.: [Летопись: 434], [Фокин, Петрова]).

Список литературы

1. Белкина О. А. «Если наша мысль есть фантазия...» (Пушкинская речь Ф. М. Достоевского: замысел, отклики, споры). СПб.: МиМ-Экспресс, 1995. 159 с.
2. Бочаров С. Г. Леонтьев и Достоевский // Бочаров С. Г. Сюжеты русской литературы. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 341–397.
3. Буданова Н. Ф. От «общечеловека» к «русскому скитальцу» и «всечеловеку» (Лексические заметки) // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 1996. Т. 13: К 175-летию со дня рожд. Ф. М. Достоевского. С. 213–215.
4. Булгаков С. Н. Победитель — Победенный (Судьба К. Н. Леонтьева) // Булгаков С. Н. Сочинения: в 2 т. М.: Наука, 1993. Т. 2. С. 559–560.
5. Викторovich В. А. «Брошенное семя возрастет»: еще раз о «завещании» Достоевского // Вопросы литературы. 1991. № 3. С. 142–168.

6. Викторovich В. А. Четыре вопроса к Пушкинской речи. <...> 3. Где начало всечеловечности? // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2005. Т. 17. С. 285–296.
7. Викторovich В. А. Перепутья русского консерватизма (Ф. М. Достоевский и Н. П. Гиляров-Платонов) // Никита Петрович Гиляров-Платонов. Исследования. Материалы. Библиография. Рецензии. СПб.: Росток, 2013. С. 47–95.
8. Викторovich В. А. «Пушкинская речь» Достоевского в свидетельствах современников // Неизвестный Достоевский. 2020. № 4. С. 48–69 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1607498336.pdf (18.01.2021). DOI: 10.15393/j10.art.2020.5101
9. Волгин И. Л. Последний год Достоевского. М.: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2017. 780 с.
10. Захаров В. Н. «...Нас, что ни говори, еще очень мало»: неизвестное письмо Достоевского // Литературная газета. 2009. 10–16 июня. С. 15.
11. Захаров В. Н. Имя автора — Достоевский. Очерк творчества. М.: «Индрик», 2013. 456 с. (а)
12. Захаров В. Н. Художественная антропология Достоевского // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: ПетрГУ, 2013. Вып. 11. С. 150–164 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1431455945.pdf (18.01.2021). DOI: 10.15393/j9.art.2013.377 (b)
13. Захаров В. Н. Актуальность Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2021. Т. 8. № 1. С. 5–20 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1617397021.pdf (18.01.2021). DOI: 10.15393/j10.art.2021.5321
14. Зеньковский В. История русской философии. М.: Академический Проект, 2011. 880 с.
15. Иустин, прп. (Попович). Достоевский о Европе и славянстве. М.; СПб.: Сретенский монастырь, 2002. 287 с.
16. Кантор В. «Средь бурь гражданских и тревоги...»: борьба идей в русской литературе 40–70-х годов XIX века. М.: Худож. лит., 1988. 304 с.
17. Китаев В. А. «Вестник Европы» в полемике с Ф. М. Достоевским (1880–1881 гг.) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2020. № 1. С. 38–48.
18. Книгин И. А. Речь Ф. М. Достоевского о Пушкине в оценке Л. Е. Оболенского // Русская литературная критика. История и теория: межвуз. науч. сб. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1988. С. 81–87.
19. Левитт Маркус Ч. Литература и политика: пушкинский праздник 1880 года / пер. с англ. И. Н. Владимировой, В. Д. Рака. СПб.: Академический проект, 1994. 265 с.
20. Литинская Е. П. Риторика и поэтика «Пушкинской речи» Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 2. С. 141–175. DOI: 10.15393/j9.art.2021.9583
21. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: в 3 т. СПб.: Академический проект, 1995. Т. 3: 1875–1881. 614 с.
22. Парадоксы русской литературы: сб. ст. / под ред. В. Марковича, В. Шмида. СПб.: ИНА-ПРЕСС, 2001. 350 с.
23. Ребель Г. М. Учитель или Пророк? Тексты Пушкинского праздника // Ребель Г. М. Тургенев в русской культуре. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. С. 264–274.
24. Смолененкова В. В. Пушкинская речь Ф. М. Достоевского. Риторико-критический анализ // Кафедра общего и сравнительно-исторического языкознания. Филологический факультет. МГУ им. М. В. Ломоносова [Электронный ресурс]. URL: <http://genhis.philol.msu.ru/pushkinskaya-rech-f-m-dostoevskogo-ritoriko-kriticheskij-analiz/> (18.01.2021).
25. Соловьев В. С. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1988. Т. 1. 892 с.

26. Фокин П. Е., Петрова А. В. «Пушкинская речь» Ф. М. Достоевского как событие (по материалам рукописного фонда Государственного музея истории российской литературы им. В. И. Даля) // *Неизвестный Достоевский*. 2020. № 2. С. 162–195 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1595258841.pdf (18.01.2021). DOI: 10.15393/j10.art.2020.4681
27. [Фридлиндер Г. М., Крыжановский А. О.] Комментарии // *Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.*: в 30 т. Л.: Наука, 1984. Т. 26. С. 475–491.
28. Шалина М. А. Антропологическая проблематика творчества Ф. М. Достоевского // *Проблемы исторической поэтики*. 2021. Т. 19. № 1. С. 209–220. DOI: 10.15393/j9.art.2021.9044
29. Эпштейн М. Ирония идеала: парадоксы русской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 384 с.

References

1. Belkina O. A. «*Esli nasha mysl' est' fantaziya...*» (*Pushkinskaya rech' F. M. Dostoevskogo: zamysel, otkliki, spory*) ["If Our Thought Is a Fantasy..."] (*Pushkin Speech by F. M. Dostoevsky: Concept, Responses, Disputes*). St. Petersburg, MiM-Ekspress Publ., 1995. 159 p. (In Russ.)
2. Bocharov S. G. Leontiev and Dostoevsky. In: *Bocharov S. G. Syuzhety russkoy literatury* [Bocharov S. G. *Plots of Russian Literature*]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1999, pp. 341–397. (In Russ.)
3. Budanova N. F. From “Common Man” to “Russian Wanderer” and “Universal Man” (Lexical Notes). In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. *Materials and Researches*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1996, vol. 13: Dedicated to the 175th Anniversary of the Birth of F. M. Dostoevsky, pp. 213–215. (In Russ.)
4. Bulgakov S. N. The Winner and the Defeated (the Fate of K. N. Leontiev). In: *Bulgakov S. N. Sochineniya: v 2 tomakh* [Bulgakov S. N. *Writings: in 2 Vols*]. Moscow, Nauka Publ., 1993, vol. 2, pp. 559–560. (In Russ.)
5. Viktorovich V. A. “The Abandoned Seed Will Grow”: Once Again About the “Testament” of Dostoevsky. In: *Voprosy literatury*, 1991, no. 3, pp. 142–168. (In Russ.)
6. Viktorovich V. A. Four Questions to the Pushkin Speech. <...> 3. Where Is the Beginning of All-humanity? In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. *Materials and Researches*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005, vol. 17, pp. 285–296. (In Russ.)
7. Viktorovich V. A. Crossroads of Russian Conservatism (F. M. Dostoevsky and N. P. Gilyarov-Platonov). In: *Nikita Petrovich Gilyarov-Platonov. Issledovaniya. Materialy. Bibliografiya. Retsenzii* [Nikita Petrovich Gilyarov-Platonov: *Research. Materials. Bibliography. Reviews*]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2013, pp. 47–95. (In Russ.)
8. Viktorovich V. A. Dostoevsky’s Pushkin Speech in the Testimonies of Contemporaries. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2020, no. 4, pp. 48–69. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1607498336.pdf (accessed on January 18, 2021). DOI: 10.15393/j10.art.2020.5101 (In Russ.)
9. Volgin I. L. *Posledniy god Dostoevskogo* [The Last Year of Dostoevsky]. Moscow, AST Publ., Redaktsiya Eleny Shubinoy Publ., 2017. 780 p. (In Russ.)
10. Zakharov V. N. “...There Are Still Very Few of Us, Whatever You Say”: An Unknown Letter from Dostoevsky. In: *Literaturnaya gazeta*, 2009, 10–16 June, p. 15. (In Russ.)
11. Zakharov V. N. *Imya avtora — Dostoevskiy. Ocherk tvorchestva* [The Author’s Name is Dostoevsky. *An Essay on Creative Works*]. Moscow, Indrik Publ., 2013. 456 p. (a) (In Russ.)

12. Zakharov V. N. Dostoevsky's Poetic Anthropology. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Publ., 2013, issue 11, pp. 150–164. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1431455945.pdf (accessed on January 18, 2021). DOI: 10.15393/j9.art.2013.377 (b) (In Russ.)
13. Zakharov V. N. The Relevance of Dostoevsky. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2021, vol. 8, no. 1, pp. 5–20. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1617397021.pdf (accessed on January 18, 2021). DOI: 10.15393/j10.art.2021.5321 (In Russ.)
14. Zen'kovskiy V. *Istoriya russkoy filosofii [History of Russian Philosophy]*. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2011. 880 p. (In Russ.)
15. Iustin, St. (Popovich). *Dostoevskiy o Evrope i slavyanstve [Dostoevsky's Opinion About Europe and the Slavs]*. Moscow, St. Petersburg, Sretenskiy monastyr' Publ., 2002. 287 p. (In Russ.)
16. Kantor V. «Sred' bur' grazhdanskikh i trevogi...»: bor'ba idey v russkoy literature 40–70-kh godov XIX veka [“Among Storms Civil and Alarms...”: Fight of the Ideas in the Russian Literature of the 40–70th Years of the 19th Century]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1988. 304 p. (In Russ.)
17. Kitaev V. A. “Vestnik Evropy” in its Controversy with F. M. Dostoevsky (1880–1881). In: *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod]*, 2020, no. 1, pp. 38–48. (In Russ.)
18. Knigin I. A. F. M. Dostoevsky's Speech About Pushkin in the Assessment of L. E. Obolensky. In: *Russkaya literaturnaya kritika. Istoriya i teoriya [Russian Literary Criticism. History and Theory]*. Saratov, Saratov State University Publ., 1988, pp. 81–87. (In Russ.)
19. Levitt Markus Ch. *Literatura i politika: pushkinskiy prazdnik 1880 goda [Literature and Politics: the Pushkin Celebration of 1880]*. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1994. 265 p. (In Russ.)
20. Litinskaya E. P. Rhetoric and Poetics of Dostoevsky's Pushkin Speech. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2021, vol. 19, no. 2, pp. 141–175. DOI: 10.15393/j9.art.2021.9583 (In Russ.)
21. *Letopis' zhizni i tvorchestva F. M. Dostoevskogo: v 3 tomakh [The Chronicle of Dostoevsky's Life and Works: in 3 Vols]*. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1995, vol. 3: 1875–1881. 614 p. (In Russ.)
22. *Paradoksy russkoy literatury: sbornik statey [Paradoxes of Russian Literature: Collection of Articles]*. St. Petersburg, INAPRESS Publ., 2001. 350 p. (In Russ.)
23. Rebel' G. M. Teacher or Prophet? Texts of the Pushkin Holiday. In: *Rebel' G. M. Turgenev v russkoy kul'ture [Rebel G. M. Turgenev in Russian Culture]*. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2018, pp. 264–274. (In Russ.)
24. Smolenenkova V. V. Rhetorical-critical Analysis of Pushkin Speech by F. M. Dostoevsky. In: *Kafedra obshchego i sravnitel'no-istoricheskogo yazykoznaniya. Filologicheskii fakul'tet. MGU imeni M. V. Lomonosova [Department of General and Comparative Historical Linguistics. Faculty of Philology. Lomonosov Moscow State University]*. Available at: <http://genhis.philol.msu.ru/pushkinskaya-rech-f-m-dostoevskogo-ritoriko-kriticheskij-analiz/> (accessed on January 18, 2021). (In Russ.)
25. Solov'ev V. S. *Sochineniya: v 2 tomakh [Writings: in 2 Vols]*. Moscow, Mysl' Publ., 1988, vol. 1. 892 c. (In Russ.)
26. Fokin P. E., Petrova A. V. Pushkin Speech by Fyodor Dostoevsky as an Event (Based on the Materials of the Manuscript Fund of the Vladimir Dahl State Museum of the History of Russian Literature). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2020, no. 2,

- pp. 162–195. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1595258841.pdf (accessed on January 18, 2021). DOI: 10.15393/j10.art.2020.4681 (In Russ.)
27. Fridlender G. M., Kryzhanovskiy A. O. Comments. In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [*Dostoevsky F. M. The Complete Works: in 30 Vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1984, vol. 26, pp. 475–491. (In Russ.)
28. Shalina M. A. Anthropological Problems of F. M. Dostoevsky's Creativity. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2021, vol. 19, no. 1, pp. 209–220. DOI: 10.15393/j9.art.2021.9044 (In Russ.)
29. Epshteyn M. *Ironiya ideala: paradoksy russkoy literatury* [*The Irony of the Ideal: The Paradoxes of Russian Literature*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015. 384 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Викторович Владимир Александрович, Vladimir A. Viktorovich, PhD (Philology), доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, Государственный социально-гуманитарный университет (ул. Зеленая, 30, г. Коломна, Российская Федерация, 140410); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9576-9522>; e-mail: VA_Viktorovich@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 05.02.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 12.05.2021

Принята к публикации / Accepted 01.06.2021

Дата публикации / Date of publication 05.07.2021

Научная статья
УДК 821.161.1"18"(092)
DOI: 10.15393/j10.art.2021.5381

Уловка Д. С. Мережковского: какую статью критик писал для А. Г. Достоевской

Е. А. Андрущенко

*Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН
(г. Москва, Российская Федерация)*

e-mail: Andrushenko2013@gmail.com

Аннотация. В публикации впервые анализируются машинописные копии знаменитой статьи Д. С. Мережковского «Пророк русской революции (К юбилею Достоевского)» (1906) с пометами автора. Считается, что статья писалась по просьбе А. Г. Достоевской для юбилейного Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского (приуроченного к 25-й годовщине со дня смерти писателя). Познакомившись с ней и выслушав отзывы о лекции Мережковского, прочитанной им к 25-летию со дня смерти Достоевского, Анна Григорьевна статью отклонила. Мережковский сразу же опубликовал ее в журнале «Весь», затем — в составе отдельной брошюры и позднее — в обоих Полных собраниях своих сочинений. Однако анализ машинописных копий статьи свидетельствует о том, что Мережковский параллельно работал над двумя вариантами статьи: кратким — для А. Г. Достоевской и развернутым — для публикации в журнале. Судя по пометам автора, он стремился отредактировать краткий вариант статьи в соответствии с замечаниями издательницы, но результат ее не удовлетворил. В итоге вдова писателя напечатала в собрании сочинений биографический очерк о Достоевском С. Н. Булгакова. Текстологический анализ вариантов и редакций статьи Мережковского позволяет сделать выводы об эволюции замысла, о жанре и семантике заглавий статьи о Достоевском, написанной под влиянием событий первой русской революции как полемически заостренный публицистический текст.

Ключевые слова: Достоевский, Анна Достоевская, Мережковский, «Пророк русской революции», текстология, машинопись, редакция, вариант, биографический очерк, публицистическая статья

Благодарность: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 20-18-00003).

Для цитирования: Андрущенко Е. А. Уловка Д. С. Мережковского: какую статью критик писал для А. Г. Достоевской // *Неизвестный Достоевский*. 2021. Т. 8. № 2. С. 157–173. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5381

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2021.5381

D. S. Merezhkovsky's Ploy: The Article Written by the Critic for A. G. Dostoevskaya

Elena A. Andruschenko

*A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)*

e-mail: Andrushenko2013@gmail.com

Abstract. This paper is the first to analyze the typewritten copies of D. S. Merezhkovsky's famous article "Prophet of the Russian revolution (For Dostoevsky's anniversary)" (1906) with the author's notes. The article is believed to have been written at the request of A. G. Dostoevskaya for the anniversary edition of F. M. Dostoevsky's complete works (to commemorate the 25th anniversary of the writer's death). After having read it and heard the opinions about D. S. Merezhkovsky's lecture, given on the occasion of the 25th anniversary of the writer's death, A. G. Dostoevskaya turned down the article. D. S. Merezhkovsky immediately published it in the *Vesy* magazine, and subsequently as a separate brochure and then in both editions of his complete works. However, an examination of the article's typewritten copies reveals that D. S. Merezhkovsky was working simultaneously on two versions of it: a short one for A. G. Dostoevskaya and an extended one for journal publication. Judging by the author's notes, he intended to edit the article's short version in accordance with A. G. Dostoevskaya's comments, but she was unsatisfied with the result. Instead, the writer's widow included S. N. Bulgakov's biographical essay in the complete works. A textual analysis of the variants and revisions of D. S. Merezhkovsky's article leads to conclusions about the evolution of his intent, the genre and semantics of the titles of the article, written under the influence of the events of the first Russian revolution as a polemically oriented journalistic text.

Keywords: Dostoevsky, Anna Dostoevskaya, Merezhkovsky, "Prophet of the Russian revolution," textual criticism, typewritten copy, revision, variant, biographical essay, journalistic article

Acknowledgements: This research was supported by the Russian Science Foundation (project no. 20-18-00003).

For citation: Andruschenko E. A. D. S. Merezhkovsky's Ploy: The Article Written by the Critic for A. G. Dostoevskaya. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2021, vol. 8, no. 2, pp. 157–173. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5381 (In Russ.)

Знаменитая статья Д. С. Мережковского «Пророк русской революции (К юбилею Достоевского)» (1906) уже привлекала к себе внимание исследователей, хотя следует признать, что интерес к ней незначителен. Ее проблематика актуализировалась в связи с рецепцией творчества Достоевского на рубеже веков (см.: [Андрущенко, 147–156], [Кантор, 124–133], [Келдыш, 182–251]). Изучались и обстоятельства ее несостоявшейся публикации в юбилейном Полном собрании сочинений Ф. М. Достоевского (1906) [Андрианова, 2012: 3–16; Андрианова, 2013: 26–44], [Богданова, 39–44], [Лавров, 109–123]. При подготовке статьи к публикации в составе 11-го тома Собрания сочинений Д. С. Мережковского в 20 томах, работа над которым

ведется под эгидой ИМЛИ им. А. М. Горького РАН и ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, важной проблемой остается история ее создания.

Как известно, А. Г. Достоевская, искавшая автора для вступительной статьи к юбилейному Полному собранию сочинений, обратилась к Мережковскому, книга которого «Л. Толстой и Достоевский» (1900–1902) ей понравилась. Они познакомились еще в 1902 г., когда писатель послал ей эту книгу и получил от нее для публикации в журнале «Новый путь» отрывки из записной книжки Достоевского. В начале 1905 г. он отвечал вдове писателя: «...для меня — великая честь и радость написать биографический очерк Федора Михайловича Достоевского. И в принципе я согласен»¹. Сославшись на состояние здоровья и на занятость (Мережковский работал над романом «Антихрист. Петр и Алексей», публиковавшимся тогда в журнале «Новый путь»), он пообещал писать очерк параллельно с романом. Через несколько месяцев он сообщил А. Г. Достоевской название: «“Ф. М. Достоевский”. Очерк Д. С. Мережковского»², но только в октябре 1905 г. — о том, что готов «приступить к статье в начале января»³. По-видимому, работа была уже завершена к этому времени, поскольку в январе Мережковский вел переговоры о публикации статьи с издателем и редактором журнала «Полярная звезда» П. Б. Струве и параллельно — с А. Г. Достоевской. 30 января 1906 г. он спрашивал у П. Б. Струве о судьбе этой публикации, а 31 января пытался договориться со вдовой писателя о встрече, чтобы показать ей статью.

В письме от 2 февраля 1906 г. Д. С. Мережковский сообщал В. Я. Брюсову, что П. Б. Струве проявил большую заинтересованность в статье, так что передать ее для публикации в журнал «Весы»⁴ будет сложно. Автор полагал, что «статья и по своей слишком яркой политической и, главное, религиозной, до фанатизма, окраске едва ли подходила бы к “Весам”, которые по существу своему в этой области научно-объективны — или по апокалиптической терминологии “холодны”»⁵. Однако 15 февраля он направил статью соредактору «Весов» В. Я. Брюсову⁶, а 16 февраля — А. Г. Достоевской с предложением «выключить из нее все, что Вы найдете неудобным для печати, но прошу себе права напечатать ее отдельно и целиком, в том виде, как она вышла из-под моего пера»⁷. Он так и сделал: статья была тут же опубликована в «Вессах»⁸, а затем вышла отдельным изданием⁹. Под одной обложкой с ней были напечатаны статьи «Бесноватый или пророк?»¹⁰ и «Загадка Достоевского»¹¹, представляющие собой фрагменты пятой и шестой глав «Творчества» из книги «Л. Толстой и Достоевский». Публикуя их, он сделал стилистическую правку и снял текст, посвященный Л. Н. Толстому.

ПРОРОКЪ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

КЪ ЮБИЛЕЮ ДОСТОЕВСКАГО.

Достоевскій умеръ 28 января 1881 года.

28 января 1906 года исполнилось 25 лѣтъ со дня его смерти.

Вѣщимъ предзнаменованіемъ кажется то, что онъ умеръ наканунѣ 1 марта, перваго громового удара той грозы, которая надвигалась на насъ четверть вѣка, и что первыя поминки по немъ справляются среди разразившейся, наконецъ, бури.

Онъ вѣдь и самъ носилъ въ себѣ начало этой бури, начало безконечнаго движенія, несмотря на то, что хотѣлъ быть или казаться оплотомъ безконечной неподвижности; онъ былъ революціей, которая притворилась реакціей.

«Будущая самостоятельная русская идея у насъ еще не родилась, а только чревата ею земля ужасно и въ страшныхъ мѣкахъ готовится родить ее», писалъ онъ въ своемъ предсмертномъ дневникѣ.

Самъ Достоевскій—первый вопль этихъ мѣкъ рожденія.

«Вся Россія стоитъ на какой-то окончательной точкѣ, колеб-

Илл. 1. Первая страница статьи «Пророк русской революции (К юбилею Достоевского)» из журнала «Весы» (1906, № 2)

Fig. 1. The first page of the article “The Prophet of the Russian Revolution (For Dostoevsky’s anniversary)” from the Vesy journal (1906, no. 2)

Статья обеспокоила А. Г. Достоевскую. Как она позднее, в мае 1906 г., писала С. И. Смирновой (Сазоновой), «убеждения, приписанные Д. С. Мережковским моему мужу, совершенно не соответствовали истинным его убеждениям»¹². 18 февраля 1906 г. Д. С. Мережковский выступал с лекцией к 25-летию со дня смерти писателя в зале Тенишевского училища. Именно это выступление, по-видимому, оказало определяющее влияние на решение

А. Г. Достоевской статью не публиковать. «Мое мнение было подкреплено тем тяжелым впечатлением, которое эта статья произвела на почитателей таланта Федора Михайловича, бывших на чтении Д. С. Мережковского в зале Тенишевского училища, — писала она. — После лекции ко мне приходили и писали знакомые и незнакомые и упрасивали не печатать этой статьи при П. С. Сочинений, как “противоположной всем тем идеям, которые высказывал покойный писатель”. Я говорила по поводу этого с Д. С. Мережковским; он хотел смягчить статью, сделать некоторые поправки, но так как сущность оставалась та же, то мне пришлось отказаться от мысли поместить очерк в П. С. Сочинений...»¹³. И. С. Андрианова обратила внимание и на тот факт, что А. Г. Достоевской «пришлось убедить дочь Любовь Федоровну в необходимости нового биографа вместо Д. С. Мережковского»¹⁴.

Мережковский публично извинился перед А. Г. Достоевской в письме «для напечатания»: «Высказанные в этой статье взгляды на некоторые самые заветные верования Ф. М. Достоевского — самодержавие, православие, народность, — писал он, — так не совпадают с установившимся в русском общественном мнении пониманием произведений этого писателя <...> Но ни изменить этот взгляд, ни даже высказать его в более умеренной форме я не в силах, хотя вполне понимаю, что взгляд мой может показаться недостаточно объективным»¹⁵. Это письмо было опубликовано в первом томе юбилейного шестого собрания сочинений¹⁶ перед статьей С. Н. Булгакова «Очерк о Ф. М. Достоевском. Чрез четверть века (1881–1906)»¹⁷, заменившей статью Мережковского.

Судя по письмам Мережковского, он вел переговоры со своими корреспондентами об одном и том же тексте. Это мнение закрепилось и в работах исследователей (см.: [Богданова, 39], [Колеров, 184]). Однако машинописные копии статьи, хранящиеся в отделе рукописей ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, сшитые в одну тетрадь, позволяют говорить о том, что писатель одновременно работал над двумя вариантами, отличающимися объемом и лексикой ключевых понятий. Каждый из вариантов он редактировал, о чем свидетельствуют его пометы на машинописи: краткий, предназначенный для Полного собрания сочинений, — вероятно, в попытке «смягчить статью», развернутый — для публикации в журнале. Несмотря на то, что Мережковский собирался публиковать статью «в том виде, как она вышла из-под <...> пера», в журнал был направлен материал, отличающийся от того варианта статьи, который он послал А. Г. Достоевской.

Краткий вариант статьи, написанный для нее, по объему вдвое меньше известного нам текста и составляет, говоря современным языком, чуть больше авторского листа, нет в нем разбивки на главы. По сравнению с первоначальным замыслом изменилось и название: вместо «Ф. М. Достоевский» — «Пророк русской революции (К юбилею Достоевского)». Принципиальное отличие этого варианта статьи состоит в том, что он написан по материалам «Дневника Писателя» Достоевского 1876–1877 гг.¹⁸

Редактируя текст, Мережковский вычеркнул указание на связь своих выводов только «со статьями по восточному вопросу»¹⁹, содержащимися в этих выпусках «Дневника Писателя», как бы распространив свои оценки на все наследие писателя.

При редактировании краткого варианта статьи Мережковский, прежде всего, сокращал текст. Он вычеркнул фрагмент, известный нам по началу 1-й главы статьи в окончательной редакции:

«Однажды в детстве, будучи совсем один в ясный предосенний день, на опушке леса, он услышал над собою, среди глубокой тишины, громкий крик: “Волк бежит!” и вне себя от испуга, крича в голос, выбежал в поле, прямо на пашущего мужика Марая; разбежавшись, уцепился одной рукой за его соху, а другою за его рукав. Тот успокоил его: “Что ты, что ты?.. какой волк?.. Померещилось... Уж я тебя волку не дам... Христос с тобой!” И мужик перекрестил мальчика “с почти материнскою улыбкою пальцами, запачканными в земле”. В этом воспоминании прообразована вся религиозная жизнь Достоевского. Маленький Федя вырос и сделался великим писателем. Вместе с Федей вырос и мужик Марей в великий “народ-богоносец”. Но таинственная связь между ними осталась неразрывною. С тех пор часто слышал Достоевский страшный крик: “Волк бежит! Зверь идет! Антихрист идет!” — и каждый раз кидался к мужику Марая, вне себя от испуга. И тот защищал его и успокаивал с “почти материнскою улыбкою”: “Уж я тебя волку не дам! Христос с тобой!” И крестил. Это и было истинное крещение Достоевского — не в церкви, а в поле, не святой водою, а святой землею.

В чем же, собственно, сила мужика Марая, спасающая от “волка”, от Зверя-Антихриста?

“Окончательная сущность русского призвания заключается в разоблачении пред миром русского Христа, миру неведомого и которого начало заключается в нашем родном православии. По-моему, в этом вся сущность нашего могучего будущего цивилизаторства и воскрешения хотя бы всей Европы”²⁰.

Далее Мережковский вписал цитату из записной тетради Достоевского за 1880–1881 гг.: «Русский народ — весь в православии; больше у него ничего нет, да и не надо, потому что православие все»²¹ — в той искаженной редакции, в какой она приводилась в книге «Л. Толстой и Достоевский», но и эту вставку все же вычеркнул. В окончательной редакции статьи она была восстановлена.

Второе исключение из текста статьи для А. Г. Достоевской связано с темой 9 января 1905 г. Первоначально Мережковский писал:

«Почему же так долго не верит и может ли вообще когда-нибудь поверить? — вот вопрос, который должен бы решить Достоевский, но не успел — умер. И только что он умер, грянуло 1 марта, первый громовой удар Великой

русской революции. Четверть века эта гроза собиралась и разразилась, наконец, только теперь, накануне двадцатипятилетней тризны Достоевского. Народ все ждал, когда-то царь поверит и, может быть, думал, как Достоевский: “что-то уж очень долго не верит”. Народ не дождался царя: царь не пошел к народу, и тогда народ пошел к царю»²².

Этот фрагмент представляет собой пересказ одного из абзацев Заключения к книге «Л. Толстой и Достоевский»²³, впоследствии переработанного в «Предисловие» ко II тому этой книги, «Религии». Сокращая текст короткого варианта статьи, Мережковский снял последние два предложения, а затем и весь следующий фрагмент:

«9 января 1905 года, в лице сотен тысяч русских рабочих, которые шли по петербургским улицам на площадь Зимнего дворца, с детьми и женами, с образами и хоругвями, весь русский народ шел к царю своему, как дети к отцу, с верою в него, как в Самого Христа Спасителя. “Такому ли народу отказать в доверии?” Казалось бы, стоило только ответить верой на веру — и совершилось бы чудо любви, чудо соединения царя с народом. Казалось бы так, по Достоевскому. Но, — увьи! — мы знаем, что произошло, и чем ответила власть народу, любовь отчая детской мольбе. Народоубийством, детоубийством. И в том вина — не какого-либо отдельного самодержца, а всего “православного самодержавия”, всего “христианского государства”, от Константина Великого до наших дней. И лицо русской земли залито русскою кровью. И под личиной Христа народ увидел лицо Зверя. “Зверь идет! Антихрист идет!” — если бы теперь снова, услышав этот вещий крик, Достоевский, как некогда маленький Федя, бросился к мужику Марей, то нашел бы у него защиту? И не оказался ли бы сам он, мужик Марей, то есть весь русский народ, в таком же беспомощном ужасе, как Достоевский, перед Грядущим Зверем?»²⁴

В журнальной редакции статьи этот фрагмент восстановлен.

В кратком варианте статьи, редактируемом для собрания сочинений, Мережковский планировал сделать комментарий к «величайшему и наиболее синтетическому произведению, к “Братьям Карамазовым”»²⁵: он написан от руки и вклеен в машинопись.

«Церковь может сделаться Царством Божиим на земле, Боговластием, Теократией, только как нечто совершенно¹⁾ противоположное всякому государству, всякому принудительному закону, всякой насильственной власти²⁾; церковь может быть только царством безграничной свободы, безграничного³⁾ равенства, безграничного⁴⁾ братства, это и есть то братство любви,

¹⁾ Далее вычеркнуто: абсолютно

²⁾ Далее вычеркнуто: человеческой

³⁾ Далее вычеркнуто: экономического

⁴⁾ Далее вычеркнуто: социального

о котором сказано: заповедь новую даю вам — да любите друг друга, как Я возлюбил вас; то равенство, о котором сказано: первые будут последними и последние первыми; та свобода, о которой сказано: “Если Сын освободит вас, то истинно свободны будете”⁵⁾. Но ведь такое торжество церкви достигается только величайшею⁶⁾ религиозною революцией»²⁶.

Эта вставка не была включена ни в одну из известных нам редакций статьи.

Еще одно небольшое исключение текста автор провел, вероятно, в связи с вызывающим звучанием мысли о лице Зверя в самодержавии:

«Древняя языческая личина Человекобожества заменилась новою христианскою личиною Богочеловечества; но лицо осталось то же — лицо Зверя. И нигде в мире царство Зверя не было таким свирепым, безбожным и кощунственным, как именно здесь, в русском самодержавии»²⁷.

В журнальной редакции статьи это изъятие было восстановлено. Исключения сделаны Мережковским, как правило, в конце абзацев²⁸, что позволяет предполагать потребность именно в сокращении, а не в редактировании текста.

Наиболее последовательно Мережковский работал над лексикой кратко варианта статьи, предназначенного для А. Г. Достоевской. Слово «самодержавие» и производные от него были заменены словом «абсолютизм» или словосочетаниями «абсолютная власть», «идея абсолютной власти». При заменах общий смысл высказывания несколько смягчался. Так, в начале абзаца, начинающегося словами: «Самодержавие от Антихриста!»²⁹, Мережковский сначала карандашом вычеркнул слово «Самодержавие», а затем — чернилами — «от Антихриста» и вписал: «против Христа», затем — «Абсолютизм есть антихристианство». Это снимает афористичность высказывания и переносит обвинение с русского самодержавия на абсолютную власть вообще:

«Абсолютизм есть антихристианство — сказать это без всяких оговорок — значит сделать слишком много чести русскому абсолютизму, который в современной исторической действительности своей, относительно религии невменяемо, безответственно; ему дела нет ни до Христа, ни до Антихриста»³⁰.

Окончание абзаца: «...тут самодержавие, по русской пословице, ни Богу свечка, ни черту кочерга»³¹ в этом варианте статьи отсутствует.

⁵⁾ Далее вычеркнуто: Но ведь это и есть последняя <нрзб.> религиозной революции

⁶⁾ Далее вычеркнуто: всемирною

Еще один фрагмент отредактирован Мережковским, чтобы снять прозрачную определенность высказывания. Оно широко известно по окончательной редакции статьи в такой формулировке:

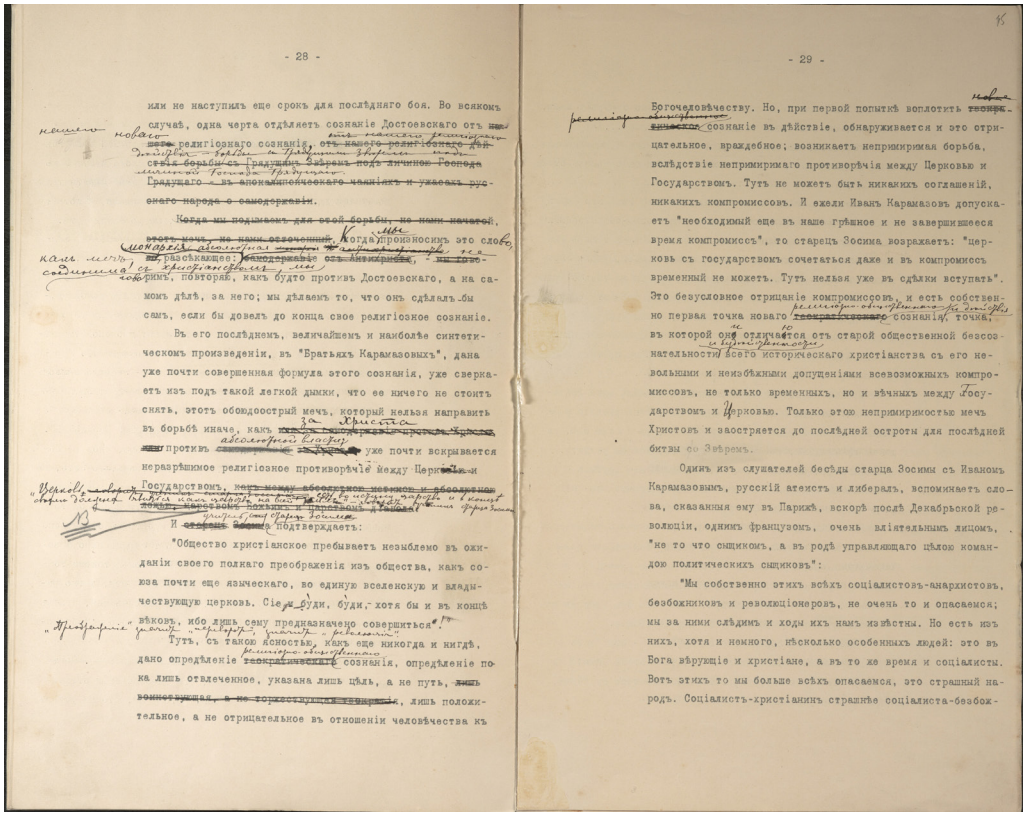
«Самодержавие вместе с православием получила Россия от Византии, от второго христианского Рима, который, в свою очередь, получил его от первого Рима языческого. Уже и там, в язычестве, идея самодержавия, в последней глубине своей, была идея не только политическая, но и религиозная»³².

В таком виде оно и оформлено в машинописи краткого варианта статьи. Мережковский карандашом вычеркнул слово «Самодержавие», затем чернилами вычеркнул «вместе с православием получила» и вписал: «Государственные формы свои вместе с церковными получила»³³. В следующем предложении Мережковский произвел замену слова «самодержавия» на словосочетание «абсолютной власти»³⁴.

Наибольшую сложность для редактирования, вероятно, представлял фрагмент, в котором Мережковский стремился показать Достоевского пророком «нового религиозного сознания». В машинописи краткого варианта статьи сделана большая правка, от которой автор, в конце концов, также отказался. Но ее характер свидетельствует о важности для него сформулированной мысли. Первоначально она была записана так:

«Во всяком случае, одна черта отделяет сознание Достоевского от нашего религиозного сознания, от нашего религиозного действия борьбы с Грядущим Зверем под личиной Господа Грядущего — в апокалипсических чаяниях и ужасах русского народа о самодержавии»³⁵.

Мережковский сделал вставку: «нашего *нового* религиозного сознания», вычеркнул прежний текст и вписал: «от нашего религиозного действия — борьбы с Грядущим Зверем под личиной Господа Грядущего»³⁶. Затем он снял фрагмент: «Когда мы подымаем для этой борьбы, не нами начатой, этот меч, не нами отточенный» и начал абзац со слов: «Когда мы произносим это слово, рассекающее: самодержавие — от Антихриста, мы говорим, повторяю, как будто против Достоевского, а на самом деле, за него; мы делаем то, что он сделал бы сам, если бы довел до конца свое религиозное сознание»³⁷. Здесь Мережковскому пришлось скорректировать высказывание, он вычеркнул и вписал: «Когда мы произносим это слово, рассекающее: монархия абсолютная не соединима с христианством...»³⁸.

Илл. 2. Пророк русской революции (К юбилею Достоевского). Машинопись с правкой рукой Д. С. Мережковского. РО ИРЛИ. Ф. 177. Ед. хр. 29565. Л. 14 об. — 15.
 Fig. 2. "The Prophet of the Russian Revolution (For Dostoevsky's anniversary)." Typescript edited by D. S. Merezhkovsky

Пометы Мережковского на машинописной копии варианта статьи, предназначенной для Полного собрания сочинений Достоевского, вероятно, были сделаны после первого знакомства вдовы писателя с этим материалом. Стремясь ответить на ее опасения, Мережковский попытался войти в требуемый объем и «сделать некоторые поправки»³⁹, максимально сохранив, однако, смысл сказанного. Потому он последовательно заменял наиболее острые высказывания менее определенными, выразительными и политически заостренными. Но изначально сформулированная им мысль о суде над Достоевским, который совершает сама история, обусловила и материал, и его оценку, и обвинительную интонацию, скрыть которые умеренной правкой текста Мережковскому не удалось.

Вторая сохранившаяся машинопись является текстом окончательной редакции развернутого варианта статьи, которая была напечатана

в отдельной брошюре. Текст журнальной редакции, посланной в «Весы» одновременно с отправкой статьи к А. Г. Достоевской, в ряде фрагментов отличается от нее. В частности, требованием публикации в журнале можно объяснить первое предложение, отсутствующее в окончательной редакции: «Достоевский умер 28 января 1881 года»⁴⁰. Следующее предложение во всех редакциях: «28 января 1906 года исполнится 25 лет со дня смерти Достоевского». В журнальной редакции статьи уточнено — «исполнилось», что согласовало высказывание со временем публикации в февральском номере «Весов». В ней также отсутствуют несколько фрагментов текста. Так, нет окончания ряда абзацев, они представлены в такой редакции: «И нигде в мире царство Зверя не было таким свирепым, безбожным и кощунственным»⁷⁾; «Помазание на царство совершается в церкви, но не церковью, а самим царем»⁸⁾; «Но невозможность историческая не предreshает вопроса о возможности мистической»⁹⁾. Нет в журнальной редакции и фрагмента, который был исключен из краткого варианта статьи: «Народ все ждал, когда царь поверит и, может быть, думал, как Достоевский: “что-то уж очень долго не верит”. Народ не дождался царя: царь не пошел к народу, и тогда народ пошел к царю»⁴¹, а также фрагмента, начинающегося словами: «Самодержавие — от Антихриста!»⁴².

Наибольшее отличие журнальной редакции от окончательной редакции развернутого варианта статьи состоит в том, что в ней, как и в кратком варианте, отсутствует большой фрагмент, завершающий третью главу и характеризующий русскую революцию. Приведем его полностью:

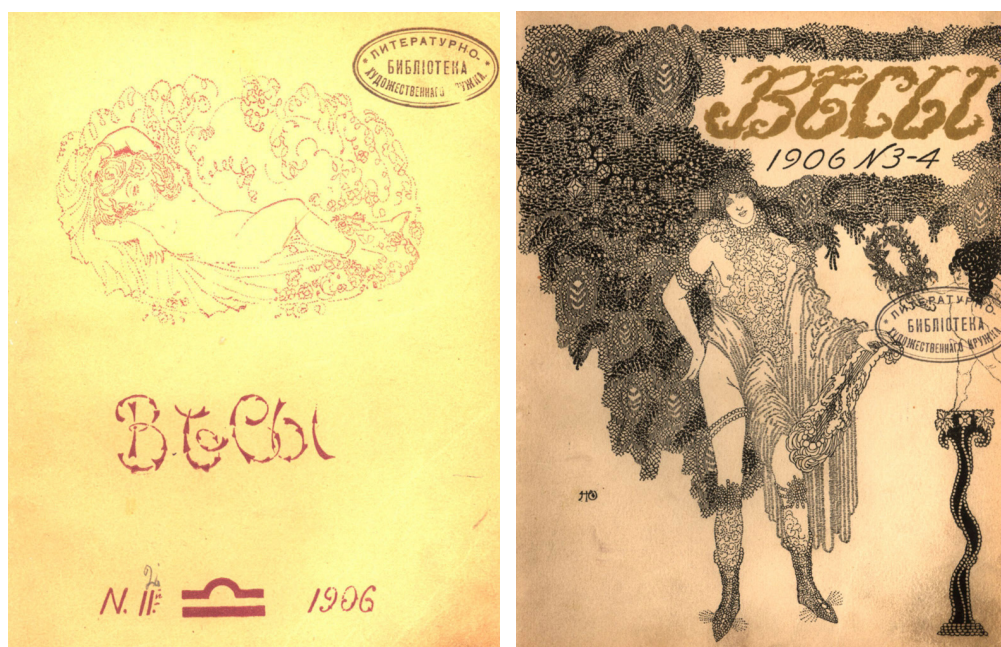
«Впрочем, и теперь уже русская революция — бессознательная религия, как и всякий великий переворот общественный, потому что во всякой революционной общественности скрыто начало соборности, и притом соборности вселенской — мечта “всемирного объединения человечества” в какой-нибудь последней, всечеловеческой истине, то есть начало бессознательно-религиозное. В этом смысле, душа русской революции — социал-демократия, уже и теперь соборно-вселенская и, следовательно, бессознательно-религиозная. “Пролетарии всех стран, соединяйтесь!” — этот призывный клич, напоминающий крик журавлей, нигде еще не раздавался с такой недосыгаемо-далекой и торжественно-грозною, словно апокалипсической, надеждою или угрозою, как именно в русской революции.

⁷⁾ В журнальной редакции далее отсутствует: «...как именно здесь, в русском самодержавии» (Мережковский Д. С. Пророк русской революции. К юбилею Достоевского // Весы. 1906. № 2. Февраль. Текст. С. 2).

⁸⁾ В журнальной редакции далее отсутствует: «...это значит, что не только исторически, но и мистически каждый самодержец — самозванец». (Там же. С. 31).

⁹⁾ В журнальной редакции далее отсутствует: «К тому же, по совершающимся перед нами невероятным событиям, мы все больше убеждаемся, да с этим и сам Достоевский спорить не стал бы, что в России все возможно». (Там же).

Но самодержавие тоже религия. Когда оно будет низвергнуто окончательно, как строй политический, то обнажится его существо религиозное; когда оно умрет в политике, то воскреснет в религии: “он есть, но никто его не видал, он скрывается, но явится, явится” — “Царь Батюшка”, “красное солнышко”, грядущий Мессия народный, новый Папа и Кесарь Третьего Рима всемирной монархии, Кесарь Божественный, Кесарь-Бог, Человек-Бог. Власть одного, человекобожество прошлого кажется навеки противоположным власти всех, человекобожеству будущего; “зверь, выходящий из земли”, монархия — навеки противоположным “зверю, восходящему из бездны”, анархии. Но, может быть, оба зверя борются только до тех пор, пока не соединятся для борьбы с общим врагом — с Агнцем. Тогда-то снова в Третьем Риме, как некогда в Первом, “произойдет столкновение двух самых противоположных идей, которые когда-либо существовали на земле”, — Человекобог встретит Богочеловека, Антихрист — Христа. Тогда-то исполнится и пророчество Великого Инквизитора: “Приползет к нам Зверь и будет лизать ноги наши, и обрызжет их кровавыми слезами из глаз своих. И мы сядем на Зверя и воздвигнем чашу, и на ней будет написано: “Тайна”. То, что я говорю Тебе, сбудется и царство наше созиждется”»⁴³.

Илл. 3. Титульные листы журнала «Весы» (1906, № 2 и 1906, № 3 и 4), в которых опубликована статья Д. С. Мережковского «Пророк русской революции (К юбилею Достоевского)»

Fig. 3. Title pages of the *Vesy* journal (1906, no. 2 and 1906, no. 3 and 4), where an article by D. S. Merezhkovsky “The Prophet of the Russian Revolution (For Dostoevsky’s anniversary)” was published

Можно предположить, что в журнальной публикации такая характеристика звучала слишком актуально: говорить о свержении самодержавия в сложной общественной ситуации после революции 1905 г. было неосмотрительно. Этот текст был дописан только в окончательной редакции статьи. Она по объему и композиции, а также графическому оформлению глав существенно отличается от краткого варианта, включает в себя не только все изъятые фрагменты, но и новые цитаты из романов «Преступление и Наказание», «Братья Карамазовы», «Подросток», «Бесы», из писем и «Записной тетради 1880–1881 гг.», из «Дневника Писателя» за последние годы, из произведений Ф. Прокоповича, Ф. Ницше, а также комментарии к ним.

Современник Мережковского Е. Ляцкий, познакомившийся с отдельным изданием статьи «Пророк русской революции (К юбилею Достоевского)» (1906), с сожалением писал о том, что «своя логика, своя аргументация и особое искусство наговорить подчас очень много, а сказать куда меньше» подвели Мережковского, который не смог «задеть критическую мысль и направить ее по новому пути»: «Художественная разбросанность плана дает возможность строить изложение на частностях, внутренне мало согласованных, говорить афоризмами, заинтересовывать читателя неожиданными сопоставлениями, игрой слов и возбуждать *обманчивое настроение мысли*, ее психику, не возбуждая в то же время самой мысли к анализу и проверке»⁴⁴.

Именно поэтому статья «читается с интересом», но потому и не может не вызвать сомнения. Критик полагал, что, объявляя Достоевского «пророком» той революции, которая разразилась в России, Мережковский ошибся, отождествив революцию духовную с социальной. «Нет, уж на что удобный источник Достоевский, чтобы черпать из него материал для всякого рода пророчеств и предзнаменований, — писал Е. Ляцкий, — но к делу русской революции он решительно никакого отношения не имеет, и поминать его в страдные революционные дни, какие мы переживаем теперь, едва ли у места»⁴⁵.

Итак, в конце 1905 г. Мережковский работал над двумя вариантами статьи. Выслушав замечания А. Г. Достоевской, он прибегнул к уловке: отредактировал краткий вариант, сокращая его текст и смягчая лексику, а выпущенные фрагменты сохранил в развернутом варианте. Оба варианта в машинописи уже имеют название «Пророк русской революции (К юбилею Достоевского)», включавшее семантически провокационное словосочетание, повышающее полемический накал и свидетельствующее о решении публицистической, а не биографической задачи. Принимая предложение Достоевской, писатель, вероятно, намеревался написать все же биографический очерк вроде тех, которые уже публиковались в Полных собраниях сочинений Достоевского Д. В. Аверкиевым, К. К. Случевским и В. В. Розановым.

Тем более, что его опыт работы над биографией Достоевского в книге «Л. Толстой и Достоевский» свидетельствовал о глубоком проникновении в материал, о сочувственном отношении к сложной судьбе писателя.

Но задача написать вступительную статью к собранию сочинений встала перед Мережковским в 1905 г. — в дни огромных общественных потрясений, когда стало актуальным не эстетическое, а религиозно-общественное прочтение произведений писателя, что и отразило иное название статьи. Тем более, что сам Мережковский искал язык для описания «нового религиозного сознания», о чем свидетельствует его публицистика тех лет. Потенциал подобного осмысления творчества Достоевского уже содержался в книге «Л. Толстой и Достоевский». Не случайно автор опирался, прежде всего, на публицистику Достоевского, а для отдельного издания брошюры о нем отредактировал те главы из нее, которые давали возможность истолковать его наследие в проекции на актуальные события.

Заметим, что С. Н. Булгаков также отказался от жанра биографического очерка, сославшись на недостаточную осведомленность о жизненном пути писателя и предлагая Достоевской «лишь очерк о некоторых идеях или мотивах творчества Ф. М. Достоевского»⁴⁶. Их интерпретация в целом сближалась с точкой зрения Мережковского, но была проведена мягче и деликатнее.

Статья «Пророк русской революции (К юбилею Достоевского)» явилась результатом существенной эволюции Мережковского, прошедшего путь от осознания Достоевского «тайновидцем духа» до объявления его бессознательным «пророком русской революции». Варианты и редакции его статьи дают возможность проследить этот процесс.

Архивные источники

ОР ИРЛИ — Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (Санкт-Петербург). Фонд 177. Ед. хр. 29565.

Примечания

- 1 Из архива А. Г. Достоевской. Письма Д. С. Мережковского и С. Н. Булгакова. Переписка с В. В. Розановым. Публикация Э. Гарэтто // Минувшее. Исторический альманах. 9. Paris: Atheneum, 1990. С. 243.
- 2 Там же.
- 3 Там же. С. 244.
- 4 «Весы» — критико-библиографический журнал, издававшийся В. Я. Брюсовым и С. А. Поляковым с 1904 по 1909 г. Основной орган русского символизма.
- 5 Переписка З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковского, Д. В. Filosofova с В. Я. Брюсовым (1904–1906) / публ. М. В. Толмачева, коммент. Т. В. Воронцовой // Российский литературоведческий журнал. 1996. № 7. С. 215.

- 6 Там же. С. 218.
- 7 Из архива А. Г. Достоевской. Письма Д. С. Мережковского и С. Н. Булгакова. Переписка с В. В. Розановым. Публикация Э. Гарэтто // Минувшее. Исторический альманах. 9. Paris: Atheneum, 1990. С. 245.
- 8 Мережковский Д. С. Пророк русской революции. К юбилею Достоевского // Весы. 1906. № 2. Февраль. С. 27–45; № 3–4. Март–апрель. (Окончание). С. 19–47.
- 9 Мережковский Д. С. Пророк русской революции. К юбилею Достоевского. М.: Изд. М. В. Пирожкова, 1906. 153 с.
- 10 Мережковский Д. С. Бесноватый или пророк? // Мережковский Д. С. Пророк русской революции. К юбилею Достоевского. М.: Изд. М. В. Пирожкова, 1906. С. 57–77.
- 11 Мережковский Д. С. Загадка Достоевского // Мережковский Д. С. Пророк русской революции. К юбилею Достоевского. М.: Изд. М. В. Пирожкова, 1906. С. 79–152.
- 12 Цит. по: Из архива А. Г. Достоевской. Письма Д. С. Мережковского и С. Н. Булгакова. Переписка с В. В. Розановым. Публикация Э. Гарэтто // Минувшее. Исторический альманах. 9. Paris: Atheneum, 1990. С. 236.
- 13 Там же.
- 14 Андрианова И. С. А. Г. Достоевская как редактор и издатель // Достоевский и современность: материалы XXVI Международных Старорусских чтений 2011. Великий Новгород, 2012. С. 12.
- 15 Мережковский Д. С. Письмо А. Г. Достоевской от 16 (29) сентября 1906 г. / публ. Е. Андрущенко, Л. Фризмана // Русская речь. 1993. № 5. С. 32.
- 16 Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Юбилейное (шестое) издание. Т. 1. СПб.: Тип. П. Ф. Пантелеева, 1906. С. II.
- 17 Булгаков С. Н. Очерк о Ф. М. Достоевском. Чрез четверть века (1881–1906) // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Юбилейное (шестое) издание. Т. 1. СПб.: Тип. П. Ф. Пантелеева, 1906. С. III–XL.
- 18 Мережковский Д. С. Пророк русской революции // РО ИРЛИ. Ф. 177. Ед. хр. 29565. Л. 7.
- 19 Там же.
- 20 Там же. Л. 3.
- 21 Там же. Л. 3.
- 22 Там же. Л. 12.
- 23 Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский. Заключение // Мир искусства. 1902. Т. VII. № 2. Отд. II. С. 126.
- 24 Мережковский Д. С. Пророк русской революции. РО ИРЛИ. Ф. 177. Ед. хр. 29565. Л. 12–12 об.
- 25 Мережковский Д. С. Пророк русской революции (К юбилею Достоевского) // Мережковский Д. С. Полное собрание сочинений: в 24 т. Т. XIV. М.: И. Д. Сытин, 1914. С. 225.
- 26 Мережковский Д. С. Пророк русской революции // РО ИРЛИ. Ф. 177. Ед. хр. 29565. Л. 18–18 об.
- 27 Там же. Л. 11.
- 28 Там же. Л. 15 об., 16 об.
- 29 Мережковский Д. С. Пророк русской революции (К юбилею Достоевского) // Мережковский Д. С. Полное собрание сочинений: в 24 т. Т. XIV. М.: И. Д. Сытин, 1914. С. 224.
- 30 Мережковский Д. С. Пророк русской революции // РО ИРЛИ. Ф. 177. Ед. хр. 29565. Л. 14.
- 31 Там же.
- 32 Мережковский Д. С. Пророк русской революции (К юбилею Достоевского) // Мережковский Д. С. Полное собрание сочинений: в 24 т. Т. XIV. М.: И. Д. Сытин, 1914. С. 212.

- 33 Мережковский Д. С. Пророк русской революции // РО ИРЛИ. Ф. 177. Ед. хр. 29565. Л. 10 об.
 34 Там же.
 35 Там же. Л. 14 об.
 36 Там же.
 37 Там же.
 38 Там же.
 39 Из архива А. Г. Достоевской. Письма Д. С. Мережковского и С. Н. Булгакова. Переписка с В. В. Розановым. Публикация Э. Гарэтто // Минувшее. Исторический альманах. 9. Paris: Atheneum, 1990. С. 236.
 40 Мережковский Д. С. Пророк русской революции. К юбилею Достоевского // Весы. 1906. № 2. Февраль. Текст. С. 27.
 41 Мережковский Д. С. Пророк русской революции. К юбилею Достоевского // Весы. 1906. № 3–4. Март–апрель. Текст. (Окончание). С. 27.
 42 Там же.
 43 Там же. С. 33.
 44 Евг. Л. Мережковский Д. С. Пророк русской революции. К юбилею Достоевского. СПб., 1906 // Вестник Европы. 1906. Т. 4. Кн. 7. Июль. Литературное обозрение. VI. С. 388.
 45 Там же. С. 390.
 46 Из архива А. Г. Достоевской. Письма Д. С. Мережковского и С. Н. Булгакова. Переписка с В. В. Розановым. Публикация Э. Гарэтто // Минувшее. Исторический альманах. 9. Paris: Atheneum, 1990. С. 250.

Список литературы

1. Андрианова И. С. А. Г. Достоевская как редактор и издатель // Достоевский и современность: материалы XXVI Международных Старорусских чтений 2011. Великий Новгород, 2012. С. 3–16.
2. Андрианова И. С. Анна Достоевская: призвание и признания. Петрозаводск: ПетрГУ, 2013. 124 с.
3. Андрущенко Е. А. Ф. М. Достоевский в публицистике Д. С. Мережковского // Ф. М. Достоевский и культура Серебряного века: традиции, трактовки, трансформации: К 190-летию со дня рождения и к 130-летию со дня смерти Ф. М. Достоевского / [Отв. ред. А. А. Тахо-Годи, Е. А. Тахо-Годи. Сост. Е. А. Тахо-Годи]. М.: Водолей, 2013. С. 147–156.
4. Богданова О. А. Вокруг вступительной статьи к юбилейному (6-му) изданию ПСС Ф. М. Достоевского (штрихи к истории писательской биографии) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2015. Т. 74. № 3. С. 39–44.
5. Кантор В. К. Мережковский, или Актуализация религиозно-философских смыслов европейской культуры // Вопросы философии. 2019. Вып. № 8. С. 124–133.
6. Келдыш В. А. Два полюса мысли о Достоевском (Мережковский и Вяч. Иванов) // Келдыш В. А. Наследие Ф. М. Достоевского в философской и литературно-критической мысли Серебряного века русской литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 182–251.
7. Колеров М. А. Не мир, но меч. Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех» 1902–1909. СПб.: Изд-во «Алетейя», 1996. 375 с.
8. Лавров А. В. «Не продается вдохновенье...»: Письма Д. С. Мережковского к П. Б. Струве // Литературный факт. 2019. № 3 (13). С. 109–123.

References

1. Andrianova I. S. A. G. Dostoevskaya as an Editor and Publisher. In: *Dostoevskiy i sovremennost': materialy XXVI Mezhdunarodnykh Starorusskikh chteniy 2011 [Dostoevsky and Modernity. Proceedings of the 26th International Staraya Russa Conference of 2011]*. Novgorod the Great, 2012, pp. 3–16. (In Russ.)
2. Andrianova I. S. *Anna Dostoevskaya: prizvanie i priznaniya [Anna Dostoevskaya: Life's Purpose and Acceptance]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2013. 124 p. (In Russ.)
3. Andrushchenko E. A. F. M. Dostoevsky in the Journalism of D. S. Merezhkovsky. In: *F. M. Dostoevskiy i kul'tura Serebryanogo veka: traditsii, traktovki, transformatsii: k 190-letiyu so dnya rozhdeniya i k 130-letiyu so dnya smerti F. M. Dostoevskogo [F. M. Dostoyevsky and the Silver Age Culture: Traditions, Interpretations, Transformations: to the 190th Anniversary of the Birth and to the 130th Anniversary of the Death of F. M. Dostoevsky]*. Moscow, Vodoley Publ., 2013, pp. 147–156. (In Russ.)
4. Bogdanova O. A. About the Introductory Article Prefacing the Anniversary (6th) Edition of Complete Works of F. M. Dostoevsky: Additional Touches to the History of Literary Biography. In: *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya literatury i yazyka [The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]*, 2015, vol. 74, no. 3, pp. 39–44. (In Russ.)
5. Kantor V. K. Merezhkovsky, or Actualization of Religious and Philosophical Meanings of European Culture. In: *Voprosy filosofii*, 2019, no. 8, pp. 124–133. (In Russ.)
6. Keldysh V. A. Two Poles of Thought About Dostoevsky (Merezhkovsky and Vyacheslav Ivanov). In: *Keldysh V. A. Nasledie F. M. Dostoevskogo v filosofskoy i literaturno-kriticheskoy mysli Serebryanogo veka russkoy literatury [Keldysh V. A. F. M. Dostoevsky's Heritage in the Philosophical and Literary-Critical Thought of the Silver Age of Russian Literature]*. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2019, pp. 182–251. (In Russ.)
7. Kolerov M. A. *Ne mir, no mech. Russkaya religiozno-filosofskaya pechat' ot «Problem idealizma» do «Vekh» 1902–1909 [Not Peace, but a Sword. Russian Religious and Philosophical Press from “Problems of Idealism” to “Milestones” 1902–1909]*. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 1996. 375 p. (In Russ.)
8. Lavrov A. V. “Inspiration is not for Sale...”: Dmitry Merezhkovsky's Letters to Petr Struve. In: *Literaturnyy fakt [Literary Fact]*, 2019, no. 3 (13), pp. 109–123. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Андрущенко Елена Анатольевна, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН (ул. Поварская 25а, г. Москва, Российская Федерация, 121069); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8260-4961>; e-mail: Andrushenko@gmail.com

Elena A. Andruschenko, PhD (Philology), Professor, Leading Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (ul. Povarskaya 25a, Moscow, 121069, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8260-4961>; e-mail: Andrushenko@gmail.com

Поступила в редакцию / Received 04.05.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 15.06.2021

Принята к публикации / Accepted 21.06.2021

Дата публикации / Date of publication 05.07.2021

В оформлении обложки использован фотопортрет Дж. Гарибальди
в любимом южноамериканском пончо (1866).
Вероятный фотограф — Маттео Броги

For the design of the cover page there was used a portrait of J. Garibaldi
in his favorite South American poncho (1866).
The likely photographer is Matteo Brogi

Редакторы: И. С. Андрианова, М. В. Заваркина, Е. Н. Вяль
Компьютерная верстка: В. С. Зинкова, Е. Н. Вяль
Перевод: Я. И. Соломинская
Зав. редакцией: И. С. Андрианова

Адрес редакции:
185910, Российская Федерация, Петрозаводск,
Петрозаводский государственный университет

Address of the Editorial Staff:
185910, Russian Federation Petrozavodsk,
Petrozavodsk State University

Tel. +7 (8142) 719 603
E-mail: poetica@post.com
<http://unknown-dostoevsky.ru>